

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

1860.

АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

Стр.

Отдѣлъ I. Высочайшія повелѣнія.	5.
I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ продолженіе февраля 1860 года.	
II. Высочайшіе именныя указы, данныя Правительствующему Сенату.	
III. Высочайше утвержденныя положенія комитета гг. министровъ.	
IV. Высочайшее повелѣніе, объявленное г. управляющимъ межевымъ корпусомъ.	
V. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по гражданскому дѣлу.	
Отдѣлъ II. Правительственныя распоряженія.	21.
А. по сенату.	
По вопросу о порядкѣ сужденія лицъ, конкурсныя управленія составляющихъ.	
В. по министерству юстиціи.	
Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству за 1858 годъ.	
Отдѣлъ III. Личный составъ.	34.
Главнѣйшія переменны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.	

II. Часть неофициальная.

Отдѣлъ I. Объ имущественныхъ правахъ вообще: (<i>Изъ лекцій Д. И. Мейера</i>) издалъ А. Вицинъ. . .	3.
Бентамъ и его сочиненія. . . А. Кирижа. . .	53.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

1860.

ТОМЪ IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

ЖАРНАКЪ

МИНИСТЕРСТВО ПОСЛАНИИ

Печатать позволяется, С. Петербургъ. 23 марта 1860 года.

Ценсоръ Обертъ.

1860

ТОМЪ IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТНИКОВЪ СЕНАТА.

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Ж. М. Ю. Т. IV. Ч. I.

РАЙОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

СРОЧНО

И. П. VI. T. OI. M. Ж

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ продолженіи февраля 1860-го года.

1. О перерубѣ деревь больше 10 на 100 по количеству, длинѣ или толщинѣ.

18-го января 1860-го г. Высочайше утверждено и 24-го февраля обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ, въ замѣнь подлежащихъ статей свода законовъ (т. VIII уст. лѣсн. ст. 754 и т. XV улож. о наказ. ст. 983), постановлено слѣдующее: «Если кто при рубкѣ казеннаго лѣса сдѣлаетъ перерубку болѣе нежели назначено въ билетѣ по количеству деревь и не объявитъ о томъ добровольно кому слѣдуетъ, или хотя и объявитъ, но сія перерубка окажется болѣе десяти на сто по количеству деревь, то все излишне вырубленное отбирается отъ него, какъ похищенное, и виновный подвергается соразмѣрному денежному взысканію и наказанію, по правиламъ, въ уложеніи о наказаніяхъ постанов-

леннымъ. Если напротивъ сдѣлано имъ добровольное объявленіе о перерубкѣ и она не превышаетъ десяти на сто по количеству деревъ, то съ него довыскиваются дополнительныя за излишекъ по таксѣ деньги. *Примѣчаніе 1-е.* Постановленное въ сей статьѣ наказаніе за перерубъ деревъ по количеству не относится до переруба ихъ по длинѣ и толщинѣ, когда число всѣхъ вырубленныхъ по одному билету деревъ не превышаетъ въ общей сложности 10 на 100 по количеству, и когда объ этомъ перерубѣ сдѣлано будетъ добровольное объявленіе, и въ такомъ случаѣ, за перерубъ по размѣрамъ довыскивать дополнительныя деньги по таксѣ, или по цѣнѣ продажной, если она выше таксы, или по условіямъ, постановленнымъ въ контрактѣ. Въ противномъ же случаѣ, при необъявленіи о сдѣланномъ перерубѣ по размѣрамъ, а также при вырубкѣ мачтовыхъ и другихъ запрещенныхъ размѣровъ деревъ, въ какомъ бы ни было числѣ, виновные подвергаются взысканіямъ и наказаніямъ, въ уложеніи о наказаніяхъ указаннымъ. *Примѣчаніе 2-е.* При обмѣрѣ дозволенныхъ по билетамъ къ вырубкѣ бревень, откосъ въ срубѣ бревна не включать въ счетъ размѣра дерева, когда онъ не длиннѣе 8-ми вершковъ; въ противномъ же случаѣ, считать бревно превышающимъ дозволенную мѣру и взыскивать за излишекъ, сверхъ 8-ми вершковъ, дополнительную по длинѣ пошлину».

2.) *О запискѣ купцовъ и мѣщанъ столичныхъ и губернскихъ городовъ въ состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей.*

14-го декабря 1859-го г. Высочайше утверждено и 25 февраля 1860-го г. обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта слѣдующаго содержания:

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе общаго собранія

1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента Герольдиі Правительствующаго Сената о дозволеніи купцамъ и мѣщанамъ столичныхъ и губернскихъ городовъ записываться въ состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей, наравнѣ съ мѣщанами уѣздныхъ городовъ и посадовъ, нашель, что въ дѣлѣ сѣмъ подлежатъ разрѣшенію два вопроса: первый, распространяется ли на мѣщанъ столичныхъ и губернскихъ городовъ изложенное въ пунктѣ 1-мъ статьи 619-й зак. о состоян. (св. зак. т. IX-го изд. 1857 г.) дозволеніе мѣщанамъ уѣздныхъ городовъ и посадовъ записываться въ состояніе сельскихъ обывателей, и второй, слѣдуетъ ли оставить въ своей силѣ содержащееся въ томъ же пунктѣ 619-й ст. закон. о состоян. запрещеніе перехода въ состояніе сельскихъ обывателей тѣмъ мѣщанамъ, кои не только сами, но и отцы ихъ никогда не занимались хлѣбопашествомъ, или вступили уже въ какую-либо промышленность, свойственную городскимъ жителямъ. По первому вопросу государственный совѣтъ призналъ, что какъ всякій губернской или столичный городъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и уѣздный, то и по буквальному смыслу статьи 619-й, и по общему духу закона (который предоставляетъ одинаковыя права всѣмъ мѣщанамъ безъ различія, жительствоуютъ ли они въ городахъ столичныхъ и губернскихъ, или же въ городахъ уѣздныхъ и даже въ посадахъ и селеніяхъ), изложенное въ упомянутой статьѣ дозволеніе мѣщанамъ уѣздныхъ городовъ записываться въ состояніе сельскихъ обывателей распространяется въ равной мѣрѣ и на мѣщанъ столичныхъ и губернскихъ городовъ. Переходя за сѣмъ къ разрѣшенію втораго вопроса (о томъ: слѣдуетъ ли оставить въ силѣ содержащееся въ 1-мъ пунктѣ 619-й ст. зак. о состоян. запрещеніе перехода въ состояніе сельскихъ обывателей тѣмъ мѣщанамъ, кои не только сами, но и отцы ихъ не занимались земледѣльствомъ, или вступили уже въ какую-либо промышленность, свойственную городскимъ жителямъ), государственный совѣтъ нашель, что ограниченіе сіе крайне тягостно для тѣхъ изъ

городскихъ обывателей, кои, по какимъ бы то ни было причинамъ, пожелали бы заниматься земледѣлемъ, и потому оно по всей справедливости должно быть отмѣнено. Въ слѣдствіе сихъ соображеній государственный совѣтъ *миліемъ положилъ*: 1., пунктъ 1-й статьи 619-й зак. о состоян. (св. зак. т. IX-го изд. 1857 г.) изложить такъ: «Въ состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей могутъ записываться: купцы, мѣщане и вообще всѣ городскіе обыватели городовъ столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ и посадовъ, равно какъ и жительствующіе въ селеніяхъ; и 2., Затѣмъ, существовавшее доннынѣ воспрещеніе перехода въ состояніе сельскихъ обывателей тѣмъ мѣщанамъ, кои не занимались земледѣльствомъ или вступили въ какую-либо промышленность, собственную городскимъ жителямъ, отмѣнить».

II. Высочайшіе именные указы, данныя Правительствующему Сенату.

1.) *О дозволеніи Софіи Тарасенко-Атрѣшковой передать имѣніе въ пожизненное владѣніе мужа.*

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе жены коллежскаго ассесора Софіи Тарасенко-Атрѣшковой, урожденной Полторацкой, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ей родовое недвижимое имѣніе, состоящее Ново-Оскольскаго уѣзда Курской губерніи въ слободѣ Ново-Ивановкѣ, Чернянка тожъ, и хуторахъ: Большомъ, Атрѣшковѣ тожъ, и Александровскомъ, на которыхъ водворено всего 524 ревизскихъ мужскаго пола крестьянъ, со всѣми слѣдующими къ сему имѣнію землями и угодьями,—передать, послѣ ея смерти, въ пожизненное владѣніе мужа ея, коллежскаго ассесора Любима Тарасенко-Атрѣшкова, въ замѣнъ слѣдующей ему изъ сего

имѣнія указной части, отъ получения которой онъ отказался во всеподданнѣйшей просьбѣ, и съ тѣми правами, кои соединены съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностію уплачивать лежащіе на ономъ казенные и частные долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія означеннаго имѣнія, дозволяется Любиму Тарасенко-Атрѣшкову залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти его, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ Софіи Тарасенко-Атрѣшковой, если ею не будетъ сдѣлано объ ономъ особаго распоряженія, на точномъ основаніи существующихъ постановленій. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною его императорскаго величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

20-го октября 1859-го года.

2.) *О дозволеніи графу Павлу Толстому передать имѣніе въ пожизненное владѣніе жены.*

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе тайнаго совѣтника графа Павла Толстаго, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему родовое имѣніе, состоящее Тульской губерніи Епифанскаго уѣзда въ селѣ Богоявленскомъ, Хитровщинѣ тожъ, сельцѣ Клобучкѣ, деревняхъ: Кудашевѣ, Кашинской, Ковалевкѣ, Львовѣ, Галицкой, Поповкѣ, Измайловкѣ и Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда въ селѣ Дмитріевкѣ, деревняхъ: Красной, Жмуровой, Шанчеровой и Кадушкиной,—населенное по 10-й ревизіи 2759 крестьянами, съ принадлежащими къ нему 15,728 десятинами 1800 саженьми

земли, а равно со всеми угодьями, передать послѣ его смерти въ пожизненное владѣніе супруги, графини Софьи Толстой, отказавшейся отъ слѣдующей ей изъ сего имѣнія указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностию уплачивать лежащія на ономъ казенные и частные долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержания имѣнія, дозволяется графинѣ Толстой залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установле- нияхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. Правитель- ствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать над- лежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величе- ства рукою написано АЛЕКСАНДРЪ.

23-го Октября 1859 года.

3) *О дозволеніи коллежскому советнику Рудневу пере- дать имѣніе въ пожизненное владѣніе жены.*

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе коллежскаго со- вѣтника Андрея Руднева, Всемилостивѣйше дозволяемъ: при- надлежащее ему родовое имѣніе Тульской губерніи, Веневска- го уѣзда, селцо Камельково, со всеми слѣдующими къ нему землями и угодьями, на которыхъ водворены 45 ревизскихъ по 10-й ревизіи мужеска пола крестьянъ, передать послѣ его смерти въ пожизненное владѣніе жены Любови Рудневой, от- казавшейся отъ слѣдующей ей изъ сего имѣнія указной ча- сти, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностию уплачивать лежащія на ономъ ка-

зные и частные долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется Рудневой залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти обоихъ супруговъ, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ Руднева. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: АЛЕКСАНДРЪ.

6-го Ноября 1859 года.

4) *О дозволеніи графу Карлу фонъ-деръ-Остенъ-Сакену передать имѣніе въ пожизненное владѣніе жены.*

Списходя на Всподданнѣйшее прошеніе генералъ-маіора графа Карла фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему родовое имѣніе, Кіевской губерніи, Кіевского уѣзда, деревни: Мирощкъ, Буду-Бабинскую, села Микулочи и Филиповичи, населенныя по 10-й народной переписи 807 крестьянами, съ землями и со всѣми принадлежностями передать, по его смерти, въ пожизненное владѣніе жены его, графини Августины фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, урожденной фонъ-Гене, въ замѣнъ слѣдующей ей изъ онаго указанной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностію уплачивать лежащія на ономъ долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется женѣ просителя залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйстви-

тельной и дознанной надобности. По смерти графини Августины фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, имѣніе, находившееся въ пожизненномъ ея владѣніи, должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ мужа ея, если имъ не будетъ сдѣлано другихъ объ ономъ распоряженій, на точномъ основаніи законовъ. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

1-го Января 1860 года.

5) *О дозволѣніи помѣщику Людвигу Каменскому передать имѣніе въ пожизненное владѣніе матери.*

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе помѣщика Людвигу Каменскаго, Всемилостивѣйше дозволяемъ: оставшееся послѣ смерти отца его, отставнаго лейбъ-гвардіи штабсъ-ротмистра Александра Каменскаго, въ Виленской губерніи, Вилейскомъ уѣздѣ, родовое имѣніе Долгиново, съ фольваркамъ: Каролинъ, Изабелинъ и Пунки, населенное по 10 ревизіи 1049 мужескаго пола крестьянами, со всѣми къ нему принадлежностями, передать въ пожизненное владѣніе овдовѣвшей матери просителя, Феодосіи Каменской, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностію уплачивать лежащія на ономъ казенные и частные долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется залогъ и перезалогъ того имѣнія въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соотвѣтствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти Феодосіи Каменской имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ вышеупомянутаго Александра Ка-

менскаго. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: АЛЕКСАНДРЪ.

22-го Января 1860 года.

III. Высочайше утвержденныя положенія комитета гг. министровъ.

1) *О порядкѣ храненія Высочайше утвержденныхъ на города плановъ.*

Въ комитетъ гг. министровъ внесены были составленныя Министерствомъ Юстиціи предположенія о новомъ порядкѣ храненія Высочайше утвержденныхъ на города плановъ и снятія, разсылки и храненія копій съ оныхъ.

Предположенія Министерства Юстиціи по сему предмету касались: 1) порядка храненія подлинныхъ Высочайше утвержденныхъ плановъ на города, и 2) порядка снятія, разсылки и храненія копій съ таковыхъ плановъ.

Относительно перваго предмета Министерство Юстиціи полагало: подлинныя Высочайше утвержденныя планы городовъ хранить въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Относительно втораго предмета—числа имѣющихъ сниматься копій съ вышеозначенныхъ плановъ, Министерство Юстиціи полагало нужнымъ снимать таковыя копии въ четырехъ экземплярахъ и отсылать оныя: въ министерство внутреннихъ дѣлъ и во II-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи на прежнемъ основаніи по одному экземпляру, одинъ экземпляръ въ губернскую строительную и до-

рожную комиссію и наконецъ послѣдній въ губернскую чертежную. Послѣдняя копія можетъ, въ случаѣ нужды, служить для справокъ какъ губернатора, такъ и для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Комитетъ полагалъ: испросить Высочайшее его императорскаго величества соизволеніе, относительно порядка храненія Высочайше утвержденныхъ плановъ на города и снятія, разсылки и храненія копій съ означенныхъ плановъ привести въ исполненіе предположеніе министра юстиціи, съ коимъ согласился и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями.

Государь императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

О таковой Высочайшей волѣ предложено Правительствующему Сенату 10 февраля текущаго года.

2) *О выдачѣ порціонныхъ денегъ нижнимъ чинамъ Внутренней стражи, командируемымъ къ землемѣрамъ.*

Министръ юстиціи, принявъ во вниманіе, что нижніе чины внутренней стражи, командируемые къ землемѣрамъ, производящимъ разнаго рода межеванія, подвергаются совершенно одинаковымъ нуждамъ, и что если закономъ установлена выдача порціонныхъ денегъ тѣмъ изъ нихъ, которые находятся при межеваніи земель удѣльныхъ, то представлялось бы справедливымъ право полученія такихъ денегъ распространить и на всѣхъ вообще нижнихъ чиновъ внутренней стражи, не различая того, при межеваніи какихъ земель они находятся, съ возвращеніемъ въ послѣдствіи сихъ денегъ порядкомъ, въ ст. 186-й X т. св. зак. меж. указаннымъ, входилъ о семъ съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ.

Комитетъ полагалъ: заключеніе министра юстиціи утвердить.

Государь Императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

О таковой Высочайшей волѣ предложено Правительствующему Сенату 7-го марта 1860 года.

IV. Высочайшее повелѣніе, объявленное г. управляющимъ межевымъ корпусомъ.

О сокращеніи срока обязательной службы по межевому вѣдомству.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. управляющаго межевымъ корпусомъ о сокращеніи срока обязательной службы за воспитаніе въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и школѣ межевыхъ топографовъ, въ 25 день января 1860 года Высочайше повелѣть соизволилъ: сократить оный пятью годами, т. е. чтобы воспитывавшіеся только на счетъ казны по окончаніи курса ученія обязаны были прослужить въ межевомъ вѣдомствѣ пять лѣтъ, а своекоштнымъ предоставить пользоваться правами заведенія безъ всякаго обязательнаго срока.

О таковой Высочайшей волѣ предложено Правительствующему Сенату 5-го февраля 1860-го года.

*V. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго
Совѣта по гражданскому дѣлу.*

*О деньгахъ, отыскиваемыхъ Дмитріемъ, Александромъ и
Варварою Ревуцкими и Екатериною Гнѣдичъ на основаніи ду-
ховнаго завѣщанія Ивана Пономарева (7-го декабря 1859
года).*

Обстоятельства дѣла сего слѣдующія:

По смерти коллежскаго ассесора Ивана Пономарева ос-
талось духовное завѣщаніе, составленное 11 мая 1822 г., и
дополненіе къ оному 11 мая 1823 г., коими онъ назначилъ
жену свою Ирину Пономареву пожизненною владѣльщицею всего
принадлежащаго ему благопріобрѣтеннаго недвижимаго населен-
наго имѣнія, состоящаго въ губерніяхъ: Ярославской и Твер-
ской.

Далѣе Иванъ Пономаревъ въ завѣщаніи своемъ опредѣ-
лилъ, что по смерти Ирины Пономаревой имѣніе Ярославской
губерніи, Мышкинскаго уѣзда, въ числѣ 1320 душъ муже-
скаго пола крестьянъ по VII-ой ревизіи поступаетъ къ внуку его
Дмитрію; по смерти же Дмитрія Пономарева, Мышкинское
имѣніе поступаетъ ко второму сыну его, Ивану Пономареву,
Николаю, который и долженъ изъ онаго имѣнія выдать дѣ-
тямъ покойной сестры своей Агрипины Ревуцкой 50 т. руб.
въ 5 лѣтъ и сестрѣ своей Екатеринѣ Гнѣдичъ 100 т. руб.
въ 5 лѣтъ.

Какъ духовное завѣщаніе, такъ и дополненіе къ оному
были засвидѣтельствованы 27 сентября 1823 года Тверскою
гражданскою палатою.

По смерти Ивана и Ирины Пономаревыхъ, Дмитрій По-
номаревъ вступилъ во владѣніе завѣщаннымъ ему въ Мыш-
кинскомъ уѣздѣ имѣніемъ.

Въ 1847 г. Дмитрій Пономаревъ умеръ бездѣтнымъ, въ слѣдствіе чего въ октябрѣ того же 1847 г. коллежскій совѣтникъ Николай Пономаревъ вошелъ въ Ярославскую гражданскую палату съ прошеніемъ, въ коемъ изъяснялъ, что имѣніе, доставшееся Дмитрію Пономареву по духовному завѣщанію дѣда его Ивана Пономарева, должно за смертію Дмитрія поступить въ единственное его Николая владѣніе, но что по неизвѣстности казенныхъ и частныхъ долговъ, онъ нынѣ же принять имѣнія не можетъ, посему, изъявляя лишь одно право на принадлежность сего имѣнія, согласно духовному завѣщанію, просилъ вызвать всѣхъ кредиторовъ и должниковъ покойнаго Дмитрія Пономарева.

Засимъ въ новомъ прошеніи, поданномъ 9 марта 1848 г. въ палату, Пономаревъ обращалъ вниманіе оной на то, что на основаніи 953, 954, 955 и 956 ст. т. X св. зак. гражд. изд. 1842 г. онъ долженъ наследовать имѣніе Дмитрія Пономарева не въ слѣдствіе завѣщанія покойнаго родителя своего, а по смыслу означенныхъ статей свода, какъ прямой и единственный наследникъ.

Наконецъ, освѣдомившись о положеніи дѣлъ Дмитрія Пономарева, Николай Пономаревъ 17 Сентября 1848 г. просилъ Палату ко всему оставшемуся послѣ Дмитрія Пономарева имѣнію, на основаніи указанныхъ имъ, Николаемъ, узаконеній утвердить его, какъ прямого и единственнаго по немъ наследника, въ правахъ наследства и предоставить ему оное въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Согласно сему прошенію и за неявкою другихъ наследниковъ, Николай Пономаревъ введенъ былъ 20 октября 1849 г. во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ, оставшимся послѣ Дмитрія Пономарева.

Обстоятельство сіе послужило поводомъ женѣ надворнаго совѣтника Екатеринѣ Гнѣдичъ и дѣтямъ Агрипины Ревуцкой обратиться къ Николаю Пономареву съ требованіемъ объ

Ж. М. Ю. Т. IV. Ч. I.

уплатѣ ей, Гнѣдичъ, 100 т. руб. асс., а имѣ, Ревуцкимъ, 50 т. руб. асс., назначенныхъ по духовному завѣщанію Ивана Пономарева, въ силу коего Николай Пономаревъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ, оставшимся по смерти Дмитрія Пономарева.

Николай Пономаревъ, отклоняя отъ себя обязанность уплаты означенныхъ денегъ, объяснялъ, что онъ наслѣдовалъ имѣніе не въ силу завѣщанія, а какъ прямой наслѣдникъ по закону.

Дѣло о семъ восходило въ апелляціонномъ порядкѣ на ревизію Правительствующаго Сената (по 2 департаменту), который, признавъ искъ Гнѣдичъ и Ревуцкихъ о взысканіи съ Николая Пономарева 150 т. руб. асс. неосновательнымъ, 18 февраля 1857 г. заключилъ: въ искъ семъ отказать.

На такое опредѣленіе Правительствующаго Сената штабсъ-капитанъ Дмитрій, дворянки Александра и Варвара Ревуцкіе и Екатерина Гнѣдичъ, принесли всеподданнѣйшія жалобы, которыя, за сплюю послѣдовавшаго о семъ Высочайшаго повелѣнія, были разсмотрѣны общимъ Сената собраніемъ, изъ котораго настоящее дѣло, за разногласіемъ гг. сенаторовъ, поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашель, что въ немъ представляется къ разрѣшенію вопросъ: можетъ ли подлежать удовлетворенію претензія, предъявленная къ статскому совѣтнику Николаю Пономареву Дмитриемъ, Александрою и Варварою Ревуцкими въ 50 т. руб. и вдовою Екатериною Гнѣдичъ въ 100 т. руб. асс? Изъ дѣла видно, что истцы Ревуцкіе и Гнѣдичъ право свое на полученіе изъ имѣнія Николая Пономарева денежныхъ выдачъ основываютъ на духовномъ завѣщаніи коллежскаго ассесора Ивана Пономарева, которое не только было признано самимъ отвѣтчикомъ Николаемъ Пономаревымъ, но и приведено въ дѣйствительное исполненіе, и со времени смерти завѣщателя, въ те-

ченіе болѣе двухъ земскихъ давностей, осталось неоспореннымъ; хотя же Николай Пономаревъ отказывается отъ выдачи дѣтямъ своихъ сестеръ, на основаніи сего завѣщанія, денежныхъ суммъ, ссылаясь на примѣчаніе къ ст. 1011-й т. X ч. I-й зак. гражд., и доказываетъ незаконность сего завѣщательнаго распоряженія тѣмъ, что Иванъ Пономаревъ опредѣлилъ въ своемъ завѣщаніи дальнѣйшій переходъ наслѣдственнаго имѣнія отъ Дмитрія Пономарева къ нему, Николаю, — по узаконеніе сіе не можетъ имѣть прямого примѣненія къ настоящему дѣлу, такъ какъ завѣщаніемъ Ивана Пономарева переходъ наслѣдственнаго имѣнія, оставшагося послѣ Дмитрія Пономарева, назначенъ согласно съ законнымъ порядкомъ наслѣдованія, то есть преемникомъ Дмитрія по завѣщанію назначенъ его законный наслѣдникъ Николай Пономаревъ и въ то же время на него возложена обязанность уплатить означенныя выше суммы Ревуцкимъ и Гнѣдичъ. Случай этотъ дѣйствующими нынѣ законами не предусмотрѣнъ, ибо по ст. 1086 т. X ч. I зак. гражд. отъ выдачи денежныхъ назначеній изъ имѣнія могутъ отказаться только лица, получающія родовое имѣніе завѣщателя, а Николай Пономаревъ получилъ благопріобрѣтенное имѣніе своего отца; примѣчаніе же къ статьѣ 1011 т. X ч. I зак. гражд. относится собственно къ такимъ распоряженіямъ, когда имѣніе, по смерти того, кому оно завѣщано, переходитъ къ законному его наслѣднику, который самъ въ наслѣдствѣ по завѣщанію не участвовалъ. Освободить на основаніи сего закона сына, получившаго отъ отца значительнѣйшую часть благопріобрѣтеннаго его имѣнія, отъ исполненія его воли относительно другой части онаго, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, значило бы распространить дѣйствіе упомянутаго закона на такія обстоятельства, которыхъ онъ вовсе не предвидѣлъ. Такимъ образомъ Иванъ Пономаревъ возложеніемъ на Николая денежныхъ выдачъ изъ имѣнія Дмитрія Пономарева, въ случаѣ перехода сего имѣнія къ законному его наслѣднику Николаю, не нарушилъ выше-

приведенныхъ узаконеній, такъ какъ обязанность сдѣлать денежные выдачи возложена по завѣщанію не на третье лицо, которое въ наслѣдствѣ не участвовало и къ которому собственно относится заключающееся въ примѣчаніи къ статьѣ 1011 воспрещеніе, но на того же Николая Пономарева, который, былъ вмѣстѣ и наслѣдникомъ по завѣщанію Ивана Пономарева и къ которому послѣ смерти Дмитрія Пономарева должно было перейти остальное имѣніе завѣщателя; неудовлетвореніе же претензіи Ревуцкихъ и Гнѣдичъ представляется тѣмъ болѣе несправедливымъ, что Николай Пономаревъ въ отношеніи сихъ претензій отвергаетъ силу того именно завѣщанія, на основаніи котораго онъ самъ получилъ въ 1823 г. благопріобрѣтенное послѣ отца имѣніе, состоящее въ Тверской губерніи, и съ того времени не только не оспаривалъ завѣщанія родителя въ теченіи болѣе двухъ земскихъ давностей, но самъ представилъ оное въ 1847 году въ основаніе правъ на оставшееся послѣ Дмитрія Пономарева имѣніе, изъ котораго назначены денежные въ пользу Ревуцкихъ и Гнѣдичъ выдачи и въ то же время въ особомъ письмѣ къ Екатеринѣ Гнѣдичъ положительно объявилъ о сдѣланномъ въ ея пользу тѣмъ завѣщаніемъ назначеніи въ случаѣ перехода къ нему имѣнія Дмитрія Пономарева.

По симъ основаніямъ Государственный Совѣтъ, признавая въ полной мѣрѣ дѣйствительными претензіи штабсъ-капитана Дмитрія и дворянокъ Александры и Варвары Ревуцкихъ и вдовы надворнаго совѣтника Екатерины Гнѣдичъ, основанныя на духовномъ завѣщаніи Ивана Пономарева 11 мая 1822 г., *мнѣніемъ положилъ:*

1) съ имѣнія, перешедшаго къ статскому совѣтнику Николаю Пономареву, отъ племянника его Дмитрія Пономарева, взыскать, согласно означенному завѣщанію, въ пользу Ревуцкихъ 50 т. руб. ас. и въ пользу Гнѣдичъ 100 т. руб. ас. съ процентами, начавъ исчисленіе оныхъ чрезъ пять лѣтъ послѣ открытія наслѣдства смертію Дмитрія Пономарева, такъ какъ завѣщанныя суммы наслѣдникъ Дмитрія Пономарева долженъ былъ по завѣщанію выплатить въ теченіе 5-ти лѣтъ, и 2) опредѣленіе 2 департамента Исполняющаго Сената, 18 февраля 1857 года по настоящему дѣлу послѣдовавшее, отмѣнить.

ОТДѢЛЪ II.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

А. по сенату.

По вопросу о порядкѣ сужденія лицъ, конкурснаго управленія составляющихъ.

11-го Декабря 1859-го года послѣдоваль по общему собранію московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената указъ слѣдующаго содержания:

Въ Иркутскомъ губернскомъ совѣтѣ возбужденъ, законодательнымъ порядкомъ, вопросъ о томъ: въ случаѣ преданія уголовному суду членовъ конкурснаго управленія по дѣламъ о несостоятельности за безпорядки и упущенія по званію кураторовъ, какимъ порядкомъ должны быть судимы означенныя лица: слѣдственнымъ-ли, установленнымъ для дѣлъ о преступленіи должностей, при чемъ первою инстанціею суда должна быть уголовная палата,—или обыкновеннымъ порядкомъ, при чемъ дѣло поступаетъ къ рѣшенію въ низшую степень суда, слѣдую общему правилу подсудности? Изъ собранныхъ въ Сенатѣ свѣдѣній оказалось: 1) Что вопросъ о подсудности членовъ конкурснаго управленія былъ уже возбужденъ въ 1-мъ департаментѣ Сената по представленію Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора. 1-й департаментъ Сената

по сему предмету призналъ, что изъ дѣлъ уголовныхъ, на основаніи 1459 ст. XV т. свода зак. изд. 1842 г., подлежатъ сужденію уголовной палаты, какъ первой инстанціи, дѣла по преступленію должностей чиновниками, канцелярскими и нижними служителями, въ гражданской службѣ находящимися; всѣ же прочія уголовныя дѣла по состоянію лицъ, относятся къ сужденію первыхъ инстанцій, т. е. уѣздныхъ и надворныхъ судовъ, магистратовъ и ратушь (т. XV ст. 890 и 891). А какъ конкурсныя управленія, по силѣ 1745 ст. XI т. св. уст. торг., считаются присутственными мѣстами наравнѣ съ надворными судами и магистратами, то и поступки ихъ членовъ, ежели оныя касаются преступленія должности, подлежатъ разсмотрѣнію уголовныхъ палатъ на правѣ первой инстанціи. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: увѣдомить исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора, что члены конкурсныхъ управленій въ совершенныхъ ими преступленіяхъ по должности, на основаніи приведенныхъ узаконеній, подлежатъ сужденію уголовныхъ палатъ въ первой инстанціи. О чемъ 4 октября 1855 года посланъ къ нему указъ, въ разрѣшеніе его представленія и для руководства на будущее время.

2) Изъ донесеній Московской и Херсонской уголовныхъ палатъ, истребованныхъ Правительствующимъ Сенатомъ, видно, что дѣла объ упущеніяхъ по должности членовъ конкурснаго управленія разсматривались въ сихъ палатахъ порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ слѣдственныхъ. Изъ вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что вопросъ, признанный въ главномъ управленіи Восточной Сибири требующимъ новаго постановленія въ законѣ, разрѣшается существующими законами, по тому соображенію, что конкурсное управленіе считается, до окончанія дѣлъ своихъ, присутственнымъ мѣстомъ, имѣющимъ опредѣленный въ законѣ кругъ дѣйствія, слѣдовательно и члены его, за упущенія по должности, ввѣряемой имъ въ видахъ общественнаго порядка, въ

важномъ дѣлѣ охраненія общественнаго кредита, подлежатъ сужденію уголовныхъ палатъ на правѣ первой инстанціи. Что же касается до того, какимъ порядкомъ члены сѣн должны быть предаваемы суду и подвергаемы административнымъ взысканіямъ въ Сибири, по мѣстному составу ея управленія, то и на сей предметъ существуетъ въ законѣ положительное правило (1917, 1918 и 1993 ст. XI т. св. уст. торг. изд. 1857 г., а по изданію 1842 г. того же тома ст. 1752, 1753 и 1828), не требующее изъясненія или дополненія въ законодательномъ порядкѣ, такъ какъ въ Сибири существуютъ присутственныя мѣста и власти, соотвѣтствующія поименованнымъ въ 1917 ст. (изд. 1842 г. ст. 1752) магистратамъ, ратушамъ и губернскимъ правленіямъ; къ жалобамъ же, на постановленія сихъ мѣстъ приносимымъ, примѣняются общія правила о порядкѣ ревизіи дѣлъ и частныхъ жалобъ.—По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ, въ общемъ Московскихъ департаментовъ собраніи, опредѣлилъ: дать знать указомъ совѣту главнаго управленія Восточной Сибири, что возбуждаемый имъ вопросъ не требуетъ въ настоящее время новаго постановленія въ законодательномъ порядкѣ. Для отвращенія же на будущее время въ другихъ губерніяхъ сомнѣнія относительно подсудности членовъ конкурснаго управленія за преступленія ихъ по своей обязанности, о настоящемъ разрѣшеніи сего вопроса, для однообразнаго примѣненія во всѣхъ мѣстахъ, поставить въ извѣстность указами всѣ губернскія и областныя правленія и уголовныя палаты, губернскіе уголовные суды, равно Бессарабскій уголовный судъ и уголовный же судъ войска донскаго; а въ департаменты Правительствующаго Сената и общія собранія С.Петербургскихъ департаментовъ сообщить вѣдѣнія.

В. по министерству юстиции.

Извлечение из всеподданнейшаго отчета по Министерству юстиции за 1858 годъ.

И. Состояніе дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ судебнаго вѣдомства.

И. Перечневля свѣдѣнія о производившихся по судебному вѣдомству дѣлахъ.

Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства Министерства Юстиціи низшихъ, среднихъ и высшихъ производилось въ 1858 г. 507,257 дѣлъ, болѣе нежели въ 1857 г. на 28,983 дѣла.

Изъ этого числа *рѣшено* дѣлъ: уголовныхъ 196146, гражданскихъ 160582 и распорядительныхъ 19197, а всего 375925; осталось *перъшенныхъ* дѣлъ: уголовныхъ 55422, гражданскихъ 72282 и распорядительныхъ 3628, а всего 131332.

Общее число производившихся въ судебныхъ мѣстахъ имперіи дѣлъ распредѣлялось и имѣло движеніе по инстанціямъ въ слѣдующемъ видѣ:

И. По правительствующему сенату. Вообще по Сенату, кромѣ общихъ онаго собраній, въ 1858 году производилось дѣлъ: уголовныхъ 3643, гражданскихъ 17449 и распорядительныхъ 16926, а всего 38018,

Изъ этого числа рѣшено 31218, осталось нерѣшенныхъ 6800.

Въ частности по департаментамъ Сената движеніе дѣлопроизводства было слѣдующее:

а) *Въ уголовныхъ департаментахъ* производилось всего 3643 дѣла; въ томъ числѣ ревизіонныхъ 2742 и апелляціонныхъ 901. Изъ нихъ рѣшено 3641 и осталось нерѣшенныхъ 2 дѣла.

Изъ числа апелляціонныхъ дѣлъ, производившихся въ уголовныхъ департаментахъ Сената, по 457 дѣламъ Сенатъ призналъ жалобы незаслуживающими уваженія, оставивъ приговоры палатъ во всей ихъ силѣ, по 221 дѣлу приговоры палатъ, вслѣдствіе жалобъ, измѣнены Сенатомъ въ нѣкоторомъ лишь отношеніи, а по остальнымъ дѣламъ признаны неправильными.

На разсмотрѣніе общихъ Сената собраній перенесено было изъ уголовныхъ департаментовъ въ 1858 г. 47 дѣлъ, въ томъ числѣ 2 по Высочайшимъ повелѣніямъ, 20 по разногласію между сенаторами, 7 по несогласію съ заключеніемъ Сената оберъ-прокуроровъ и Министра Юстиціи, и наконецъ 18 дѣлъ по несогласію съ такими же заключеніями разныхъ Министровъ и управляющихъ отдѣльными частями. Изъ числа сихъ дѣлъ разсмотрѣно и разрѣшено въ Общихъ Собраніяхъ съ отмѣною рѣшеній департаментовъ 15, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ или дополненіемъ 12 и съ утвержденіемъ рѣшеній департаментовъ 15.

Въ теченіе 1858 г. въ уголовныхъ департаментахъ Сената разсмотрѣно 32 протеста губернскихъ прокуроровъ на несообразныя или съ обстоятельствами дѣлъ, или же съ законами постановленія уголовныхъ палатъ, изъ коихъ 19 протестовъ признаны заслуживающими уваженія, и вслѣдствіе того, сдѣлано надлежащее распоряженіе о пересмотрѣ рѣшеній означенныхъ судебныхъ мѣстъ.

б) *Въ гражданскихъ департаментахъ* производилось всего 17449 дѣлъ; въ томъ числѣ апелляціонныхъ 2388, слѣдственныхъ 2349 и частныхъ 12712. Изъ нихъ рѣшено 13609, осталось нерѣшенныхъ 3840.

На разсмотрѣніе общихъ Сената собраній внесено изъ всѣхъ гражданскихъ департаментовъ въ 1858 г. 131 дѣло, въ томъ числѣ: 59 апелляціонныхъ, 11 слѣдственныхъ и 61 частное.

Изъ вышеозначенныхъ 131 дѣлъ перенесены были въ Общее Собраніе: 42 по Высочайшимъ повелѣніямъ, 46 по происшедшимъ разногласіямъ въ мнѣніяхъ сенаторовъ, 23 по несогласію съ заключеніями Сената оберъ-прокуроровъ и Министра Юстиціи, остальные 20 дѣлъ внесены по несогласію съ таковыми же заключеніями прочихъ Министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями.

Изъ числа этихъ дѣлъ, разсмотрѣно и разрѣшено въ Общихъ Собраніяхъ въ теченіи 1858 г. 70, изъ коихъ по 33 дѣламъ рѣшенія департаментовъ оставлены въ полной ихъ силѣ, по 8 измѣнены лишь въ нѣкоторомъ отношеніи, а по 29 дѣламъ рѣшенія департаментовъ отмѣнены.

в) *Въ распорядительныхъ департаментахъ* производилось всего дѣлъ въ первомъ 6862, межевомъ 999 и въ департаментѣ герольдіи 9065, а всего 16926. Изъ сего числа рѣшено 13968; осталось нерѣшенныхъ 2958, изъ нихъ по межевому департаменту 357.

Въ межевой департаментъ бѣльшая часть апелляціонныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ поступаетъ изъ западныхъ губерній и Бессарабской области.—Особенный характеръ сихъ дѣлъ, равно какъ и поступающихъ изъ Таврической губерній, заключается въ томъ, что они производятся и рѣшаются на основаніи особенныхъ, изданныхъ для тамошнихъ мѣстъ, узаконеній, и при томъ въ дѣлахъ Бессарабскихъ и Таврическихъ, разсмотрѣнію Сената подлежатъ не только споры

о границахъ, но и права вотчинныя:—При такомъ соединеніи межеваго и гражданскаго судопроизводства, запутанность древняго поземельнаго права, недостатокъ и неясность документовъ (въ особенности въ отношеніи дѣлъ о вакуфахъ Крымскаго полуострова) и неопредѣленность межевыхъ признаковъ (въ отношеніи дѣлъ, оконченныхъ въ прежнее время рѣшеніями Молдавскаго дивана) требуютъ при рѣшеніи сихъ дѣлъ усиленнаго вниманія и трудовъ.

Обстоятельства эти служатъ главною причиною довольно значительнаго числа остающихся по межевому департаменту нерѣшенныхъ апелляціонныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ.

Доказательствомъ обширности нѣкоторыхъ межевыхъ дѣлъ служить то, что 38 изъ нихъ, рѣшенныхъ въ 1858 г., заключали въ себѣ 137 томовъ, болѣе 88 т. листовъ и до 290 плановъ.—По нѣкоторымъ частнымъ рѣшеннымъ дѣламъ записки простирались до 300 листовъ.

Изъ числа производившихся въ департаментѣ герольдіи дѣлъ, 703 дѣла не получили окончательнаго рѣшенія и приостановлены разсмотрѣніемъ до рѣшенія законодательнаго вопроса о порядкѣ причисленія къ почетному гражданству канцелярскихъ служителей за выслугу лѣтъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, исключаемыхъ изъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. Вопросъ этотъ разсматривается въ министерствѣ финансовъ.

Сравненіе съ прошлымъ годомъ количества поступившихъ въ департаменты Правительствующаго Сената и рѣшенныхъ въ оныхъ дѣлъ показываетъ, что вообще число вступившихъ уголовныхъ дѣлъ противъ прежняго года увеличилось на 315, а гражданскихъ и распорядительныхъ дѣлъ уменьшилось: первыхъ на 716, а послѣднихъ на 547.—Сообразно съ этимъ и самое число рѣшенныхъ дѣлъ по уголовнымъ департаментамъ увеличилось, а по гражданскимъ и распорядительнымъ—уменьшилось.

2) Въ *Общихъ Собраніяхъ Сената* производилось въ 1858 году дѣлъ: гражданскихъ 404, уголовныхъ 66, межевыхъ 17, и распорядительныхъ 2904, а всего 3391; изъ нихъ рѣшено 3291, осталось нерѣшенныхъ 100.

Изъ числа рассмотрѣнныхъ въ *Общихъ Собраніяхъ* дѣлъ (*) поступило въ Государственный Совѣтъ 72, въ томъ числѣ по несоставленію узаконеннаго большинства голосовъ 27, по возраженіямъ Министра Юстиціи противъ единогласныхъ резолюцій сенаторовъ 3, по Высочайшимъ повелѣніямъ 7, и представленныхъ на Высочайшее разрѣшеніе 35.

Въ 1858 году внесено по Высочайшимъ повелѣніямъ на рассмотрѣніе общаго Сената собранія всего 111 дѣлъ; изъ нихъ въ *Общихъ Собраніяхъ* рассмотрѣно съ отмѣною рѣшеній департаментовъ 32, съ измѣненіями 12 и съ утвержденіемъ 57. За тѣмъ 10 жалобъ осталось въ общихъ собраніяхъ не рассмотрѣнными.

II. по консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, въ продолженіе 1858 г. разсматривалось 319 дѣлъ. Изъ числа сихъ дѣлъ: рассмотрѣно и окончательно разрѣшено 296, а осталось неоконченныхъ 23.

По дѣламъ, производившимся въ общихъ собраніяхъ Сената и поступившимъ изъ оныхъ на рассмотрѣніе консультаціи, дано Министерствомъ Юстиціи 121 предложеніе. Изъ нихъ по 95-ти мнѣнія министерства приняты, а остальные 26 дѣлъ, за несоставленіемъ узаконеннаго большинства голосовъ сенаторовъ, согласныхъ съ заключеніями министерства, внесены были въ Государственный Совѣтъ.

Изъ числа сихъ дѣлъ, въ Государственномъ Совѣтѣ по 17-ти мнѣнія министерства утверждены, а по остальнымъ или не приняты или измѣнены въ нѣкоторомъ отношеніи.

(*) Гражданскихъ, уголовныхъ и межевыхъ.

III. по департаменту и канцеляріи министерства юстиціи, производилось въ 1858 году всего 10816 дѣлъ, въ томъ числѣ по уголовной части 2328, по гражданской 2589 и по распорядительной 5899.

Изъ общаго числа поступившихъ дѣлъ (10816) разрѣшено 9535, осталось не разрѣшенныхъ 1281.

IV. по судебнымъ мѣстамъ средней инстанціи. Въ судебныхъ мѣстахъ средней инстанціи вообще, т. е. палатахъ уголовного и гражданского суда, а также совѣстныхъ и коммерческихъ судахъ, производилось въ 1858 г. 177279 дѣлъ,—болѣе нежели въ 1857 г. на 14140; изъ нихъ рѣшено 136159, осталось нерѣшенныхъ 41120.

Общее число (177279) производившихся въ среднихъ инстанціяхъ дѣлъ распредѣлялось въ частности по судебнымъ мѣстамъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) Въ уголовныхъ палатахъ производилось дѣлъ 62407; изъ нихъ рѣшено 51661; осталось нерѣшенныхъ 10746.

Наибольшее число вступившихъ дѣлъ было, въ уголовныхъ палатахъ: Вятской 3273, Пермской 2090, С. Петербургской 1883, Курской 1809, Московской 1805, Воронежской 1650, Кіевской 1445, Самарской 1380 и Владимірской 1356.

Затѣмъ, изъ прочихъ уголовныхъ палатъ, болѣе 1000 дѣлъ вступило: въ Казанскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Орловскую, Подольскую, Саратовскую, Тамбовскую, Черниговскую и Тобольскій губернскій судъ; болѣе 900—въ Во-

лынскую, Симбирскую и Смоленскую; больше 800—въ Калужскую, Полтавскую, Ярославскую и въ Бессарабскій областной судъ.

Сравнительно съ 1857 годомъ, поступленіе дѣлъ увеличилось во многихъ уголовныхъ палатахъ, но болѣе другихъ замѣчательны въ семъ отношеніи Таврическая палата и Эриванскій губернский судъ, въ которыхъ поступило дѣлъ болѣе чѣмъ вдвое.

Напротивъ уменьшилось поступленіе дѣлъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$ въ уголовной палатѣ Виленской и болѣе чѣмъ на $\frac{1}{5}$ въ С.-Петербургской.

Всѣхъ приговоровъ уголовныхъ палатъ и равныхъ имъ судебныхъ мѣстъ, восходившихъ на ревнзію Сената, было 3474, т. е. болѣе нежели въ 1857 г. на 418.

Изъ числа сихъ приговоровъ разсмотрѣно съ отмѣною рѣшеній палатъ 896, съ нѣкоторыми измѣненіями или дополненіями 1003, съ утвержденіемъ миѣнній палатъ 1575.

Особенною правильностію постановленныхъ приговоровъ отличались Самарская уголовная палата и Томскій губернский судъ. По первой изъ числа 59 приговоровъ утверждено Сенатомъ 48, а отвергнуто только 4; по второму, изъ 17 приговоровъ, отвергнуть 1, а утверждено 12. Затѣмъ обращаютъ на себя въ семъ отношеніи вниманіе уголовныя палаты: Курская, Вологодская, Могилевская, Вольнская, Московская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Саратовская, Вятская, Пермская, Тульская, Енисейскій и Иркутскій губернскіе суды, по которымъ утверждено приговоровъ противъ количества отмѣненныхъ и измѣненныхъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{2}$.—На $\frac{1}{2}$ утверждены приговоры палатъ: Владимірской, Архангельской и Тобольскаго губернскаго суда.

б) Въ гражданскихъ палатахъ производилось дѣлъ 108866; изъ нихъ рѣшено 80098; осталось нерѣшенныхъ 28768.

Наибольшее количество поступивших дѣлъ оказалось въ слѣдующихъ гражданскихъ палатахъ: 1-мъ департаментъ С.-Петербургской (10570), 1-мъ департаментъ Московской (6016), 2-мъ департаментъ С. Петербургской (4201), Тверской (2649), Курской (2546), Новгородской (2447), Воронежской (2419), нѣсколько *болѣе 2000*: во Владимірской, Орловской, Тульской и Херсонской; *болѣе 1500*, въ Костромской, Нижегородской, Полтавской, Саратовской и Тамбовской; *отъ 1000 до 1500*; въ Вологодской, Екатеринославской, Калужской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Симбирской, Смоленской, Черниговской и 2-мъ департаментъ Московской.

Рѣшеній гражданскихъ палатъ и равныхъ имъ судебныхъ мѣстъ пересмотрѣно въ 1858 г. Правительствующимъ Сенатомъ гораздо меньше, нежели въ предъидущемъ году (8980), а именно 7525.

Изъ числа пересмотрѣнныхъ въ Сенатѣ дѣлъ по 1583 рѣшенія палатъ отмѣнены, по 1424 измѣнены или дополнены и по 4518 утверждены.

Изъ этого оказывается, что количество рѣшеній гражданскихъ палатъ, признанныхъ Сенатомъ правильными, составляетъ почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ постановленій сихъ мѣстъ, пересмотрѣнныхъ въ Сенатѣ.

По правильности постановленныхъ рѣшеній, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія гражданскія палаты: Минская, Гродненская, Виленская, Волынская, Подольская и Бессарабскій областной гражданскій судъ, въ которыхъ утверждено болѣе $\frac{3}{4}$ рѣшеній.—Болѣе $\frac{1}{2}$ утверждено рѣшеній по палатамъ: Тверской, Смоленской, Витебской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Вятской, Ковенской, Оренбургской, Пермской, Тифлисской,—по губернскимъ судамъ: Томскому, Тобольскому, Кутанскому, Дербентскому и по гражданскому суду Войска Донскаго.— На $\frac{1}{2}$ утверждено рѣшеній палатъ: Могилевской,

Ярославской, Костромской, Полтавской, Шемахинской, 1-го департамента Московской, Орловской, Рязанской, Таврической, Самарской и Иркутскаго губернскаго суда.

в.) *Въ совѣстныхъ судахъ:* С.-Петербургскомъ и Московскомъ, а также въ судебныхъ палатахъ, завѣдывающихъ дѣлами, подлежащими рассмотрѣнію совѣстныхъ судовъ, производилось въ 1858 г. всѣхъ дѣлъ, т. е. уголовныхъ и гражданскихъ, 1639. Изъ нихъ рѣшено 1022, и осталось нерѣшенныхъ 617.

г.) *Въ коммерческихъ судахъ.* Въ восьми коммерческихъ судахъ производилось 4219 дѣлъ, изъ которыхъ рѣшено 3262 и осталось нерѣшенныхъ 957.

Спорныя имущества и капиталы по производившимся во всѣхъ коммерческихъ судахъ дѣламъ, простирались на сумму 43.114,915 р. 17¼ к., болѣе нежели въ 1857 году на 7.562,160 р. 9 к. Къ 1859 г. осталось нерѣшенныхъ тяжбъ о 15.584,592 р. 71¼ коп.

Въ вѣдомствѣ всѣхъ коммерческихъ судовъ состояло въ 1858 г. 394 конкурса надъ несостоятельными должниками. Изъ числа этихъ конкурсовъ, по 116 ликвидація долговъ несостоятельныхъ должниковъ въ теченіи года кончена, и затѣмъ къ 1859 г. осталось 278 конкурсовъ.

б.) По судебнымъ мѣстамъ первой степени. Въ судебныхъ мѣстахъ первой степени, т. е. уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и другихъ равныхъ мѣстахъ, всѣхъ вообще дѣлъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, производилось 281,144.

Изъ нихъ рѣшено 199,013; и осталось нерѣшенныхъ 82,131.

Изъ общаго числа (137,950) рѣшенныхъ въ судебныхъ мѣстахъ 1-й степени уголовныхъ дѣлъ, окончательно рѣшено было сими судебными мѣстами, безъ переноса во вторую инстанцію, 78,179, и подлежавшихъ переносу на ревизию 59,771, изъ коихъ 43,681 внесены были въ уголовныя палаты въ теченіе 1858 года.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что изъ числа этихъ дѣлъ, уголовными палатами, за исключеніемъ Кавказскихъ и Закавказскихъ, окончательно обрѣвизовано 40,233 дѣла, съ слѣдующими послѣдствіями: съ утвержденіемъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ 12,233, съ нѣкоторыми измѣненіями или дополненіями 14,092, съ совершенною отмѣною 13,098.

По правильности постановляемыхъ приговоровъ, въ особенности обращаютъ на себя вниманіе судебныя мѣста первой степени С.-Петербургской губерніи, по которымъ изъ числа разсмотрѣнныхъ уголовною палатою 3,220 приговоровъ утверждено 1,021, измѣнено въ нѣкоторомъ только отношеніи или дополнено 2,037, и отмѣнено совершенно 162. За тѣмъ, болѣе или менѣе въ семъ отношеніи заслуживаютъ вниманія судебныя мѣста губерній: Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Лифляндской, Орловской, Псковской, Рязанской и Тобольской, по коимъ число утвержденныхъ приговоровъ составляло около половины всѣхъ разсмотрѣнныхъ.

Что же касается губерній: Виленской, Владимірской, Гродненской, Ковенской, Московской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Симбирской, Тульской и Черниговской, то по судебнымъ мѣстамъ первой степени сихъ губерній было несравненно болѣе приговоровъ отмѣненныхъ, чѣмъ утвержденныхъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

ОТДѢЛЪ Ш.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главныйшія перемѣны въ личномъ составѣ по ведомству Министерства Юстиціи.

Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, 18-го февраля 1860-го г. Правительствующему Сенату даномъ, изображено: «возлагая на министра юстиціи, нашего статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Панина, предсѣдательство и непосредственное начальство надъ редакціонными комиссіями, состоящими при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, Мы признали нужнымъ освободить его по этому случаю отъ управленія министерствомъ юстиціи, повелѣвая вступить въ управленіе симъ министерствомъ, на основаніи св. зак. тома I-го учр. мин. ст. 2 и 269, товарищу министра, тайному совѣтнику сенатору Замятину...»

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА:

Назначены: Начальник отдѣленія, статскій совѣтникъ *Романовскій*—чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2-ой департаментъ Правительствующаго Сената, сверхъ комплекта.

(Прик. отъ 29-го февраля за № 7).

Столоначальникъ, коллежскій ассесоръ *Пичугинъ*—Редакторомъ отдѣленія (3-го февраля 1860 г.)

(Прик. отъ 19-го февраля за № 6).

Столоначальникъ, надворный совѣтникъ *Алферовъ*—старшимъ столоначальникомъ (20-го февраля 1860 г.)

(Прик. отъ 24-го февраля за № 6).

Старшіе помощники столоначальниковъ, титулярные совѣтники *Пасмуровъ* и *Адамовъ*—столоначальниками (16-го января и 9-го февраля 1860 г.)

(Прик. отъ 1-го и 19-го февраля за №№ 3 и 5).

Уволенъ отъ службы по прошенію: состоявшій при департаментѣ, статскій совѣтникъ *Тукмачевъ* (19-го февраля 1860 г.)

(Прик. отъ 29 февраля за № 7).

2) ПО 1-МУ ДЕПАРТАМЕНТУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Уволенъ отъ службы по болѣзни: Исправлявшій должность оберъ-секретаря, коллежскій Совѣтникъ *Шваглеймъ* (24-го января 1860 г.)

(Прик. отъ 19-го февраля за № 5).

3) ПО 2-МУ ДЕПАРТАМЕНТУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, опредѣленіемъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, въ статскіе

совѣтники: Оберъ-секретарь, коллежскій совѣтникъ Дмитрій Стасовъ, со старшинствомъ съ 23-го ноября 1859 года.

4) по 1-му отдѣленію 3-го департамента Правительствующаго Сената:

Назначены: Секретарь 1-го департамента Сената, надворный совѣтникъ *Бартеневъ*—оберъ-секретаремъ (19-го января 1860 года).

Состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, коллежскій ассесоръ *Извъковъ*—секретаремъ (9-го декабря 1859 года).

Коллежскіе секретари:

Старшіе помощники секретарей: общаго собранія 1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената *Туръ* и 1-го отдѣленія 3-го департамента Сената *Елматьевскій*—исправляющими должности секретарей временной экспедиціи, при семъ отдѣленіи и департаментѣ учрежденной (31 декабря 1859 г.)

(Прик. отъ 1-го февраля подъ № 3).

Младшій помощникъ секретаря, коллежскій секретарь *Неклюдовъ*—исправляющимъ должность секретаря ликвидационной экспедиціи (31 декабря 1859 г.)

(Прик. отъ 24-го февраля за № 6).

5) по общему собранію 1-хъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената:

Переведенъ: оберъ-секретарь 1-го отдѣленія 3-го депар-

тамента, коллежскій Совѣтникъ *Половцовъ*—оберъ-секретаремъ (19-го января 1860 г.)

(Прик. отъ 1-го февраля за № 3).

6) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ ГЕРОЛЬДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента Герольдии Правительствующаго Сената, въ коллежскіе ассесоры: секретарь, титулярный совѣтникъ *Василій Раевскій*, со старшинствомъ съ 18-го декабря 1859 года.

(Прик. отъ 8 февраля за № 4).

7) ПО 1-МУ ОТДѢЛЕНІЮ 6-ГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Назначенъ: старшій секретарь, надворный совѣтникъ *Симанскій*—оберъ-секретаремъ (20-го января 1860 г.).

(Прик. отъ 1-го февраля за № 3).

8) ПО 2-МУ ОТДѢЛЕНІЮ 6-ГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Назначенъ: секретарь, коллежскій ассесоръ *Алферовъ*—старшимъ секретаремъ (14-го января 1860 г.).

Переведенъ: старшій помощникъ секретаря 1-го отдѣленія 6-го департамента, коллежскій секретарь *Березниковъ*—исправляющимъ должность секретаря (7-го января 1860 г.).

(Прик. отъ 1-го февраля за № 3).

9) ПО КАНЦЕЛЯРИИ ДИРЕКТОРА МОСКОВСКАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ:

Произведены за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента Герольдїи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ, въ коллежскіе ассесоры: титулярные совѣтники: столоначальникъ Николай Тихомировъ съ 4-го августа и исправляющій должность столоначальника Степанъ Бьялевъ съ 14-го іюля 1859-го года.

(Прик. отъ 8-го февраля за № 4).

10) ПО ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНИЯМЪ:

Утверждены по выборамъ: председатели палатъ: Воронежскихъ: гражданскаго суда, коллежскій совѣтникъ Стрижевскій, и уголовнаго суда, надворный совѣтникъ Рябининъ и Тульской уголовнаго суда, коллежскій ассесоръ Беклемишевъ—въ тѣхъ должностяхъ: Беклемишевъ 2-го, а Стрижевскій и Рябининъ 9-го февраля 1860 года.

Поручикъ Полонскій—Тульскимъ совѣстнымъ судьей (2-го февраля 1860 года).

(Высоч. Прик. отъ 28-го февраля за № 2).

Произведены за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента Герольдїи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: въ коллежскіе совѣтники: надворные совѣтники: председатель Тульской палаты уголовнаго суда Григорій Беклемишевъ съ 10 августа 1859, исправляющій должность Енисейскаго губернскаго прокурора Илья Семеновъ съ 21-го декабря 1858 г., Пермскій губернскій прокуроръ Егоръ Газенвинкель съ 24-го, Олонецкій губернскій прокуроръ Петръ Дротаевскій съ

25-го августа 1859 г., и совѣтникъ Лифляндскаго гофгерихта Федоръ *Беттихеръ* съ 3-го марта 1858 г.

(Прик. отъ 19-го и 29-го февраля за №№ 5 и 7).

Въ надворные совѣтники: предсѣдатель Херсонской палаты уголовного суда, коллежскій ассесоръ Владиміръ *Граве 1-ый*—съ 9-го декабря 1859 г.

Въ коллежскіе ассесоры: исправляющій должность товарища предсѣдателя Херсонской уголовной палаты, титулярный совѣтникъ Николай *Ренненкампфъ*, съ 15-го мая 1859 г.

Умершіе исключены изъ списковъ: исправлявшій должность товарища предсѣдателя Самарской палаты уголовного суда, коллежскій совѣтникъ *Дмитревскій*.

(Прик. отъ 29-го февраля за № 7).

Прокуроръ Уральскаго горнаго правленія, статскій совѣтникъ *Николашинъ*.

(Прик. отъ 1-го февраля за № 3).

11) ПО ГУБЕРНСКОЙ МЕЖЕВОЙ ЧАСТИ:

Уволенъ отъ службы по прошенію: Оренбургскій губернский землемѣръ коллежскій ассесоръ *Нафановъ*, съ правомъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, означенной должности присвоенный.

(Прик. отъ 8-го февраля за № 4).

II.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

РАСПИСКА

СЛОЖ

ОТДѢЛЪ I.

ОБЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАВАХЪ ВООБЩЕ

(Изъ лекцій Д. И. Мейера).

I.

СУЩЕСТВО И ВИДЫ ПРАВЪ.

Правомъ называется мѣра свободы лица, живущаго въ обществѣ, мѣра, въ предѣлахъ которой лицо можетъ совершать извѣстныя дѣйствія, можетъ воздерживаться отъ совершения извѣстныхъ дѣйствій. Въ общества, отдѣльно, свобода человѣка неограниченна: онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, или лучше сказать, что физически возможно для него. Но при сожительствѣ людей такая неограниченная свобода невозможна, ибо она нарушала бы свободу другихъ. Поэтому, въ обществѣ свобода каждаго отдѣльнаго человѣка всегда ограничивается извѣстными предѣлами, такъ что только внутри ихъ человѣкъ можетъ дѣйствовать свободно; эта мѣра и составляетъ право человѣка, лица. Въ государствѣ, какъ обществѣ развитомъ, организованномъ болѣе или менѣе правильно, мѣра свободы опредѣляется преимущественно общественною властію, называемою въ этой дѣятельности властію

законодательною (*). Задача ея, конечно, не легкая—опредѣлить, до какой степени совмѣстна свобода милліоновъ людей; но уже изъ самаго понятія о правѣ слѣдуетъ, что подобныя опредѣленія дѣлаются только отрицательно, т. е. опредѣляются только предѣлы, которые не можетъ преступать свобода человѣка, но внутри указанныхъ предѣловъ дѣятельность его не опредѣляется, такъ что должно признать, что лицо въ правѣ дѣлать все то, что ему не запрещено. И это совершенно сообразно существу предмета, ибо положительно опредѣлить сферу права нѣтъ возможности: для этого нужно опредѣлить всѣ права, какія принадлежатъ лицу, но каждое право можетъ быть дробимо до безконечности, такъ что приходится исчислять всѣ дѣйствія, какія можетъ совершить лицо, что очевидно не возможно. Возьмемъ, для примѣра, право собственности: оно обнимаетъ право владѣнія, право пользованія и право распоряженія, но каждое изъ нихъ обнимаетъ множество дѣйствій и слѣдовательно дробится на множество правъ. Поэтому, и отъ законодательства нельзя ожидать, чтобъ оно исчислило всѣ права гражданъ; и оно опредѣляетъ только предѣлы свободной дѣятельности гражданина. Напримѣръ, законодательство опредѣляетъ право собственности: оно не исчисляетъ всѣхъ дѣйствій, которыя собственникъ можетъ совершить относительно вещи, а указываетъ только существо господства собствен-

(*) Иногда, правда, и власть исполнительная опредѣляетъ границу свободъ человѣка, но власть исполнительная сама дѣйствуетъ всегда на основаніи закона, такъ что чрезъ нее все-таки проявляется дѣйствіе власти законодательной. Итакъ, отсюда можно вывести только то, что иныя права условны, т. е. они допущены законодательствомъ, но въ тоже время законодательство уполномочиваетъ исполнительную власть, по ея усмотрѣнію, устранить эти права. Наприм. лицу принадлежитъ право собственности на участокъ земли: законодательство не запрещаетъ собственнику выстроить на этомъ участкѣ какое-либо зданіе, слѣдовательно онъ имѣетъ на то право; но если власть исполнительная уполномочена законодательствомъ, по своему усмотрѣнію, ограничить хозяина поземельнаго участка, и если она найдетъ, что постройка зданія угрожаетъ какою-либо опасностію, то можетъ запретить его постройку, и тогда лицо уже не имѣетъ права на постройку, слѣдовательно право его условно.

ника и предѣлы его господства; законодательство не указываетъ, наприм., что собственникъ въ правѣ бросать свою вещь на воздухъ, вертѣть ее, разсматривать и т. д., а оно опредѣляетъ только, что собственникъ можетъ употреблять вещь по своему усмотрѣнію, хотя бы то было во вредъ существованію вещи, но лишь съ такими-то ограниченіями.

Въ каждомъ правѣ представляются слѣдующія характеристическія черты: 1) содержаніе права безразлично для самаго понятія о правѣ и можетъ быть до чрезвычайности разнообразно: всякое дѣйствіе, какое только можетъ быть совершенно человѣкомъ, положительное или отрицательное, можетъ составить содержаніе права; 2) осуществленіе права выполняется совершеніемъ дѣйствія, составляющаго его содержаніе. Быть можетъ, это дѣйствіе будетъ стѣснительно для другаго лица, но стѣсненіе, вытекающее изъ осуществленія права, не составляетъ нарушенія права другаго лица, и вредъ, претерпѣваемый имъ, съ юридической точки зрѣнія, не составляетъ препятствія для осуществленія права. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство обращаетъ вниманіе на вредныя послѣдствія, сопровождающія осуществленіе права, и постановляетъ различныя ограниченія, сжимаетъ самое право. Наприм., законодательство (*) ограничиваетъ право собственности на домъ въ пользу хозяевъ сосѣднихъ строеній, ограничиваетъ право собственности на поземельный участокъ, обращая вниманіе на тѣ случаи, когда отсутствіе ограниченія могло бы нанести значительный вредъ другимъ лицамъ или цѣлому обществу, и т. д. 3) характеристическою чертою права, входящею въ составъ самаго понятія о немъ, представляется также возможность отреченія отъ права (**). Право есть при-

(*) Св. зак. гр. (изд. 1857 г.) ст. 433—431.

(**) Есть, правда, и такія права, отреченіе отъ которыхъ можно считать противнымъ нравственности, а потому и самое отреченіе признавать недѣйствительнымъ, напр. отреченіе отъ права на вступленіе въ бракъ, отреченіе отъ права на неприкосновенность личности и т. п.; но это не относится

надлежащая лицу возможность дѣлать что-либо: но возможность дѣйствія не составляет необходимости его совершенія; напротивъ, именно потому право и представляется правомъ, что лицо можетъ отказаться отъ совершенія дѣйствія, составляющаго содержаніе права. Если бы осуществленіе возможности составляло для лица необходимость, то право обратилось бы въ обязательство, а понятія о правѣ и обязательствѣ діаметрально противоположны другъ другу. Итакъ, и неосуществленіе дѣйствія, составляющаго содержаніе права, точно также составляет осуществленіе права, какъ и совершеніе дѣйствія. Но неосуществленіе права само по себѣ еще не составляет отреченія отъ него: не осуществляя право, лицо однимъ этимъ еще не отказывается отъ него; оставаясь его субъектомъ, лицо только въ настоящее время отказывается отъ осуществленія права. Наприм., лицу принадлежит право выкупа извѣстнаго имущества, но лицо не выкупаетъ имущество, даже объявляетъ, что въ настоящее время не желаетъ выкупать его: все-таки лицо отказывается только отъ осуществленія права, но не отрывается отъ права. Бываютъ, конечно, случаи, что не осуществляя права въ теченіи извѣстнаго времени, лицо тѣмъ самымъ лишается права.—Наприм. лицо въ правѣ предъявить искъ противъ другаго лица, но не осуществляетъ свое право въ теченіи десяти лѣтъ и тѣмъ лишается его (*). Но тутъ право прекращается вслѣдствіе другой причины,—не по отреченію отъ него со стороны субъекта, а дѣйствіемъ давности. Отреченіе отъ права есть изъявленіе воли лица, что оно не желаетъ болѣе быть субъектомъ права,

къ имущественнымъ правамъ, отреченіе отъ нихъ всегда свободно. Да и о тѣхъ правахъ, отъ которыхъ нельзя отречься, все таки должно сказать, что они не обращаются въ обязательства и субъектъ такого права имѣетъ полную возможность никогда не воспользоваться имъ; напр. отреченіе отъ вступленія въ бракъ недействительно, но лицо можетъ во всю жизнь не вступить въ бракъ. Этимъ лицо осуществляетъ только свое право на вступленіе въ бракъ—право, въ которомъ содержится и возможность невступленія въ бракъ.

(*) Св. зак. о судопр. и взыск. гр. ст. 213.

такъ что отреченіе отъ права составляетъ самостоятельное юридическое дѣйствіе. Наприм. лицу А принадлежитъ право выкупа родового имущества, но покупательъ этаго имущества, желая обезпечить его за собою, заключаетъ съ лицомъ А договоръ, по которому А отказывается отъ права выкупа: тутъ лицо дѣйствительно перестаетъ быть субъектомъ права, отрывается отъ него. Наконецъ 4) всякому праву сопутствуетъ возможность его насильственного осуществленія. Этотъ признакъ права до того существенъ, что если нѣтъ для какого-либо права возможности насильственного осуществленія, то нѣтъ собственно и права. Даже тогда, когда признается за правомъ возможность насильственного осуществленія его, но не всегда, не противъ каждаго другаго лица, даже тогда право становится мнимымъ, призрачнымъ, ибо охраненіе даетъ всю силу праву, и если оно обнажено хотя съ одной стороны, то можно быть увѣрену, что оно подвергнется нападенію. Это не значитъ еще, что самому субъекту права должна быть предоставлена возможность его насильственного осуществленія—самоуправство не терпится ни въ какомъ, сколько нибудь правильно организованномъ обществѣ, тѣмъ менѣе въ государствѣ, и допускается только въ исключительныхъ случаяхъ,—а охраненіе правъ составляетъ задачу общественной власти и всегда представляется однимъ изъ главнѣйшихъ и обширнѣйшихъ предметовъ ея дѣятельности. Но фактически осуществленію права могутъ встрѣтиться непреодолимые препятствія, противъ которыхъ общественная власть бессильна. Наприм. лицу состоитъ кто-либо должнымъ: лицо въ правѣ требовать удовлетворенія, хотя бы оно поглотило все имущество должника; общественная власть окажетъ содѣйствіе требованію; но имущество должника можетъ оказаться слишкомъ ничтожнымъ, и такимъ образомъ, фактически право останется безъ возможности осуществленія. Все права на различныхъ основаніяхъ можно раздѣлить на различные виды. 1) Прежде всего представляется между

правами то различіе, что одни права имѣютъ опредѣленный предметъ, на который направляется дѣйствіе, составляющее содержание права, другія не имѣютъ такого предмета. Первые поэтому можно назвать *правами объектными*, вторыя— *безобъектными*. Безобъектныя—это именно всѣ тѣ права, которыя вытекаютъ непосредственно изъ личности гражданина, и поэтому также называются иногда *правами личности* (Rechte der Person). Сюда относятся: право на жизнь, на употребленіе членовъ тѣла, умственныхъ силъ, право на вступленіе въ бракъ, на совершеніе сдѣлокъ и т. п. 2) Права объектныя раздѣляются на три вида: *права власти*, *права вещныя* и *права обязательственныя*, смотря потому, представляется ли объектомъ ихъ лицо, вещь или дѣйствіе другого лица. А) Извѣстно, что лицо есть субъектъ права. Но лицо бываетъ также и объектомъ права, а именно личность чловѣка составляетъ предметъ господства, отчего и господство называется *властію*, а самое право—*правомъ власти*, иногда также *личнымъ правомъ*. Сюда относятся: право государства на подданныхъ, право государства на лицъ военнаго вѣдомства, почтоваго и т. д., права мужа на лицо жены, право родителей на дѣтей и т. п. Право на лицо всегда характеризуется тѣмъ, что субъектъ права господствуетъ надъ другимъ лицомъ, болѣе или менѣе полно; но никогда это господство не подавляетъ личность объекта, такъ что лицо, подлежащее личному праву другого лица, все-таки сохраняетъ способность къ правамъ. Однако же болѣею частию права власти не имѣютъ имущественнаго характера, да и тѣ изъ нихъ, которыя не чужды его, носятъ на себѣ преимущественно иное значеніе, такъ что права власти только побочною стороною касаются гражданскаго права, главною же, преобладающею своею стороною они относятся къ государственному праву, составляя предметъ его. Наприм., право государства на подданныхъ есть право чисто государственное, чуждое области граж-

Въ этомъ случаѣ предметъ представляется въ видѣ личности, а не въ видѣ вещи.

данскаго права (*) В). Право называется *вещнымъ*, когда объектомъ его представляется вещь, т. е. предметъ, не имѣющій значенія субъекта права. Преимущественно такимъ правомъ представляется право собственности на неодушевленные вещи и животныхъ.

Во многихъ случаяхъ объектомъ права представляется чужое дѣйствіе: другое лицо обязано совершеніемъ извѣстнаго дѣйствія, на которое лицо имѣетъ право, вслѣдствіе чего и право называется *правомъ обязательственнымъ*. Сюда принадлежатъ всѣ права, возникающія изъ договоровъ, и многія другія права, возникающія независимо отъ договоровъ, существующія непосредственно на основаніи закона, или проистекающія изъ нарушенія правъ. Обязательственное право отчасти сходится какъ съ правомъ на лицо, такъ и съ правомъ вещнымъ; но въ тоже время рѣзко отличается отъ того и другаго. Обязательственное право, какъ и право на лицо, не подавляетъ лицо, составляющее объектъ права: оба они не то, что вещное право, которое ведетъ къ уничтоженію личности объекта. Но право обязательственное существенно разнится отъ права на лицо тѣмъ, что зависимость лица, подлежащаго праву другаго, и дѣйствія, которыя должно совершить лицо по опредѣленію субъекта права, не имѣютъ имущественнаго характера: это отношенія чисто личныя; тогда какъ право обязательственное имѣетъ именно имущественный характеръ, представляетъ аналогію вещнаго права, господство надъ дѣйствіемъ другаго лица, такое же господство, какъ и господство надъ вещью, отчего и дѣйствіе другаго лица, предметъ обязательственного права, на юридическомъ языкѣ называется также

(*) Прежде, при неясности понятія о существѣ государственной власти, съ правомъ государства на подданныхъ связывали, правда, имущественный характеръ, напр. государи обмѣнивали земли, продавали часть территоріи со всѣми гражданами, на ней живущими: по такого рода сдѣлки объясняются именно тогдашнею неясностію понятія о существѣ государственной власти, а въ наше время уже никто не представляетъ себѣ право государства на подданныхъ правомъ имущественнымъ.

вещью (res incorporalis). Тѣмъ не менѣе однако же обязательственное право рѣзко отличается и отъ вещнаго. Тогда какъ вещное право не предполагаетъ волю субъекта, и даже не признается воля за людьми, когда они являются объектами вещнаго права, право обязательственное, какъ право на дѣйствіе, необходимо предполагаетъ волю въ лицѣ, подлежащемъ праву, ибо дѣйствіе есть произведеніе воли, а если нѣтъ воли, нѣтъ и дѣйствія, нѣтъ и объекта права. Эта зависимость обязательственнаго права отъ воли лица обязаннаго значительна: она составляетъ характеристическую черту этого права. И вотъ эту-то зависимость обязательственнаго права отъ воли лица обязаннаго объясняется то предпочтеніе, которое оказывается обыкновенно вещному праву предъ обязательственнымъ; ею же объясняется отчасти и та болѣе или менѣе упорная борьба, которая повторяется вездѣ при уничтоженіи рабства, потому что рабство даетъ вещное право, а по прекращеніи рабства наступаетъ право обязательственное, находящееся въ зависимости отъ воли лица обязаннаго.

Далѣе, обязательственное право отличается отъ вещнаго по обязательству, сопутствующему тому и другому праву. Вещному праву соотвѣтствуетъ обязательство всѣхъ и каждаго, и притомъ обязательство отрицательное—обязательство не препятствовать субъекту права въ его осуществленіи; но обязательство это только сопутствуетъ вещному праву, а не составляетъ его содержанія, такъ что субъекту вещнаго права для осуществленія его приходится самому совершать тѣ или другія дѣйствія. Между тѣмъ, обязательственному праву соотвѣтствуетъ только обязательство извѣстнаго лица, положительное или отрицательное, и притомъ именно это обязательство другаго лица составляетъ содержаніе обязательственнаго права, такъ что въ немъ на первомъ планѣ представляется дѣйствіе лица обязаннаго, а дѣйствіе самого субъекта права—дѣло второстепенное. Въ этой противоположности права обязательственнаго

вещному, первое иногда называется также *правомъ относительнымъ*, а второе *безусловнымъ*.

Наконецъ, между правами обязательственнымъ и вещнымъ есть различіе и въ судебномъ охраненіи ихъ: сообразно тому, что вещному праву соотвѣтствуетъ обязательство всѣхъ и каждаго, а обязательственному соотвѣтствуетъ только обязательство лица обязаннаго, искъ по вещному праву можетъ быть направленъ на каждаго нарушителя, и такимъ нарушителемъ можетъ явиться каждое лицо, тогда какъ искъ по обязательственному праву можетъ быть направленъ лишь противъ того лица, дѣйствіе котораго составляетъ объектъ права, ибо только это лицо можетъ явиться нарушителемъ обязательственнаго права. Съ этимъ судопроизводственнымъ различіемъ связывается еще и другое: наше законодательство раздѣляетъ судопроизводство на *тяжебное* и *исковое*, какъ бы соотвѣтственно тому, ведетъ ли оно къ охраненію вещнаго права или къ охраненію права обязательственнаго (*), и хотя различіе между ними не таково, чтобы могло оправдывать раздѣленіе судопроизводства на тяжebное и исковое, какъ на два особые вида судопроизводства, однако же нѣкоторое различіе между тѣмъ и другимъ видомъ существуетъ; на примѣръ присяга и свидѣтельскія показанія не принимаются за доказательства въ тяжebномъ судопроизводствѣ (**), тогда какъ они служатъ доказательствами въ исковомъ судопроизводствѣ.—

Итакъ, по объекту права раздѣляются на три вида: на права власти, права вещныя и права обязательственныя. Между всѣми этими видами правъ существуетъ тѣсная связь, ибо грани, отдѣляющія одинъ видъ правъ отъ другаго, не занимаютъ постоянно одного и того же мѣста, а зависятъ отъ ступени развитія юридическаго быта, такъ что на одной ступени развитія юридическаго быта онѣ лежатъ на одномъ мѣстѣ, а на другой пере-

(*) Св. зак. гр. ст. 691, 693, св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 133—135.

(**) Св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 684.

двигаются на другое мѣсто. Такъ, на низшей ступени развитія юридическаго быта права на дѣйствія почти не существуютъ: право на дѣйствіе есть нѣчто отвлеченное, а отвлеченныя понятія недоступны младенчеству народамъ, право на дѣйствіе другого лица имъ кажется господствомъ надъ самимъ лицомъ, и потому вмѣсто правъ на дѣйствія у нихъ существуютъ права на людей. Этимъ объясняется отчасти чрезвычайное развитіе рабства въ античномъ мірѣ и у современныхъ восточныхъ народовъ. Но возьмемъ болѣе развитый юридическій бытъ: въ немъ уже сознается право на дѣйствіе другого лица, хотя и не всѣми, но по крайней мѣрѣ понятіе о договорахъ всѣмъ доступно. Наконецъ въ образованномъ юридическомъ быту обязательственное право нерѣдко замѣняетъ вещное и значительно стѣсняетъ кругъ его дѣйствія; наприм., нерѣдко вмѣсто того, чтобы приобрести право собственности на извѣстную вещь, въ развитомъ юридическомъ быту лицо вступаетъ въ договоръ найма относительно вещи, по которому собственникъ предоставляетъ ему пользованіе вещью въ теченіи извѣстнаго времени: наниматель не господствуетъ надъ вещью, онъ имѣетъ только право на дѣйствіе собственника, на то, что бы онъ предоставилъ ему пользованіе вещью (*). Но какъ бы ни мѣнялись грани, отдѣляющія одно право отъ другого, отличнаго по объекту, можно рѣшительно сказать, что дѣленіе права по объекту на три вида будетъ существовать всегда: быть-можетъ, нынѣшнія наши вещныя права замѣнятся впоследствии правами на дѣйствія, но вещныя права все таки будутъ существовать всегда, наприм., право собствен-

(*) Любопытно наблюдать эту борьбу между правомъ вещнымъ и правомъ обязательственнымъ: пока общество не свыкло еще съ правомъ на чужое дѣйствіе, замѣна этимъ правомъ права вещнаго, въ особенности права собственности, кажется предосудительною, тогда какъ въ развитомъ юридическомъ быту она нисколько не считается предосудительною; напр. въ маленькихъ городкахъ считается предосудительнымъ не имѣть своего дома, своей лошади, тогда какъ въ большихъ городахъ большинство народонаселенія нанимаетъ квартиры и экипажи и никто не считаетъ этого предосудительнымъ.

ности въ какомъ бы то ни было видѣ; быть можетъ, многія наши права на лицо замѣняются со временемъ правами на дѣйствія,—замѣнилось же въ Англійи право на лицо по отношенію къ солдатамъ правомъ на дѣйствіе; но можно утверждать, что нѣкоторыя права на лицо основываются на природѣ человѣка и удержатся, пока не измѣнится радикально образъ мыслей человѣка, самое устройство его духа,—наприм. право родителей на лицо дѣтей.

Наконецъ 3) существуетъ различіе между правами собственно по различію между законами общими и особенными, повсемѣстными и мѣстными, общими и льготными. Но изъ нихъ въ особенности мы обратимъ вниманіе только на *права льготныя*, называемыя также *привилегіями*, такъ какъ права эти по природѣ своей представляютъ много особеннаго, даже исключительнаго (*). *Привилегією* (**) называется право, предоставленное отдѣльному лицу, какъ изъятіе изъ общаго закона, установленнаго въ его пользу по исключенію. Эта-то исключительность и составляетъ характеристическую черту привилегіи. Есть много правъ, которыя принадлежатъ не всѣмъ членамъ государственнаго союза, а только тѣмъ изъ нихъ, которые находятся въ тѣхъ или другихъ условіяхъ, подъ которыми представляются права; но всѣ лица, находящіеся въ назначенныхъ условіяхъ, пользуются ими. Таковы, наприм., имущественныя права торговаго сословія. Они называются *правами собственными*. Но привилегія есть именно исключеніе изъ обща-

(*) Замѣтимъ, что у насъ не рѣдко смѣшиваютъ различіе между *правами общими* и *льготными* съ различіемъ между *общими* и *мѣстными*, въ особенности же часто съ различіемъ между *правами общими* и *особенными*: но такое смѣшеніе въ высшей степени ошибочно, ибо существо льготныхъ правъ совсѣмъ иное, нежели существо правъ мѣстныхъ и особенныхъ въ ихъ противоположеніи общимъ.

(**) Слово „*привилегія*“ (privilegium) происходитъ отъ латинскихъ словъ *lex* (законъ) и *privatus* (частный): „*lex privata*“ значитъ частный законъ, отсюда образовалось „*privilegium*“,—право основывающееся на частномъ законѣ, *льгота*.

го закона, и предоставленная одному лицу, она можетъ быть не предоставлена другому, хотя бы обстоятельства, въ которыхъ находятся оба лица, и были совершенно сходны. Исключительный характеръ привилегіи прямо выражается и въ нашемъ законодательствѣ: *привилегія*, опредѣляетъ оно (*), *дарованная верховною самодержавною властію частному лицу или обществу, изъ-емлетъ ихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ въ той привилегіи содержатся точныя опредѣленія*. Не всегда при установленіи привилегіи упоминается объ общемъ законѣ, изъ котораго она составляетъ изъятіе, но всегда можно свести привилегію къ тому или другому общему закону (**). Привилегіи бываютъ: 1) *положительныя и отрицательныя*. Положительною называется привилегія, предоставляющая исключительное право на какое-либо дѣйствіе, недопускаемое общимъ закономъ. Наприм., никто не можетъ препятствовать собственнику дѣлать изъ его вещей то или другое употребленіе, создавать изъ нихъ тѣ или другіе предметы; но по исключенію какому-либо лицу предоставлено на то право, такъ что лицо это можетъ воспретить другимъ заниматься исключительно ему предоставленнымъ изготовленіемъ извѣстныхъ предметовъ—это привилегія положительная. Отрицательная привилегія даетъ право на воздержаніе отъ какого-либо дѣйствія, требуемаго общимъ закономъ. Наприм., по общему закону лицо обязано платить подушную подать, но по исключенію освобождается отъ этого обязательства—привилегія отрицательная. 2) Привилегіи бываютъ *исключительныя и неисключительныя*. Первыя предоставляются одному только лицу, и пока дѣйствуютъ, не предоставляются другимъ

(*) Св. зак. основн. ст. 71.

(**) Иногда даже сознательно умалчивается объ общемъ законѣ, ибо установленіе привилегіи нерѣдко представляется общественному сознанию чѣмъ-то ненавистнымъ, и вотъ этимъ надѣются избѣжать враждебнаго настроенія народнаго духа. Юридическій законъ по существу своему аналогиченъ законамъ природы; но они не допускаютъ исключеній, а всѣ явленія природы слѣдуютъ однимъ законамъ.

лицамъ; вторыя въ одно время предоставляются многимъ лицамъ. Наприм., привилегія на какое-либо изобрѣтеніе предоставляется одному лицу въ предѣлахъ всего государства; но бываетъ и такъ, что въ одной части государства, наприм., губерніи, провинціи,—привилегія предоставляется одному лицу, а въ другой она предоставляется другому лицу, или, наприм., бываетъ, что нѣсколько лицъ освобождаются отъ обязательства платить подушныя подати. Вообще привилегіи отрицательныя рѣдко бываютъ исключительными, тѣмъ болѣе, что для привилегированнаго лица нѣтъ интереса въ исключительности его привилегіи: лицу А, наприм., все равно, одно ли оно освобождается отъ обязательства платить подать, или освобождаются отъ него и другія лица. Такимъ образомъ хотя въ понятіе о привилегіи входитъ понятіе объ исключительности, но не объ исключительности безусловной: нѣтъ необходимости, чтобы привилегія была установлена лишь въ пользу одного лица, она можетъ быть дарована и многимъ лицамъ, т. е. многимъ отдѣльнымъ лицамъ, а не многимъ въ смыслѣ совокупности лицъ—юридическаго лица. 3) Привилегіи *возмездныя и безмездныя*. Этому дѣленію привилегій представляется въ нашемъ законодательствѣ то основаніе, что при дарованіи иныхъ привилегій съ привилегированнаго лица взимаются извѣстныя пошлины, напр., при дарованіи привилегіи на промышленныя изобрѣтенія и открытія (*), а другія предоставляются безмездно. Однако же раздѣленію этому (если и допустить его) нельзя придать большаго практическаго значенія, ибо привилегіи возмездныя и безмездныя въ сущности обсуживаются совершенно одинаково. 4) Привилегіи *личныя и вещныя* или *реальныя*. Первыя предоставляются непосредственно лицу и принадлежатъ ему безъ всякаго отношенія къ вещи; вторыя связываются съ какою-либо вещію и принадлежатъ лицу именно по отношенію его

(*) Св. зак. о зав. и фабр. промышл. ст. 146.

къ вещи (*). Не одно право собственности, но и другія вещныя права могутъ оказатьъ вліяніе на установленіе привилегіи въ пользу субъекта вещнаго права; наприм., лицу можетъ быть предоставлена привилегія какъ пользователю извѣстною вещью, какъ владѣльцу ея, а не только какъ ея хозяину, собственнику. Но иногда привилегія только кажется реальною, въ сущности же личная: иногда имущество одаряется привилегією по принадлежности его извѣстному лицу, такъ что преемникъ этого лица не пользуется привилегією. Наприм., домъ священника свободенъ отъ платежа городскихъ повинностей (**); когда домъ переходитъ въ другія руки, то новый хозяинъ его не пользуется льготою, между тѣмъ какъ если священникъ пріобрѣтаетъ новый домъ, то домъ этотъ становится свободнымъ отъ платежа городскихъ повинностей. Б) личные привилегіи дѣлятся на *личные въ тѣсномъ смыслѣ и потомственные*. Первые предоставляются только извѣстному лицу, вторыя переходятъ къ его потомству по праву законнаго наслѣдованія. Этотъ переходъ по праву законнаго наслѣдованія именно и характеризуетъ потомственную привилегію, ибо переходить отъ одного лица къ другому способна и личная привилегія, даже по праву наслѣдованія, когда она дарована на извѣстный срокъ, а срокъ ея не истекъ еще до смерти привилегированнаго лица (***) . 6) Привилегіи бываютъ *срочныя* и *безсрочныя*: различіе ихъ понятно. Присовокупимъ только, что какъ личная привилегія, такъ и потомственная можетъ

(*) Неправедливо опредѣляютъ иногда различіе между личною и реальною привилегіями такимъ образомъ: личная привилегія принадлежитъ лицу, реальная—вещи; неправедливо потому, что когда устанавливается и реальная привилегія, то имѣется въ виду предоставить привилегію все таки не самой вещи, одарить ее правомъ, а лицу, собственнику или субъекту какого-либо другаго вещнаго права. Напр. типографіи предоставляется исключительное право печатать театральныя афиши: это не значитъ, что типографія становится юридическимъ лицомъ, а что хозяину ея или арендатору предоставляется привилегія.

(**) Св. зак. о сост. ст. 287.

(***) Св. пост. о фабр. и завод. пром. ст. 129.

быть и срочною и безсрочною: въ первомъ случаѣ и личная привилегія до времени истечения срока переходитъ къ наслѣдникамъ, если только она по самому существу своему не состоитъ въ неразрывной связи съ личностію привилегированнаго лица, во второмъ личная привилегія со смертію привилегированнаго лица прекращается, если при установленіи ея именно не сказано, что она потомственна. Наконецъ 7) раздѣляютъ еще привилегіи на *благопріятныя* (*privilegia favorabilia, gratiosa*), и *неблагопріятныя* (*non favorabilia, odiosa*), смотря по тому, клонится ли изъятіе изъ общаго закона въ пользу или во вредъ привилегированнаго лица. Само по себѣ понятіе о привилегіи, какъ объ исключеніи только изъ общаго закона, конечно еще не наводитъ на мысль объ исключеніи *въ пользу* лица, а точно также оно можетъ клониться и ко *вреду* лица. И дѣйствительно, бывають исключенія ко вреду лица, для котораго они дѣлаются: напримѣръ по какому-либо финансовому соображенію лицо по исключенію облагается большею податью, а чаще всего невыгодныя исключенія ведутъ къ усиленію наказанія. Но мы говоримъ о привилегіи какъ о правѣ, которому соотвѣтствуетъ обязательство другаго лица, а что клонится къ ущербу лица, то составляетъ не право его, а обязательство. Напримѣръ, лицо по исключенію обложено большею податью: странно было бы сказать, что лицо въ правѣ заплатить такую подать; оно обязано заплатить ее. Поэтому, можно сказать только, что какъ иногда по исключенію лицу даруется право, такъ точно иногда по исключенію лицо лишается права. Но въ такомъ случаѣ различіе между привилегіями благопріятными и неблагопріятными сводится къ различію между исключительными законами, которыми лицу предоставляется право, и исключительными законами, которыми лицо лишается права, принадлежащаго ему по общему закону,—а само по себѣ не имѣетъ разумнаго основанія и не можетъ быть допущено. По отношенію къ нашему юридическому быту несостоятельность этого дѣле-

нія ясно обнаруживается уже изъ того, что наше народное воззрѣніе съ самымъ понятіемъ о привилегіи, льготѣ, тѣсно связывается нѣчто, клонящееся въ пользу лица.

Устанавливается привилегія актомъ законодательной власти, ибо одна только эта власть призвана къ установленію правъ; или лучше сказать верховная власть въ ея дѣятельности, направленной къ установленію правъ, именно и называется властію законодательною. Нѣтъ впрочемъ надобности, чтобъ каждая отдѣльная привилегія была устанавливаема непосредственно законодательною властію: она можетъ установить только извѣстные правила, при которыхъ допускаются привилегіи, а затѣмъ уже предоставить исполнительной власти опредѣлять, можетъ ли имѣть мѣсто привилегія въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно существуютъ опредѣленія на то, когда могутъ быть даруемы привилегіи на промышленныя изобрѣтенія, а разрѣшеніе отдѣльныхъ случаевъ предоставлено органамъ верховной исполнительной власти (*). Привилегія можетъ быть дарована каждому лицу, потому что отъ общественной власти зависитъ, кому предоставить привилегію. И притомъ, она можетъ быть предоставлена одному лицу, физическому или юридическому, или же и нѣсколькимъ лицамъ.

Дѣйствіе привилегіи въ нашемъ законодательствѣ опредѣляется такъ: *«привилегіи, дарованныя верховною самодержавною властію частному лицу или обществу, изъемятъ ихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ въ этой привилегіи содержатся точныя опредѣленія (**).»* Другими словами это значить, что дѣйствіе привилегіи опредѣляется пространствомъ льготнаго закона, его содержаніемъ. Но нѣтъ надобности, чтобы въ льготномъ законѣ были означены всѣ выводы, изъ него вытекающіе: онѣ разу-

(*) Св. зак. о зав. и фабр. пр. ст. 136-139.

(**) Св. зак. основн. ст. 71.

мѣются уже сами собою, хотя бы и не были непосредственно указаны, такъ какъ онѣ также входятъ въ составъ закона. Это замѣчаніе въ особенности важно по отношенію къ такимъ привилегіямъ, которыя представляютъ въ себѣ какъ-бы двѣ стороны. Таковы именно привилегіи, клонящіяся къ пользѣ одного лица и въ то же время непосредственно ко вреду другаго: хотя бы въ льготномъ законѣ, устанавлиющемъ привилегію, и не было упомянуто объ ограниченіи правъ другаго лица, но тѣмъ не менѣе оно устанавливается. Напримѣръ, по соображенію интересовъ отдѣльнаго раззорившагося должника опредѣляется какой-либо особый порядокъ взысканія долговъ его; не дозволяется, напримѣръ, подвергать отчужденію имущество должника, а опредѣляется удовлетворять требованія изъ доходовъ съ имущества: эта привилегія, предоставляемая должнику, въ то же время лишаетъ вѣрителей права немедленно получить удовлетвореніе изъ выручки за продажу имущества; но хотя бы въ льготномъ законѣ объ ограниченіи права вѣрителей и не было прямо постановлено, оно разумѣется само собою. Однако въ случаѣ сомнѣнія на счетъ пространства льготнаго закона, должно давать ему смыслъ по возможности тѣсный: льготный законъ составляетъ изъятіе изъ общаго закона, и потому получаетъ силу предположеніе, что если бы законодатель хотѣлъ даровать привилегированному лицу большее изъятіе, то ясно выразилъ бы это. Вотъ коренное правило толкованія льготнаго закона, правило, клонящееся, очевидно, къ тому, чтобы юридическія отношенія обсуживались сколь возможно болѣе одинаково.

Привилегированное лицо, сообразно содержанію привилегіи, или само осуществляетъ ее непосредственно, или передаетъ ея осуществленіе другому лицу, и при томъ именно осуществленіе привилегіи (*exercitio privilegii*), а не самую привилегію. Напримѣръ, лицу предоставлена привилегія на содержаніе аптеки: привилегія числится за привилегированнымъ лицомъ, но пользованіе ею можетъ

быть предоставлено другому лицу (*). Не всегда однакоже передача осуществления привилегіи возможна: иная привилегія такъ тѣсно связана съ личностію привилегированнаго лица, что осуществленіе ея не можетъ быть передано другому, или даже такая передача неудобомыслима. Но за то иныя привилегіи могутъ быть совершенно переданы отъ привилегированнаго другому лицу, т. е. можетъ быть передана самая привилегія, а не только осуществленіе ея. Напримѣръ, о личныхъ привилегіяхъ на промышленныя изобрѣтенія и открытія наше законодательство прямо опредѣляетъ, что онѣ могутъ быть передаваемы, только не юридическому лицу (компаніи) (**). Но другія личныя привилегіи, говоря вообще, не могутъ быть передаваемы; привилегіи же реальныя, говоря вообще, могутъ быть передаваемы, но только вмѣстѣ съ самымъ предметомъ, съ которымъ связана привилегія, а не отдѣльно отъ него. Законодательство опредѣляетъ также, что привилегія можетъ быть предметомъ духовнаго завѣщанія, можетъ служить и къ обезпеченію обязательства, быть предметомъ залога (***). Но всегда привилегія переходитъ отъ одного лица къ другому въ томъ объемѣ, въ какомъ была она у лица передающаго—не въ бѣльшемъ; а уменьшена, ограничена она можетъ быть по волѣ участниковъ сдѣлки, которою опредѣляется передача привилегіи.

Прекращаются привилегіи слѣдующими способами: 1) истеченіемъ срока привилегіи, когда она дарована на опредѣленное время. А это нерѣдко бываетъ. Напримѣръ, всѣ привилегіи на промышленныя изобрѣтенія и открытія даются на срокъ, при чемъ дѣлается еще различіе между привилегіями, даруемыми лицамъ, сдѣлавшимъ открытіе, и привилегіями на

(*) Понятно, что есть различіе между осуществленіемъ права и его принадлежностію, хотя впрочемъ наше законодательство не различаетъ ясно передачу пользованія привилегіею отъ передачи самой привилегіи.

(**) Св. зак. о зав. и фабр. пр. ст. 129, 154.

(***) Тамъ же.

изобрѣтенія, сдѣланныя за границею: на иностранныя изобрѣтенія привилегіи даются на время отъ одного года до шести лѣтъ, тогда какъ привилегіи на собственныя изобрѣтенія даются на три, на пять и на десять лѣтъ (*). Въ случаѣ смерти привилегированнаго лица до истеченія срока привилегіи, она не прекращается, а входитъ въ составъ его наслѣдства и остается за наслѣдниками до истеченія ея срока (**). 2) Наступленіемъ условія, когда существованіе привилегіи поставлено въ зависимость отъ какого-либо обстоятельства и оно наступаетъ. Но здѣсь, не какъ въ случаѣ прекращенія привилегіи по истеченіи срока, она не прекращается сама собою, а по наступленіи факта, составляющаго содержаніе условія со стороны подлежащаго присутственнаго мѣста дѣлается распоряженіе о прекращеніи привилегіи (***) . Нерѣдко бываетъ, что существованіе привилегіи поставляется въ зависимость отъ какого-либо условія. Но нерѣдко бываетъ также, что и начало привилегіи обусловливается какимъ-либо фактомъ, такъ что если не наступитъ этотъ фактъ, то и привилегія считается *несостоявшеюся* (****). Такъ, наприм., по отношенію къ привилегіямъ на промышленныя открытія и изобрѣтенія очень употребительно условіе, чтобъ изобрѣтеніе было примѣнено къ дѣлу въ теченіи извѣстнаго срока. Въ особенности это условіе всегда почти полагается въ томъ случаѣ, когда привилегія дается на чужое изобрѣтеніе, на открытіе, сдѣланное за границей: тутъ имѣется въ виду, что если одно лицо не воспользуется привилегіей и не приведетъ ее въ дѣйствіе, то воспользуется изобрѣтеніемъ другое лицо и оно сдѣлается достояніемъ цѣлаго общества (*****). 3) составляя право лица, при-

(*) Св. зак. о зав. и фабр. пром. ст. 143, 144, 158.

(**) Тамъ же, ст. 129.

(***) Тамъ же; ср. впрочемъ ст. 159.

(****) Но не должно смѣшивать этотъ случай съ прекращеніемъ привилегіи тѣмъ или другимъ способомъ, потому что несостоявшаяся привилегія вовсе не существовала, слѣдовательно о прекращеніи ея не можетъ быть и рѣчи.

(*****) Св. пост. о фабр. и зав. пр. ст. 132, 152.

вилегія можетъ прекратиться также по отреченію лица отъ этого права. Но какъ по отношенію къ каждому другому праву, такъ и по отношенію къ привилегіи отреченіе требуетъ извѣстнаго акта со стороны привилегированнаго лица, а одно непользованіе привилегіею еще не составляетъ отреченія отъ нея и не прекращаетъ привилегію, развѣ при установленіи ея опредѣлено, что въ случаѣ непользованія привилегіею въ теченіи извѣстнаго времени она прекращается; но и тогда она прекращается собственно не по отреченію ея субъекта, а по наступленію условія прекращенія привилегіи. Поэтому, если, наприм., дарована привилегія на какое-либо изобрѣтеніе, то она прекращается по отреченію привилегированнаго лица только тогда, когда лицо это заявитъ надлежащему присутственному мѣсту объ отреченіи отъ привилегіи. Представляется вопросъ, возможно ли отреченіе отъ наслѣдственной привилегіи? Наше законодательство не даетъ яснаго указанія на разрѣшеніе этого случая, но соображая, что законодательство не навязываетъ гражданину ни одного имущественнаго права, должно сказать, что отреченіе отъ наслѣдственной привилегіи возможно, только что отреченіе это имѣетъ значеніе лишь для самаго лица, отрекающагося отъ привилегіи, но не для его наслѣдниковъ, потомства, потому что наслѣдственная привилегія предоставляется цѣлому роду, а каждое отдѣльное лицо его пользуется привилегіею только какъ членъ этого рода. Впрочемъ вопросъ объ отреченіи отъ привилегіи мало представляетъ пракческаго интереса: въ дѣйствительности отреченіе отъ привилегіи почти не встрѣчается, потому что привилегія всегда предоставляетъ лицу извѣстныя выгоды, а отъ выгодъ не приходится отказываться; если же лицо не желаетъ пользоваться привилегіею, то и не пользуется ею, а сама привилегія все-таки остается за нимъ. Могло бы встрѣтиться отреченіе отъ привилегіи такъ называемой не-благопріятной, но она не даетъ, а ограничиваетъ права лица, и потому отреченіе отъ нея не возможно, ибо допускается

отреченіе лишь отъ права. Притомъ же, по нашему мнѣнію, и самое дѣленіе привилегій на благопріятныя и неблагопріятныя несостоятельно. 4) Пожизненная привилегія прекращается смертію привилегированнаго лица, потомственная—прекращеніемъ рода, реальная—уничтоженіемъ вещи, съ которою связана привилегія. Но относительно понятія о вещи нужно быть довольно осмотрительнымъ для того, чтобы считать привилегію прекратившеюся по уничтоженіи вещи. Практическій интересъ имѣетъ это замѣчаніе въ особенности по отношенію къ зданіямъ. Положимъ, привилегія дана дому и домъ сгараеть—прекращается привилегія или нѣтъ? Тутъ нужно обратить вниманіе на то, связана ли привилегія съ самымъ домомъ (или вообще зданіемъ), или она связана съ мѣстомъ, на которомъ построенъ домъ: въ послѣднемъ случаѣ привилегія не прекращается, такъ что съ постройкою новаго дома дѣйствіе ея восстанавливается. Или, наприм., привилегія относится къ вещи собирательной, т. е. совокупности отдѣльныхъ предметовъ: какъ существованіе самой вещи собирательной не прекращается съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ предметовъ, ее составляющихъ, такъ и привилегія не прекращается, хотя бы уничтожились и всѣ тѣ предметы, которые нѣкогда составляли собирательную вещь, лишь бы они были замѣнены другими. Напр., привилегія дана аптекѣ, но всѣ медикаменты, находившіеся во время выдачи привилегіи, мало по малу издерживаются и замѣняются новыми: тѣмъ не менѣе привилегія сохраняется. 5) Привилегія прекращается неприведеніемъ ея въ дѣйствіе въ теченіе извѣстнаго времени. Но этимъ способомъ прекращаются только привилегіи на изобрѣтенія: именно, по опредѣленію законодательства, привилегія, дарованная лицу на какое-либо изобрѣтеніе по промышленности заводской, промышленной или ремесленной, считается прекратившеюся, если въ теченіи четверти срока привилегіи лицо не позаботится объ ея осуществленіи (*). Притомъ же, прекращеніе привилегіи не-

(*) Св. пост. о зав. и фабр. пром. ст. 152.

привиденіемъ ея въ дѣйствіе можно разсматривать какъ прекращеніе по ненаступленію условія, а въ такомъ случаѣ и самую привилегію должно считать, собственно, не прекратившеюся, а несостоявшеюся. 6) Льготный законъ, составляющій основаніе привилегіи, какъ и всякій другой законъ, можетъ быть отмѣненъ новымъ закономъ: тогда исчезнетъ и привилегія, основывающаяся на льготномъ законѣ. Конечно, говоря вообще, новый законъ не поражаетъ правъ, приобретенныхъ на основаніи прежняго закона: отмѣна закона еще не влечетъ за собою обратнаго дѣйствія новаго закона. Но льготный законъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе: отмѣна его именно и состоитъ въ уничтоженіи права, вытекающаго изъ льготнаго закона, такъ что закону, направленному къ отмѣнѣ льготнаго закона, по самому существу дѣла, предоставляется обратное дѣйствіе. Но если новый законъ устанавливаетъ только привилегію въ пользу другаго лица—должно ли тогда считать прежнюю привилегію отмѣненною? Намъ извѣстно уже, что двѣ или даже болѣе одинаковыя привилегіи могутъ существовать совмѣстно: поэтому должно допустить, что законъ, устанавлиющій привилегію въ пользу другаго лица, не отмѣняетъ прежняго закона, если только прямо не опредѣляетъ его отмѣну. Наприм., какому-либо лицу предоставляется исключительно заниматься извѣстнымъ промысломъ, а впоследствии, также по исключенію, предоставляется заниматься тѣмъ же промысломъ и другому лицу: тутъ новый льготный законъ не отмѣняетъ прежняго, а оба существуютъ совмѣстно. 7) Привилегія прекращается по приговору суда. Конечно, при нормальномъ ходѣ дѣла судебное мѣсто прекращаетъ привилегію не иначе, какъ на основаніи закона, указывающаго на прекращеніе привилегіи, такъ что приговоръ суда не имѣетъ значенія самостоятельнаго способа прекращенія привилегіи. Но иногда онъ имѣетъ именно такое значеніе: это тогда, когда приговоръ суда составляется не на основаніи закона или даже вопреки закону, а между тѣмъ наступаютъ условія, при

которыхъ рѣшеніе суда получаетъ силу закона для даннаго случая. Разумѣется, судебное мѣсто, незаконно прекратившее привилегію, можетъ подвергнуться отвѣтственности, но привилегія все-таки будетъ считаться прекратившеюся. Наконецъ 8) по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ, привилегія прекращается съ прекращеніемъ законодательной дѣятельности лица, даровавшаго привилегію. Привилегія, какъ исключеніе изъ общаго закона, представляется чѣмъ-то неприятнымъ общественному сознанию: оно исходитъ отъ мысли, что юридическія отношенія должны опредѣляться общими правилами, а не исключеніями, что юридическій бытъ можетъ быть достаточно опредѣленъ общими и особенными законами и нѣтъ надобности дѣлать еще исключенія для отдѣльныхъ лицъ. Отсюда-то готовность юристовъ приписывать средства для прекращенія привилегій, и вотъ находятъ, что прекращеніе законодательной дѣятельности государя, даровавшаго привилегію, также ведетъ къ ея прекращенію. Дѣйствительно, очень часто вступленіе на престолъ новаго государя сопровождается подтвержденіемъ разныхъ преимуществъ, дарованныхъ его предшественниками. Тѣмъ не менѣе однако нельзя согласиться, чтобъ прекращеніе дѣятельности законодателя могло быть разсматриваемо какъ способъ прекращенія привилегіи; льготный законъ, устанавлиющій привилегію, точно такой же законъ, какъ и всякой другой актъ законодательной власти, и слѣдовательно дается не только на время дѣятельности законодателя, а вообще на будущее время впредь до отмѣны. Другое дѣло, если самымъ льготнымъ закономъ прекращеніе власти законодателя опредѣлено условіемъ прекращенія привилегіи: но тогда прекращеніе власти законодателя значитъ тоже, что и наступленіе всякаго другаго условія. Поэтому, если законодатель уничтожаетъ привилегію, дарованную его предшественникомъ, то отмѣна ея основывается не на томъ воззрѣніи, что законодатель не обязанъ подтверждать льготные законы своего предшественника, а на томъ, что онъ находитъ приви-

легію несомвѣстною съ общимъ благомъ: не обязательно же соблюденіе льготнаго закона и для самаго законодателя, установившаго его, и самъ онъ въ правѣ уничтожить дарованную имъ привилегію, точно также какъ онъ можетъ отмѣнить и всякой другой законъ, изданный имъ самимъ или кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ.

Если назначеніе положительнаго закона—служить закономъ общественнаго организма, то желательно, чтобы онъ примѣнялся одинаково ко всѣмъ юридическимъ отношеніямъ, чтобы не было въ немъ исключеній, точно также какъ явленія всякаго другаго организма слѣдуютъ одинаковымъ законамъ, точно также, какъ нѣтъ исключеній въ законахъ, устанавливаемыхъ самою природою. И дѣйствительно, каждый общественный быть смотритъ на привилегіи болѣе или менѣе неблагопріятно, и въ новое время законодательства заботятся объ уничтоженіи привилегій, установленныхъ въ прежнія времена. Но юридическій законъ, какъ нѣчто общее, не имѣетъ возможности обнимать всѣ особенности, встрѣчающіяся въ юридическомъ быту и, какъ произведеніе человѣческое, страдаетъ несовершенствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности представляются иногда случаи столь исключительные, что становится необходимымъ создать для нихъ и исключительныя опредѣленія, въ противномъ случаѣ была бы оскорблена высшая справедливость, пострадало бы общее благо. Такимъ образомъ, привилегія не безусловно противна общему благу. Справедливо сказалъ гдѣ-то *Викторъ Гюго*, что привилегія, устанавливаемая ради общаго блага, хороша, а привилегія, устанавливаемая въ пользу отдѣльнаго лица или отдѣльнаго класса лицъ, дурна. Но справедливое положеніе это не практично: можетъ случиться, что и привилегія, устанавливаемая въ интересѣ отдѣльнаго лица, будетъ выдаваться за полезную для цѣлаго общества. Исторія законодательства, дѣйствительно, знакомитъ насъ съ такими привилегіями, которыя приносятъ пользу лишь отдѣльному лицу ко вреду цѣлаго общества. Вотъ эти-то имен-

но привилегіи и не находятъ себѣ одобренія въ общественномъ сознаніи, тогда какъ оно вполне одобряетъ привилегіи, установленныя по соображенію исключительности тѣхъ случаевъ, къ которымъ онѣ относятся. Такими, наприм., исключительными случаями, оправдывающими привилегіи, представляются промышленныя изобрѣтенія: съ одной стороны самая справедливость требуетъ лицу, потратившему на изобрѣтеніе трудъ и время, доставить возможность получить вознагражденіе, съ другой право исключительнаго пользованія изобрѣтеніемъ въ теченіи извѣстнаго времени поощряетъ гражданъ къ изысканію открытій, къ заимствованіямъ иностранныхъ изобрѣтеній, а отсюда польза для цѣлаго общества. И такъ, здѣсь какъ соображеніе нравственное, такъ и политическое побуждаютъ законодательство къ установленію привилегій. Но можно сказать также, и это будетъ справедливо, что привилегія на изобрѣтеніе скорѣе ограниченное признаніе права, нежели привилегія. Если кто-либо сдѣлалъ изобрѣтеніе въ области промышленности, то очень основательно можетъ требовать, чтобъ другіе не пользовались его изобрѣтеніемъ: это его достоиніе. Но сознавая справедливость такого требованія, законодательство въ то же время имѣетъ въ виду общую пользу, происходящую отъ изобрѣтенія, и находитъ, что право изобрѣтателя должно быть ограничено извѣстнымъ срокомъ: и потому постановляетъ, что лицо, сдѣлавшее промышленное открытіе, можетъ просить, чтобъ въ теченіи извѣстнаго времени ему исключительно предоставлено было извлекать пользу изъ открытія, и такая просьба удовлетворяется (*). Такимъ образомъ выходитъ, что законодательство сначала отрицаетъ право изобрѣтателя, а потомъ даетъ его, но уже какъ привилегію и притомъ съ извѣстными условіями, ограниченіями и только на извѣстное время. Законодательство имѣетъ въ виду, что и при этихъ ограниченіяхъ изобрѣтатель извлечетъ значительную поль-

(*) Св. пост. о фабр. и зав. пр. ст. 123, 126, 136—142.

зу изъ своего изобрѣтенія и слѣдовательно будетъ вознагражденъ за трудъ и издержки, а между тѣмъ по истеченіи льготнаго времени изобрѣтеніе сдѣлается свободнымъ достояніемъ цѣлаго общества. Другое дѣло привилегія на иностранное изобрѣтеніе, когда привилегія дается не изобрѣтателю, а другому лицу, которое намѣревается впервые примѣнить изобрѣтеніе въ предѣлахъ нашего отечества: это дѣйствительно привилегія, потому что кромѣ изобрѣтателя никто не имѣетъ абсолютнаго права на исключительное пользованіе изобрѣтеніемъ, а всякій можетъ примѣнять его, если только законодательство не признаетъ за иностранцами исключительнаго права на ихъ изобрѣтенія. Но законодательство, предоставляя привилегіи на иностранныя изобрѣтенія, имѣетъ въ виду поощрить подданныхъ къ заимствованіямъ полезныхъ открытій, сдѣланныхъ за границею, и большія пожертвованія, необходимыя иногда при первоначальномъ введеніи и распространеніи изобрѣтенія.

II.

ПРИБОРЪТЕНІЕ ПРАВЪ.

Приобрѣтеніе права предполагаетъ три понятія: 1., *субъектъ, способный къ приборътению права*, 2., *объектъ, подлежащій приборътению*, и 3., *актъ приборътения*. 1., Субъектъ, способный къ приборътению права, это лицо физическое или юридическое. Но такъ какъ способность къ правамъ наше законодательство не опредѣляетъ для всѣхъ лицъ одинаково, то общей правоспособности недостаточно, а нужно, чтобъ лицо было способно именно къ приборътению даннаго права. Напр., только потомственные дворяне могутъ приборътять право собственности на населенныя имѣнія: и поэтому, если субъектъ права не принадлежитъ къ сословію потом-

ственного дворянства, то онъ не можетъ приобрести право собственности на населенное имѣніе. Далѣе, такъ какъ способность къ правамъ не постоянно одинакова, а, смотря по обстоятельствамъ, то расширяется, то сжимается, такъ что въ одинъ моментъ времени лицо способно приобрести данное право, а въ другой неспособно, то требуется также для приобретения права, чтобъ лицо способно было приобрести его именно въ данный моментъ. Въ дѣйствительности нерѣдко встрѣчаются даже такіе случаи, что лицо способно имѣть данное право, но неспособно приобрести его. Наприм., потомственная дворянка, выходя замужъ за лицо другого состоянія, удерживаетъ за собою право собственности на населенное имѣніе, принадлежавшее ей до замужества, но не въ правѣ приобретать другія населенныя имѣнія, развѣ путемъ законнаго наслѣдованія (*). 2., Объектъ, подлежащій приобретению, долженъ относиться къ сферѣ имуществъ. Извѣстно, что не всѣ предметы физическаго міра имѣютъ значеніе имущества и не всѣ дѣйствія другихъ лицъ имѣютъ имущественный характеръ. Но, кромѣ того, нужно, чтобы имущество способно было сдѣлаться объектомъ даннаго права, или быть предметомъ сдѣлки именно въ томъ видѣ, какъ она заключается. Наприм., имущества нераздѣльныя не могутъ быть проданы раздробленно (**). Наконецъ, 3., требуется для приобретения права актъ приобретения, какой-либо фактъ, сближающій субъекта права съ его объектомъ: самъ по себѣ субъектъ права существуетъ отдѣльно отъ объекта, и вотъ для того, чтобъ право было приобретено, требуется, чтобъ сдѣлалось что-либо, произошло какое-нибудь сближеніе между субъектомъ и объектомъ. Въ словѣ «приобрѣтеніе» содержится оттънокъ значенія, какъ будто идетъ рѣчь о дѣйствіи лица, приобретающаго право. Но актъ приобретения права не

(*) Св. зак. о сост. ст. 225.

(**) Св. зак. гр. ст. 1396, 1397.

есть непременно дѣйствіе лица, приобрѣтающаго право, а очень нерѣдко право приобретаетъ совершенно независимо отъ какого-либо его дѣйствія: нерѣдко фактъ, случай какой-либо влечетъ за собою приобрѣтеніе права. Напр., смерть лица рождаетъ для наслѣдника его право наслѣдованія; или наприм. лицо приобретаетъ право на вознагражденіе за убытки, причиненные ему другимъ лицомъ, не только не обнаруживая какого-либо дѣйствія, но находясь даже въ положеніи страдательномъ. Поэтому, несправедливо мнѣніе иныхъ, будто для приобрѣтенія права необходимо дѣйствіе со стороны приобрѣтателя, а можно сказать только, что во многихъ случаяхъ дѣйствительно право приобретаетъ при посредствѣ дѣйствія лица, приобрѣтающаго право, но только во многихъ, а далеко не во всѣхъ случаяхъ.

Приобрѣтеніе права представляется: 1) *универсальнымъ* или *всеобщимъ* и *сингулярнымъ* или *отдѣльнымъ*. Приобрѣтеніе права представляется универсальнымъ, когда право переходитъ къ лицу въ составъ всѣхъ юридическихъ отношеній прежняго субъекта права, такъ что лицо, приобрѣтающее право, продолжаетъ собою личность того лица, отъ котораго право перешло къ нему, почему и универсальное приобрѣтеніе права можно также назвать приобрѣтеніемъ *по преемству*. Напр., приобрѣтается наслѣдство: наслѣдникъ приобрѣтаетъ, за немногими лишь исключеніями, всѣ тѣ права, которыя принадлежали наслѣдодателю, такъ что наслѣдникъ продолжаетъ собою юридическую личность наслѣдователя (*). Приобрѣтеніе права представляется сингулярнымъ, когда право переходитъ къ лицу независимо отъ другихъ юридическихъ отношеній прежняго его субъекта, такъ что между нимъ и приобрѣтателемъ права нѣтъ такой непосредственной связи, какая представляется при приобрѣтеніи права по преемству. Различіе между приобрѣтеніемъ права по преемству, приобрѣтеніемъ

(*) Св. зак. гр. ст. 1238, 1239.

универсальнымъ, и пріобрѣтеніемъ безъ такого преемства, въ отдѣльности, имѣеть то важное практическое значеніе, что тамъ, гдѣ пріобрѣтаются имущественныя отношенія лица въ цѣлости, не требуется означеніе перехода относительно каждаго отдѣльнаго права, тогда какъ это необходимо при сингулярномъ пріобрѣтеніи права.—2., Пріобрѣтеніе права представляется *первообразнымъ* и *производнымъ*. Первообразное или первоначальное—это пріобрѣтеніе права, прежде несуществовавшего. Наприм., пріобрѣтается право наслѣдованія: наслѣдователь не былъ субъектомъ этого права, а наслѣдникъ пріобрѣтаетъ его, такъ что право наслѣдованія до пріобрѣтенія его вовсе не существуетъ, а возникаетъ только въ моментъ пріобрѣтенія. Или, наприм., хозяинъ животнаго пріобрѣтаетъ право собственности по приплоду: до пріобрѣтенія этого права его вовсе нѣтъ, потому что нѣтъ и вещи, подлежащей праву, а въ моментъ пріобрѣтенія права собственности оно только что возникаетъ. Или, наприм., всѣ права обязательственныя: до установленія обязательства тѣмъ или другимъ способомъ право вовсе не существуетъ, а оно возникаетъ и пріобрѣтается только въ моментъ установленія обязательства. Такимъ образомъ оказывается очень значительное число имущественныхъ правъ, которыя вовсе не существуютъ до пріобрѣтенія, а возникаютъ именно въ моментъ пріобрѣтенія. Производное пріобрѣтеніе—это пріобрѣтеніе права, уже существующаго, такъ что оно при пріобрѣтеніи его не возникаетъ вновь, а только переходитъ отъ одного лица къ другому. Наприм., пріобрѣтается право собственности по передачѣ: тутъ уже существуетъ право собственности на вещь и только мѣняется субъектъ его. Или, напримѣръ, передается право по долговому акту: право на дѣйствіе должника уже существуетъ и только переходитъ теперь отъ вѣрителя къ другому лицу. Практическая сторона дѣленія пріобрѣтенія права на первоначальное и производное представляется въ томъ, что объемъ производнаго права всегда опредѣляется

объемомъ права первоначальнаго, но опредѣляется не въ томъ смыслѣ, что производное право всегда того же объема, какъ право первоначальное—оно можетъ перейти къ другому лицу и въ меньшемъ объемѣ,—а въ томъ смыслѣ, что производное право никогда не можетъ быть шире первоначальнаго права—лицо никогда не можетъ передать право другому въ большемъ объемѣ, нежели въ какомъ оно принадлежитъ ему самому (*). 3) Право приобрѣтается *по отчужденію* или *безъ отчужденія*. Въ томъ и другомъ случаѣ впрочемъ идетъ рѣчь только о приобрѣтеніи права производнаго, такъ какъ первоначальныя права приобрѣтаются всегда безъ отчужденія. Право приобрѣтается по отчужденію, когда передается отъ одного лица другому; безъ отчужденія, когда право также переходитъ отъ одного лица къ другому, но переходитъ случайно, независимо отъ воли его прежняго субъекта. Напримѣръ, право собственности по вещи передается другому лицу: тутъ право переходитъ отъ одного лица къ другому по отчужденію. Но, напримѣръ, лицо владѣетъ вещью въ качествѣ давностнаго владѣльца и по истеченіи давностнаго срока приобрѣтаетъ надъ нею права собственности: и здѣсь право переходитъ отъ одного лица къ другому, но безъ отчужденія или, лучше сказать, не по отчужденію. Отчужденіе права представляется, такимъ образомъ, дѣйствіемъ лица, отъ котораго переходитъ право, и вслѣдствіе того отчужденіе возможно только тогда, когда субъектъ права способенъ къ отчужденію его и когда самое право таково, что можетъ подлежать отчужденію. Лицо способно къ отчужденію права только тогда, когда оно способно къ самостоятельной, вполнѣ свободной гражданской дѣятельности, а ограниченная способность къ гражданской дѣятельности недостаточна для отчужденія права. Напримѣръ, лица, состоящія подъ попечительствомъ, говоря вообще, способны къ гражданской дѣятельности, но они неспособны сами по себѣ къ

(*) Римское право выражаетъ это положеніе формулою: *nemo plus iuris a alium transferre potest, quam ipse haberet* (D. g. l. L, t. 17, fr. 54).

отчужденію права, а для дѣйствительности его требуется согласіе попечителя (*). Относительно способности права подлежать отчужденію должно сказать, что всѣ имущественныя права могутъ быть отчуждаемы, неотчуждаемы же какія-либо имущественныя права только по особому исключенію. Такъ иногда имущественное право оказывается неотчуждаемымъ по условію передачи права; или иногда законодательство запрещаетъ отчужденіе права, какъ напримѣръ устраняется отчужденіе права собственности по майорату (**). Наконецъ отчужденіе права должно быть облечено въ надлежащую форму, если установлена какая либо обязательная форма для отчужденія даннаго права. Нѣтъ надобности, чтобы право перешло по отчужденію отъ одного лица къ другому въ цѣломъ его объемѣ; оно можетъ быть и раздроблено при отчужденіи, такъ что одна часть права отойдетъ отъ лица и будетъ приобрѣтена другимъ, а другая по прежнему останется за нимъ. Напримѣръ, лицо можетъ передать право собственности по вещи другому лицу, но право пользованія, эту составную часть права собственности, оставить за собою, навсегда, или только на опредѣленное время. Или даже можетъ быть еще болѣе дробное дѣленіе: передавая право собственности по вещи, лицо можетъ передать и право пользованія ею, оставивъ за собою только часть его, такъ что право пользованія вещію будетъ принадлежать отъ части прежнему ея хозяину, отча-

(*) Св. зак. гр. ст. 220.

(**) Въ отчуждаемости заключается между прочимъ одна изъ характеристикскихъ чертъ, отличающихъ гражданскія права отъ государственныхъ: эти послѣднія не подлежатъ отчужденію, какъ права строго-личныя, напримѣръ, права состоянія, — гражданскія права только по исключенію неотчуждаемы, какъ напримѣръ право собственности по майорату. Въ прежнія времена, когда область государственнаго права не была еще отдѣлена отъ области права гражданскаго, когда всѣ юридическія отношенія опредѣлялись по началамъ гражданскаго права, нерѣдко случалось, что государство продавало и мѣняло свою территорію; но въ настоящее время примѣненіе началъ гражданскаго права къ государственнымъ отношеніямъ уже не встрѣчается.

сти новому (*). Для отчужденія необходимо только, чтобы право, на сколько оно переходит къ новому субъекту, на столько (не меньше) отошло отъ прежняго: это именно составляетъ существо отчужденія права. Независимо отъ отчужденія права приобрьтаются различно, напримѣръ, по наследованію, по приращенію и т. д. И всѣ эти различные виды приобрьтенія правъ безъ отчужденія составляютъ различныя учрежденія, неподходящія подъ одну общую теорію: что, наприм., общаго между приобрьтеніемъ права по наследованію и приобрьтеніемъ по приращенію? Наконецъ, 4) приобрьтеніе права по отчужденію представляется *возмезднымъ* или *безмезднымъ*, смотря потому, предоставляетъ ли лицо за приобрьтеніе права эквивалентъ другому лицу, или право приобрьтается безъ эквивалента. Возмездное приобрьтеніе права распадается на различныя отдѣльныя виды приобрьтенія,—напримѣръ, по передачѣ возмездно приобрьтается право или оно приобрьтается возмездно по договору—и такъ какъ эквивалентъ приобрьтенія права также разнообразенъ и поэтому относится къ различнымъ юридическимъ учрежденіямъ, то нѣтъ возможности представить общую теорію возмезднаго приобрьтенія правъ по отчужденію, а приходится разсматривать различныя его виды отдѣльно, въ различныхъ частяхъ системы гражданскаго права: какъ скоро приобрьтеніе права возмездное, то эквивалентъ существенъ для приобрьтенія, поэтому и приобрьтеніе права не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ въ связи съ эквивалентомъ. Другое дѣло безмездное приобрьтеніе права по отчужденію—дареніе. Правда и безмездно права приобрьтаются различно, наприм., по передачѣ, по договору, такъ что способы безмезднаго приобрьтенія правъ не группируются въ одно учрежденіе; но въ различныхъ учрежденіяхъ, опредѣляющихъ безмездное приобрьтеніе того или другаго права, встрѣчаются многія общія

(*) Св. зак. гр. ст. 513—517, 535, 536.

черты, такъ что есть возможность представить общую теорію даренія какъ учрежденія, обнимающаго въ общихъ чертахъ всѣ различныя учрежденія о безмездномъ пріобрѣтеніи правъ. Такимъ образомъ, въ ученіи о пріобрѣтеніи правъ находитъ себѣ мѣсто ученіе о дареніи (*).

Дареніе (donatio) въ смыслѣ безмезднаго отчужденія права, обнимаетъ собою, какъ мы сказали уже, множество разнообразныхъ юридическихъ учреждений, представляя общую ихъ теорію. Сообразно этому, въ различныхъ видахъ его заключается иногда и другое право. Напр., лицо обязывается подарить другому извѣстную вещь: тутъ, дѣйствительно, представляется договоръ, по которому другое лицо пріобрѣтаетъ право на дѣйствіе, и притомъ пріобрѣтаетъ его безмездно. Но, напр., лицо, не будучи предварительно обязано подарить вещь, прямо передаетъ ее безмездно другому лицу: здѣсь лицо не пріобрѣтаетъ права на чужое дѣйствіе, а пріобрѣтаетъ право собственности на вещь. Должно сказать, впрочемъ, что значеніе даренія въ наукѣ болѣе отрицательное, нежели положительное: въ учрежденіяхъ, подходящихъ подъ понятіе даренія, можно отмѣтить нѣкоторыя, общія всѣмъ имъ характеристическія черты. Онѣ слѣдующія: 1) дареніе есть отчужденіе права, слѣдовательно даритель лишается какого-либо права, и притомъ при жизни, потому что

(*) Иногда отводятъ ему мѣсто въ системѣ договоровъ, но не всегда дареніе договоръ, напротивъ, чаще всего оно происходитъ независимо отъ договора: по договору пріобрѣтается право на чужое дѣйствіе, а говоря вообще безмездное отчужденіе правъ не принадлежитъ къ обыкновеннымъ явленіямъ дѣйствительности; но есть случаи, гдѣ оно ограничивается, или даже совершенно устраняется закономъ, и вотъ для этихъ то случаевъ важно опредѣлить, что именно устраняется закономъ, какія отношенія считаетъ онъ неумѣстными, важно тѣмъ болѣе, что иногда дареніе прикрывается другою сдѣлкой, а иногда, наоборотъ, оно прикрываетъ другую сдѣлку. Наприм., законодательство запрещаетъ дареніе родоваго имущества, или при извѣстныхъ условіяхъ дареніе разрушается: въ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть довольно затруднительно опредѣлить, представляется ли дареніе, или другая сдѣлка (св. зак. гр. ст. 967; св. учр. и уст. тор. 1932-1934.)

если лицо даритъ что-либо другому, но такъ, чтобъ даръ перешелъ къ нему по смерти дарителя, то дареніе уже имѣетъ видъ завѣщательнаго распоряженія (*). Нѣтъ надобности, чтобъ лишеніе равнялось по цѣнности приобрѣтенію,—дареніе можетъ быть гораздо важнѣе для лица одаряемаго, нежели для дарителя, а требуется только, чтобы лишеніе существовало. 2) Лицо одаряемое приобрѣтаетъ право, котораго прежде не было у него, оно обогащается. Но одна выгода, приобрѣтаемая лицомъ вслѣдствіе сдѣлки, безъ расширенія сферы правъ его, не составляетъ даренія. Положимъ, между А и В существуетъ договоръ займа, и А, должникъ, добровольно обезпечиваетъ его залогомъ: тутъ хотя и есть отчужденіе права, но нѣтъ даренія, потому что нѣтъ обогащенія для лица В, которое остается съ тѣмъ же правомъ получить отъ А удовлетвореніе по займу, которое принадлежало ему и прежде, только что отнынѣ это право становится обезпеченнымъ. Или такой случай: А обязался доставить какую-либо вещь В, но представляется возможность оспорить это обязательство и вслѣдствіе того А можетъ приостановить исполненіе его, можетъ предъявить споръ, но А не споритъ, а исполняетъ сомнительное обязательство: для В конечно выгоднѣе, что дѣло оканчивается безъ спора, но тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ нѣтъ даренія, потому что осуществляется только право В. 3). Дареніе представляетъ безмездное приобрѣтеніе права по отчужденію. Поэтому, нѣтъ даренія, когда лицо приобрѣтаетъ какое-либо право, но въ замѣнъ приобрѣтаемаго утрачиваетъ другое право, такъ что приобрѣтеніе одного состоитъ въ непосредственной связи съ утратою другаго, потому что тогда сфера правъ лица не расширяется, а только одно право замѣняется другимъ. Напр. А передаетъ В право собственности на вещь и за то приобрѣтаетъ отъ него право собственности

(*) Впрочемъ это условіе разумѣется само собою уже изъ того, что дареніе есть отчужденіе права, такъ какъ отчужденіе, по существу своему, предполагаетъ переходъ права отъ живаго къ живому (св. зак. гр. ст. 991)

на другую вещь: тутъ не дареніе, а мѣна. Однакоже, если возмездіе за пріобрѣтеніе права такъ ничтожно, что нѣтъ между ними никакой соразмѣрности, то возмездіе не разрушаетъ характера сдѣлки—какъ даренія. Напр. существуетъ предразсудокъ, что нельзя дарить острыми вещами и поэтому, когда дарится какая либо острая вещь, напр. кинжалъ, то лицо одаряемое платитъ дарителю какую-либо мелкую монету: сдѣлка тѣмъ не менѣе имѣетъ характеръ даренія. Точно также, если дареніе вызвано какою-либо услугою, оказанною со стороны лица дарителю или кому-либо изъ близкихъ ему, то оно не обращается въ сдѣлку возмездную, а остается дареніемъ. Напр., вознагражденіе врачу у насъ производится обыкновенно въ видѣ даренія. И вообще можно сказать, что для даренія не существенно, чтобы въ душѣ дарителя не было никакихъ корыстныхъ видовъ, чтобы ему чужда была мысль достигнуть посредствомъ даренія какой-либо выгоды, чтобы онъ не получилъ ничего. И дѣйствительно, очень рѣдко дареніе производится совершенно безкорыстно, а обыкновенно или оно составляетъ вознагражденіе за какую-либо услугу, оказанную дарителю, со стороны лица одаряемаго, или даритель хочетъ пріобрѣсти какія-либо матеріальныя или нематеріальныя выгоды, напр. склонить лицо одаряемое на свою сторону: но тѣмъ не менѣе сдѣлка остается дареніемъ. Поэтому, если на примѣръ лицо одаритъ кого-либо въ надеждѣ на его услугу, которая однакоже не оказывается, то дареніе все-таки дѣйствительно, потому что надежда на вознагражденіе не имѣетъ юридическаго момента. 4) Какъ каждая сдѣлка предполагаетъ волю лица на ея совершеніе, такъ и дареніе предполагаетъ со стороны дарителя намѣреніе одарить другое лицо (*animus donandi*), такъ что гдѣ нѣтъ этого намѣренія, нѣтъ и даренія, хотя бы были налицо всѣ другія его принадлежности. Поэтому, если какая-либо сдѣлка, заключенная возмездно, оказывается недѣйствительною, но можетъ сохранить силу какъ дареніе, то отсюда не слѣ-

дуетъ еще, что она сама собою обращается въ дареніе, потому что при недѣйствительности сдѣлки возмездной не разумѣется само собою намѣреніе лица одарить другаго контрагента. Положимъ, лицо производитъ платежъ другому за отреченіе отъ наслѣдства, но оказывается, что отреченіе недѣйствительно: вмѣстѣ съ тѣмъ недѣйствителенъ и платежъ за отреченіе и можетъ быть потребованъ обратно, а нельзя сказать, что при недѣйствительности отреченія само собою возникаетъ дареніе, что лицо, отрекавшееся отъ наслѣдства, получаетъ вознагражденіе какъ даръ, если это прямо не выражено въ сдѣлкѣ. Наконецъ 5) дареніе предполагаетъ принятіе дара со стороны лица одаряемаго. Такъ какъ дареніе доставляетъ выгоду лицу одаряемому, а людямъ свойственно дѣйствовать согласно съ ихъ выгодами, то, конечно, въ ббльшей части случаевъ лицо согласно на принятіе дара. Это до того естественно, что въ иныхъ случаяхъ согласіе лица одаряемаго даже предполагается, наприм., при дареніи со стороны государства: когда дарится со стороны государства частному лицу или обществу какое-либо имущество движимое или недвижимое, то не спрашивается, согласно-ли лицо или общество на принятіе дара, а со стороны государства прямо производится дареніе (*). Да и въ другихъ случаяхъ принятіе дара болъею частию подразумѣвается, такъ что въ актѣ даренія (если совершается о немъ письменный актъ) говорится только отъ лица дарителя, что онъ даритъ такое-то имущество, а согласіе лица одаряемаго прямо не выражается, а только предполагается. Тѣмъ не менѣе однако же справедливо, что принятіе дара существенно для дѣйствительности каждаго даренія, и если нельзя свести этотъ актъ къ формальному изъявленію согласія, то всегда можно свести его по крайней мѣрѣ къ условію, что дареніе недѣйствительно, если лицо одаряемое не согласится на принятіе дара, выразить свое несогласіе (**).

(*) Св. зак. гр. ст. 934.

(**) Тамъ же, ст. 973, 766.

Поэтому, когда лицо одаряемое само по себѣ не может изъяснить согласіе на принятіе дара, а требуется участіе другого лица, нѣтъ даренія, пока лицо это не выразитъ согласія на принятіе дара. Наприм., дареніе лицу, состоящему подъ опекою, дѣйствительно только тогда, когда опекунъ выразитъ согласіе на принятіе дара. И притомъ, принятіе дара должно совпадать съ предложеніемъ его, а если оба момента даренія относятся къ разному времени, то нѣтъ даренія. Наприм. А даритъ имущество В, находящемуся въ другомъ городѣ, по прежде чѣмъ дойдетъ до него эта вѣсть, слѣдовательно прежде чѣмъ можно даже предположить В согласнымъ на принятіе дара, А умираетъ: здѣсь нѣтъ даренія и В получить подаренное ему имущество только тогда, когда дареніе подходит подъ условія завѣщательнаго распоряженія, да и то уже не какъ лицо одаряемое, а какъ наслѣдникъ по завѣщанію. Сообразно всѣмъ этимъ принадлежностямъ даренія точнѣе можно опредѣлить его такъ: *оно есть безмездное, наипривное отчужденіе какого-либо имущественнаго права со стороны одного лица другому, отчужденіе, конечно, сопряженное съ лишеніемъ того права для дарителя.*

Законодательство различаетъ нѣсколько видовъ даренія. Такъ, по лицу дарителя оно различаетъ *пожалованіе* и *дареніе въ тѣсномъ смыслѣ*. Пожалованіе—это дареніе права собственности на недвижимое имущество со стороны государства частному лицу или обществу, наприм., городскому или сельскому обществу и т. п., а дареніе въ тѣсномъ смыслѣ—это дареніе отъ одного частнаго лица другому частному же лицу, физическому или юридическому, наприм. акціонерной компаніи (*). Итакъ, не всякое дареніе и со стороны государства частному лицу составляетъ пожалованіе, а только дареніе права собственности на недвижимое имущество, такъ что слѣдовательно дареніе частному лицу со стороны государства всякаго

(*) Св. зак. гр. ст. 934, 967.

другаго права подходит подъ понятіе даренія въ тѣсномъ смыслѣ. Намъ кажется однако же, что дареніе со стороны государства нельзя считать за особую сдѣлку, хотя дареніе это и носить особое имя: законодательство, кажется, имѣетъ въ виду особую важность пожалованія и нѣкоторыя особенности, опредѣляемыя относительно его; но важность пожалованія, какъ акта государства, еще не даетъ ему значенія самостоятельнаго юридическаго учрежденія, особенности же, опредѣляемыя законодательствомъ относительно пожалованія, не касаются существа права, приобретаемаго по пожалованію, а имѣютъ административное значеніе. Поэтому, и различіе между пожалованіемъ и дареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ въ наукѣ не находитъ себѣ мѣста. Далѣе, по липу одаряемому законодательство различаетъ *пожертвованіе* и *дареніе въ тѣсномъ смыслѣ*, разумѣя подъ жертвованіемъ дареніе со стороны частнаго лица государству, а подъ дареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ дареніе отъ одного частнаго лица другому частному же лицу (*). Но и это дѣленіе не находитъ себѣ оправданія въ сущности юридическихъ опредѣленій о томъ и другомъ видѣ даренія: въ сущности эти опредѣленія одинаковы какъ для жертвованія, такъ и для даренія въ тѣсномъ смыслѣ, а если и есть нѣкоторыя особыя опредѣленія относительно жертвованія, то эти особенности не касаются самаго права жертвуемаго, а опредѣляютъ права органовъ юридическаго лица—государства по принятію дара. Какъ на особыя виды даренія законодательство смотритъ также на *выдѣлъ* и *назначеніе приданаго*. Выдѣлъ—это дареніе со стороны родителей или вообще восходящихъ родственниковъ дѣтямъ или вообще нисходящимъ; назначеніе приданаго—это выдѣлъ дочери или вообще нисходящей родственницы при выходѣ ея въ замужество (**). Но и это различіе едвали болѣе удачно, чѣмъ предшествующія, ибо личность да-

(*) Св. зак. гр. ст. 979, 967.

(**) Тамъ же, ст. 994, 1001.

рителя и лица одаряемаго не имѣть никакого значенія для существа самаго права даримаго: его существо и при выдѣлѣ, и при назначеніи приданаго можетъ быть то же, что и при дареніи. Выдѣлъ и назначеніе приданаго оказываетъ только вліяніе на право наслѣдованія (*). И тутъ представляется то затрудненіе, что не всякое же дареніе со стороны восходящихъ нисходящимъ можно считать выдѣломъ, а между тѣмъ законодательство не даетъ точнаго опредѣленія, при какихъ именно условіяхъ дареніе представляется выдѣломъ. Точно также законодательство не опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ существенно замужество для назначенія приданаго, необходимо ли оно для дѣйствительности сдѣлки. Положимъ, родители даютъ приданое дочери, выходящей въ замужество, но бракъ не состоится: если вступленіе въ замужество существенно для сдѣлки о назначеніи приданаго, то она недѣйствительна, а если нѣтъ, то сдѣлка все-таки дѣйствительна и получаетъ значеніе даренія или выдѣла.

Лица, участвующія въ дареніи, это лицо, производящее дареніе,—*даритель*, и лицо, которому оно производится,—*лицо одаряемое*. О нихъ приходится въ особенности сказать только слѣдующее. О *дарителѣ*: такъ какъ дареніе составляетъ отчужденіе права, то даритель долженъ быть способенъ къ самостоятельной гражданской дѣятельности, и притомъ способенъ къ отчужденію даннаго права. Поэтому, напримѣръ, малолѣтніе не способны къ даренію. Но такъ какъ за неспособныхъ къ гражданской дѣятельности дѣйствуютъ ихъ законные представители, то возникаетъ вопросъ, распространяется ли представительство опекуна на право даренія? Обязанность опекуна охранять интересы малолѣтнаго, а дареніе составляетъ ущербъ для дарителя, и потому казалось бы, что дареніе со стороны опекуна не должно быть признаваемо дѣйствительнымъ. Однако же, по нашему законодательству, не

(*) Св. зак. гр. ст. 997, 1003, 1004.

считаются недействительными тѣ дѣйствія опекуна, которыя клонятся къ ущербу опекаемаго, а только опекунъ подлежитъ за нихъ отвѣтственности (*). Но и отвѣтственность опекуна условна: если онъ докажетъ, что дареніе выгодно для малолѣтнаго, то нѣтъ для него и отвѣтственности. Допустимъ такой случай: родственникъ опекаемаго намѣревается въ послѣдствіи предоставить ему все свое имущество, между тѣмъ въ настоящее время нуждается въ денежномъ капиталѣ для хозяйственныхъ операций, и опекунъ, довѣряя родственнику своего питомца, зная, что деньги дѣйствительно будутъ употреблены на улучшеніе имущества, которое въ послѣдствіи достанется питомцу, безмездно представитъ этому родственнику потребную для него сумму денегъ: опекунъ поступаетъ согласно съ интересами опекаемаго и, если только расчеты его окажутся вѣрны, не подлежитъ никакой отвѣтственности. Пожалованіе производится отъ лица государя императора (**); другіе виды даренія со стороны государства могутъ быть производимы и органами верховной власти, если есть на то опредѣленіе законодательства; если же они не основываются непосредственно на законѣ, то безъ соизволенія верховной власти, они неудоумислимы. *О лицѣ одаряемомъ*: такъ какъ, въ дареніи, кромѣ отчужденія права, представляется еще другая сторона—пріобрѣтеніе права, то лицо одаряемое должно быть способно къ пріобрѣтенію права, и притомъ къ пріобрѣтенію даннаго права. Поэтому, напримѣръ, дареніе населеннаго недвижимаго имущества не потомственному дворянину недействительно (***). Спрашивается, можетъ ли быть подарено имущество лицу, состоящему подъ опекою? Съ перваго взгляда вопросъ разрѣшается просто: такъ какъ дареніе составляетъ прибыль для лица одаряемаго, слѣдовательно клонится къ

(*) Св. зак. гр. ст. 290, 291.

(**) Тамъ же, ст. 934; св. уст. о гор. и сель. хоз. ст. 108, 135—137 и др.

(***) Св. зак. о сост. ст. 228, 232.

выгодъ его, то нѣтъ повода отвергать возможности даренія лицу, состоящему подъ опекою. Но фактически дареніе можетъ оказаться невыгоднымъ: содержаніе подареннаго имущества можетъ стоить дороже самаго имущества. Поэтому и относительно даренія, производимаго лицу, состоящему подъ опекою, должно сказать то же, что сказано о дареніи со стороны опекуна: принятіе дара со стороны опекуна дѣйствительно, но если дареніе окажется невыгоднымъ для опекаемаго, причинить ему ущербъ, то опекунъ отвѣчаетъ за него. Въ одномъ случаѣ дареніе дѣйствительно лишь при соизволеніи на него верховной власти: именно, церкви и монастыри не иначе могутъ быть одаряемы недвижимыми имуществами, какъ съ ея соизволенія (*). Наконецъ, въ законодательствѣ встрѣчается еще особое опредѣленіе о возможности даренія между супругами (**). Откуда взялось такое опредѣленіе? Казалось бы, само собою разумѣется, что супруги могутъ дарить другъ другу имущества, такъ какъ по нашему законодательству супруги совершенно чужды другъ другу по имущественнымъ правамъ; если же упомянуто особо о возможности даренія между супругами, то можно бы ожидать также особаго опредѣленія о возможности даренія между братьями, между братьями и сестрами и, пожалуй, между А и В и т. д., а между тѣмъ этого нѣтъ. Но дареніе между супругами запрещается нѣкоторыми законодательствами, именно римскимъ и законодательствами, основанными на немъ (***). И вотъ должно полагать, что законодательство наше, опредѣляя возможность даренія между супругами, хочеть тѣмъ прямо и положительно выразить, что опредѣленіе, существующее на этотъ предметъ въ другихъ законодательствахъ, а также и въ нашемъ, какъ мѣстный за-

(*) Св. зак. гр. ст. 984.

(**) Тамъ же, ст. 978.

(***) Puchta, Curs. d. Institut. (Leipzig 1857), III, § 294.

конь, не имѣетъ примѣненія къ русскому юридическому быту. Кроме того извѣстно, что въ прошедшем столѣтїи у насъ нерѣдко возникали споры о правѣ собственности лица на его имущество по тому поводу, что имущество было подарено собственнику его супругомъ: споры эти болѣею частью признавались неосновательными, такъ какъ дареніе между супругами не было запрещено, и вотъ въ предупрежденіе такихъ споровъ на будущее время законодательство сочло полезнымъ прямо и положительно опредѣлить, что дареніе между супругами не воспрещается (*).

Предметомъ даренія можетъ быть всякое имущественное право, не только право собственности, хотя и справедливо, что оно всего чаще является предметомъ даренія. Предметомъ пожалованія всегда является право собственности на какое-либо недвижимое имущество, и при томъ всего чаще на землю. Это не значитъ, что государство не можетъ дарить движимаго имущества, а дареніе движимаго имущества, хотя бы и со стороны государства частному лицу или обществу, составляетъ, какъ уже сказано, не пожалованіе, а дареніе въ тѣсномъ смыслѣ. Жалуется или населенная земля или ненаселенная; нынѣ обыкновенно жалуется только земля ненаселенная и притомъ рѣдко жалуется извѣстный участокъ земли, а всего чаще только извѣстное количество земли, такъ что лицу отводится тотъ или другой участокъ земли, отчасти по желанію его, отчасти по административнымъ соображеніямъ (**). Относительно права даримаго замѣтимъ, что оно должно состоять въ распоряженіи дарителя, т. е. даритель долженъ быть субъектомъ этого права, ибо въ противномъ случаѣ отчужденіе его недѣйствительно (***) . Но всякое право, способное подлежать отчужденію, можетъ быть подвергнуто и отчужденію дарственному. Исключеніе отсюда состав-

(*) *Неволина*, истор. Росс. гражд. зак. (Спб. 1851) т. I, § 36.

(**) Св. зак. гр. ст. 943, 950—955.

(***) Тамъ же, ст. 967, 1547.

ляетъ только право собственности на имущество родовое: оно не подлежит дарственному отчужденію стороннему лицу, мимо ближайшаго законнаго наследника (*). Должно сказать впрочемъ, что это ограниченіе не стѣснительно: дарственное отчужденіе правъ вообще не такъ часто встрѣчается, какъ видъ отчужденія возмезднаго, такъ что свобода движенія имущественныхъ правъ едва ли страдаетъ отъ этого ограниченія, тѣмъ болѣе, что довольно легко обойти его, облекая дареніе родоваго имущества въ форму купли-продажи, какъ это иногда и дѣлается. Другое дѣло, если бы законодательство вовсе запрещало отчужденіе родовыхъ имуществъ, запрещало продавать, закладывать ихъ; хотя такое запрещеніе и было бы послѣдовательно при томъ, сохранившемся отъ древности, взглядѣ законодательства на родовыя имущества, вслѣдствіе котораго запрещается дарственное ихъ отчужденіе; но этого нѣтъ нынѣ, а законодательство дозволяетъ продажу родовыхъ имуществъ, допуская только выкупъ ихъ въ теченіи извѣстнаго срока, притомъ довольно краткаго (**).

Дареніе можетъ сопровождаться различными *условіями*. Такъ, пожалованіе нерѣдко сопровождается тѣмъ условіемъ, чтобы пожалованное лицо въ теченіи извѣстнаго времени воздѣлало землю, выстроило на ней какое-либо зданіе, основало поселеніе и т. п. (***) Государство, располагая огромными землями, изъ которыхъ многія остаются незанятыми, находятъ, что пожалованіе составляетъ удобное средство къ распространенію культуры, и вотъ именно съ цѣлью ея распространенія дарственно раздастъ (и уже раздало) множество земель въ различныхъ мѣстностяхъ; но разумѣется, чтобы такая раздача составляла мѣру успѣшную, нужно, чтобы она была именно условною. Точно также, пожертвованіе нерѣдко сопровождается извѣстными условіями; нерѣдко встрѣчаются

(*) Св. зак. гр. ст. 967.

(**) *Неволина*, истор. Росс. гр. зак., т. III, § 413—415, 423, 429.

(***) Тамъ же, т. II, § 358.

условія и при другихъ видахъ даренія. Значеніе условія при дареніи тоже, что и при другихъ сдѣлкахъ, т. е. дареніе, въ случаѣ неисполненія условія, считается несосостоявшимся и даръ возвращается дарителю (*). Но должно строго различать, составляетъ ли данное опредѣленіе именно условіе, или оно составляетъ только обязательство для лица одаряемаго, и обязательство въ смыслѣ *modus'a*. Нерѣдко бываетъ, что даритель указываетъ лицу одаряемому то или другое употребленіе даримаго имущества, но не полагаетъ указываемаго употребленія его непремѣннымъ условіемъ дѣйствительности даренія, а предоставляетъ и другое употребленіе, если лицо одаряемое найдетъ его болѣе полезнымъ, или болѣе удобнымъ. Въ особенности это важно имѣть въ виду при пожертвованіи, которое обыкновенно дѣлается ради достиженія извѣстной цѣли и сопровождается указаніемъ ея, но не всегда жертвователю полагаетъ употребленіе жертвуемаго имущества сообразно его узаконенію непремѣннымъ условіемъ пожертвованія, а соглашается и на другое употребленіе жертвуемаго имущества, если правительство почему либо найдетъ исполненіе воли его неудобнымъ.

Совершается дареніе различно, отчасти по различію видовъ его, отчасти по самому праву даримому. Пожалованіе совершается актомъ, исходящимъ отъ верховной власти—именнымъ Высочайшимъ указомъ или жалованною грамотою одаряемому лицу, на основаніи которыхъ и вводится оно во владѣніе пожалованнымъ имуществомъ (**). Но, какъ уже сказано, нынѣ жалуются болѣею частію не опредѣленный какой-либо участокъ земли, а только право на выдѣлъ извѣстнаго

(*) Св. зак. гр. ст. 939, 975, 976.

(**) Св. зак. гр. ст. 934, 940, 941. Но когда пожалованіе основывается на законѣ, то оно совершается тѣми властями, которымъ предоставлено привести законъ въ исполненіе. Напр. законодательство опредѣляетъ раздавать земли для разведенія лѣсовъ: актъ объ отводѣ земли тому или другому лицу исходитъ отъ той власти, которой предоставлено привести законъ въ исполненіе—отъ министерства государственныхъ имуществъ.

количества десятинъ земли въ той или другой мѣстности (губерніи), да и самая мѣстность большею частію не опредѣляется. И тогда идетъ особое производство о дѣйствительномъ отводѣ пожалованному лицу опредѣленнаго количества земли. Производство такое: (*) пожалованное лицо подаетъ прошеніе въ министерство государственныхъ имуществъ о выдѣлѣ назначеннаго количества земли, при чемъ предоставляется ему указать губернію, въ которой оно преимущественно желаетъ получить землю; прошеніе это министерство записываетъ въ особую, имѣющуюся для того, шнуровую книгу, и входитъ въ соображеніе, въ какой именно губерніи можетъ быть отведена земля пожалованному лицу (**). По разрѣшеніи этого вопроса, министерство сносится съ надлежащею палатою государственныхъ имуществъ и чрезъ вѣдомости вызываетъ пожалованное лицо явиться въ ту палату въ теченіи трехмѣсячнаго срока для избранія поземельнаго участка. По явкѣ лица ему предъявляются копии съ плановъ тѣхъ земель, которыя могутъ быть отведены по пожалованію, и предоставляется въ теченіи мѣсяца дать отзывъ, какой именно участокъ земли желаетъ получить пожалованное лицо. Если палата не находитъ отводъ избраннаго участка неудобнымъ, то составляетъ предположеніе объ отводѣ его съ нарѣзкою участка на планѣ, вноситъ свое предположеніе на разсмотрѣніе начальника губерніи и съ заключеніемъ его представляетъ министру государственныхъ имуществъ. Если и онъ съ своей стороны найдетъ предположеніе палаты правильнымъ, то представляетъ о томъ Правительствующему Сенату, по утвержденіи котораго уже и отводится поземельный участокъ во владѣніе пожалованному лицу. Такимъ образомъ, идетъ довольно

(*) Св. зак. гр. ст. 943—965.

(**) Не всякая казенная земля можетъ быть отводима по пожалованію: не отводятся земли, лежащія въ губерніяхъ, гдѣ государственные и удѣльные крестьяне не имѣютъ пятнадцати-десятинной пропорціи на душу; не отводятся поземельные участки внутри лѣсныхъ дачъ, лѣсныя дачи съ корабельными деревьями и т. д. (св. зак. гр. ст. 943—948).

сложная процедура, пока пожалованное лицо действительно вводится во владѣніе назначеннымъ ему количествомъ земли. И вотъ по этому-то нерѣдко бываетъ, что пожалованное лицо отчуждаетъ свое право на отводъ опредѣленнаго количества земли, сравнительно, за ничтожное вознагражденіе, лишь бы скорѣе извлечь изъ пожалованія хотя и менѣе значительную пользу.— Пожертвованіе совершается обыкновенно письменнымъ предложеніемъ дара со стороны дарителя и отзывомъ подлежащаго органа государственной власти о принятіи его (*). Нерѣдко впрочемъ дѣло обходится и безъ письменнаго предложенія пожертвованія и письменнаго отзыва о принятіи его. Наприм., нерѣдко, когда жертвуется книга учебному заведенію, она прямо вручается бібліотекарю, или лицу, завѣдывающему заведеніемъ. И вообще, совершеніе пожертвованія письменнымъ актомъ необходимо только тогда, когда предметомъ его является право собственности на недвижимое имущество, но тогда необходимо уже совершеніе крѣпостнаго акта (**).— Дареніе въ тѣсномъ смыслѣ, когда имѣетъ предметомъ право собственности на недвижимое имущество совершается написаніемъ крѣпостнаго акта—*дарственной записи*, на основаніи которой одаряемое лицо и вводится во владѣніе подареннымъ имуществомъ. Дареніе движимаго имущества совершается письменно или словесно, по волѣ дарителя, и затѣмъ слѣдуетъ актъ передачи имущества одаряемому лицу, или даже довольствуются и одною безмолвною передачею, такъ что актъ даренія совпадаетъ съ актомъ передачи даримаго имущества (***) . Равнымъ образом, когда предметъ даренія составляетъ не право собственности по движимому имуществу, а какое-либо другое право, напр. право пользованія, право на чужое дѣйствіе, или когда предметъ даренія составляетъ отреченіе лица отъ принадлежащаго ему права на дѣйствіе лица одаряемаго, дареніе совершается

(*) Св. зак. гр. ст. 979—986.

(**) Тамъ же, ст. 987.

(***) Тамъ же, ст. 987—993.

въ той или другой формѣ, по произволу дарителя. Напр., иногда заимодавецъ разрываетъ заемное письмо или отдаетъ его должнику и тѣмъ совершаетъ въ его пользу дареніе долговой суммы; или иногда, вмѣсто того, заимодавецъ дѣлаетъ на долговомъ обязательствѣ надпись о полученіи платежа, тогда какъ на дѣлѣ должникъ не произвелъ его. Вообще можно сказать, что дарственное отчужденіе правъ совершается въ сущности тѣмъ же порядкомъ, какъ и отчужденіе возмездное.

Дѣйствіе даренія состоитъ въ томъ, что право, составляющее предметъ его, переходитъ отъ дарителя къ лицу одаряемому, обыкновенно въ томъ же видѣ, въ какомъ оно принадлежало дарителю, развѣ при самомъ дареніи сдѣланы относительно права какія-либо ограниченія (*). Но если съ правомъ дарителя сопряжены какія-либо личныя преимущества, то они не переходятъ къ лицу одаряемому. Другое дѣло, если какія-либо преимущества связаны съ самымъ правомъ, дарственно отчуждаемымъ: тогда и лицо одаряемое пользуется этими преимуществами. Однако же, когда переходъ права предполагаетъ совершеніе какого-либо особаго акта, то до совершенія этого акта къ лицу одаряемому не переходитъ самое право даримое, а по совершеніи сдѣлки даренія, лицо одаряемое имѣетъ только право на совершеніе того акта, вслѣдствіе котораго перейдетъ къ нему право, составляющее, собственно, предметъ сдѣлки. Наприм., переходъ права собственности предполагаетъ передачу вещи новому ея пріобрѣтателю (**), и положимъ совершается сдѣлка—дареніе: на основаніи ея лицо одаряемое не становится еще собственникомъ подаренной вещи, для этого еще нуженъ актъ передачи ея, а лицо только пріобрѣтаетъ право на дѣйствіе дарителя, на доставленіе себѣ подаренной вещи въ собственность. Но въ одномъ случаѣ дареніе оказываетъ

(*) Св. зак. гр. ст. 974, 975, 977.

(**) Мейера, право собственности по русскому праву (Жури. Мин. Нар. Просв. 1839 г. № 2, стр. 27—36).

еще аномальное дѣйствіе; именно въ случаѣ пожалованія частному лицу или обществу земли, на которой поселены государственные крестьяне. Исключительность дѣйствія даренія представляется тутъ въ томъ, что государственные крестьяне, водворенные на пожалованной землѣ, обращаются въ крѣпостное состояніе, становятся собственностію пожалованнаго лица (*), тогда какъ государственные крестьяне не составляютъ собственность государства и слѣдовательно не должны бы подлежать отчужденію дарственному или возмездному. Но между тѣмъ въ настоящее время можно указать на множество населенныхъ имѣній, которыя возникли по пожалованію. И это объясняется исторически: въ прежнее время, даже въ прошедшемъ столѣтіи, по неясности юридическихъ понятій, допускали аналогію между государственными крестьянами и крѣпостными людьми, находили, что какъ крѣпостной чело-вѣкъ принадлежитъ собственнику, такъ государственный крестьянинъ принадлежитъ государству, смѣшивали, такимъ образомъ, право власти, которое принадлежитъ государству по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ, точно также, какъ и по отношенію къ другимъ лицамъ, съ правомъ вещнымъ. Понятно, что признаніе за государствомъ вещнаго права на государственныхъ крестьянъ должно было вести и къ признанію возможности отчужденія этого права по пожалованію. Въ нашемъ столѣтіи понятія относительно этого предмета уяснились и правительство фактически отказалось жаловать земли, на которыхъ водворены государственные крестьяне. Пожалованіе такихъ земель съ 1801 года не встрѣчается (**), однако же самый законъ до сихъ поръ не отмѣненъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, значить, не устранена и возможность такого пожалованія въ будущемъ.

Дареніе прекращается различными способами: наступленіемъ срока, резолютивнаго условія и т. д. Но эти способы

(*) Св. зак. гр. ст. 936, 942.

(**) Неволіна, ист. Росс. гр. зак. т. II, § 358.

прекращенія даренія не представляютъ ничего особеннаго: они прекращаютъ дареніе точно также, какъ и всякую другую сдѣлку. Одинъ только способъ прекращенія исключительно свойственъ даренію—это *возвращеніе дара*: по опредѣленію законодательства, даритель, въ случаѣ неблагодарности лица одареннаго, можетъ требовать выдачи дара обратно (*). Понятно, что нравственное чувство вызываетъ такое опредѣленіе законодательства: одаренное лицо, оказываясь неблагодарнымъ, содѣлывается недостойнымъ дара и потому лишается его. Но такъ какъ понятіе о неблагодарности довольно неопредѣленное, тягучее, то законодательство указываетъ, какого рода поступки обнаруживаютъ такую неблагодарность, за которую даритель можетъ требовать возвращенія дара, указываетъ, наприм., на покушеніе на жизнь дарителя, оскорбленіе, нанесенное дарителю и т. п., но не требуетъ со стороны одареннаго лица положительнаго изъявленія благодарности дарителю. Притомъ и при неблагодарности лица одареннаго, дареніе все-таки не прекращается само собою, а предполагается для этого еще требованіе дара со стороны дарителя, если же нѣтъ его требованія, то и даръ не подлежитъ возвращенію. Но это требованіе можетъ исходить только отъ самаго дарителя, а не отъ его наслѣдника, и точно также можетъ быть направлено только противъ лица одареннаго, а не противъ его наслѣдника. Однако же само собою разумѣется, что если требованіе уже высказано дарителемъ по отношенію къ лицу одаренному и только еще не исполнено, то право требовать возвращенія дара существуетъ и для наслѣдника дарителя, и точно также обязательство возратить даръ существуетъ и для наслѣдника лица одареннаго.—Особый видъ возвращенія дара представляетъ *возвращеніе его вслѣдствіе смерти лица одареннаго*: по опредѣленію нашего законодательства, по смерти безпотомственнаго лица, имущество, подаренное ему родителями, воз-

(*) Св. зак. гр. ст. 974.

вращается къ нимъ обратно (*). Возвращеніе дара въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, не имѣетъ ничего общаго съ возвращеніемъ дара по неблагодарности лица одареннаго: здѣсь не неблагодарность является причиною возвращенія дара и самое обязательство возратить его возникаетъ не для лица одареннаго, а для его наслѣдника. Но юридическое существо этого случая таково: при существованіи закона, по которому по смерти безпотомственнаго лица имущество, подаренное ему родителями, поступаетъ снова къ родителямъ, они, можно сказать, не иначе дарятъ сыну или дочери имущество, какъ имѣя въ виду, что, въ случаѣ его смерти безпотомственно, имущество возвратится къ нимъ, такъ что безпотомственная смерть лица имѣетъ значеніе резолютивнаго условія даренія (**).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

издалъ **ВИЦИНЪ.**

(*) Св. зак. гр. ст. 1142.

(**) Замѣтимъ, что случай возвращенія дара не должно смѣшивать съ случаями недѣйствительности даренія, хотя и тогда подаренное право также возвращается дарителю. Напр. А даритъ В имущество, но въ послѣдствіи оказывается, что имущество это родовое, и А (или его наслѣдникъ) требуетъ его обратно: имущество возвращается дарителю, но нельзя сказать, что даръ возвращается (въ собственномъ смыслѣ этого слова), а дареніе съ самаго начала было ничтожно, такъ какъ право вовсе и не принадлежало В, лицу одаренному, тогда какъ при настоящемъ возвращеніи дара право именно признается принадлежавшимъ лицу одаренному. Точно также нѣтъ возвращенія дара, когда имущество, дарственно отчужденное, подлежитъ обращенію на удовлетвореніе долговъ дарителя: и здѣсь само дареніе окзывается ничтожнымъ, только не немедленно при совершеніи, а по обстоятельству, возникающему впоследствии. Наконецъ, нѣтъ возвращенія дара, когда возвращается имущество, переданное отъ одного лица другому безъ достаточнаго законнаго основанія: тогда требуется имущество обратно именно потому, что оно было передано дарственно, тогда какъ намѣренія безмезднаго отчужденія не было, слѣдовательно не было и даренія.

БЕНТАМЪ

И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Въ наше время коренныхъ преобразованій всѣхъ отраслей общественной и государственной жизни, вопросъ отправленія правосудія не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія. Правительство приступило къ пересмотру нашихъ законовъ судоустройства и судопроизводства; въ литературѣ появились многочисленныя указанія на недостатки настоящаго порядка и на средства для ихъ исправленія. Не будемъ говорить о пользѣ гласнаго обсужденія этого важнаго предмета, дающаго возможность разсмотрѣть его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Думаемъ, что польза такого обсужденія сдѣлалась для нашего общества уже аксіомою, не требующею никакихъ доказательствъ. Въ дѣлѣ суда оно важно не только для изысканія лучшаго порядка, но и для осуществленія его: какъ судьи, такъ и частныя лица должны быть приготовлены къ пониманію реформы и примѣненію ея на практикѣ.

Какъ мы сказали, литература наша не осталась безмолвною въ отношеніи вопроса о судѣ. Однако нельзя не замѣтить, что большая часть статей, появившихся въ послѣдніе годы, уже по объему своему не допускали полнаго и основательнаго разсмотрѣнія судебныхъ учреждений и судопроизводства. Онѣ ограничивались только требованіемъ гласности и устности, краткимъ очеркомъ иностранныхъ учреждений, пока-

заніемъ ихъ свѣтлыхъ сторонъ.— Впрочемъ юридическія науки въ Россіи еще такъ юны, что было бы странно требовать появленія самостоятельныхъ теоретическихъ сочиненій. Мы пока должны еще учиться, и въ этомъ отношеніи литература западныхъ народовъ представляетъ для насъ богатый источникъ для изученія. Желая сдѣлать болѣе доступнымъ для русской публики хотя одно хорошее иностранное сочиненіе, мы предположили представить въ русскомъ переводѣ замѣчательное произведеніе Бентама: о судоустройствѣ (*). Какъ показываетъ самое его заглавіе, оно посвящено преимущественно разсмотрѣнію судебныхъ учреждений, хотя касается отчасти и самаго судопроизводства. Такъ какъ Бентамъ мало у насъ извѣстенъ, то считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его жизни и сочиненіяхъ.

Геремія Бентамъ родился въ 1747 году въ Лондонѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ удивительныя способности и серьезный складъ ума. Говорятъ, что на четвертомъ году его любимую книгою была исторія Англійскаго Рина. Восьми лѣтъ онъ поступилъ въ вестминстерскую школу, а 13-ти въ королевскій коллегіумъ въ Оксфордѣ. Здѣсь, на публичномъ диспутѣ, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими строго логическими выводами. Черезъ три года по поступленіи въ коллегіумъ, онъ получилъ степень бакалавра искусствъ, а 20-ти лѣтъ былъ уже магистромъ искусствъ (**). Въ Оксфордѣ онъ посѣщалъ лекціи Блэкстона объ англійскомъ правѣ. Онъ не сдѣ-

(*) Печатаніе этого замѣчательнаго сочиненія мы начнемъ съ будущей, т. е. майской книжки нашего Журнала въ видѣ особаго къ нему приложенія. Кромѣ этого сочиненія мы имѣемъ въ виду переводы еще нѣсколько другихъ сочиненій иностранныхъ юристовъ, съ которыми намѣрены ознакомить нашихъ читателей.

(**) Въ Англійскихъ университетахъ существуютъ четыре ученые степени: 1) бакалавръ искусствъ (bachelor of art), 2) магистръ искусствъ (master of arts), 3) бакалавръ различныхъ отраслей наукъ, напр. правовѣдѣнія (bachelor of laws) и 4) докторъ (doctor). Степень доктора гражданскаго права (doctor of civil law) можно получить не ранѣе, какъ пробывши пять лѣтъ бакалавромъ правовѣдѣнія.

дался, однако его последователемъ; напротивъ того въ послѣдствіи явился самымъ опаснымъ его противникомъ.

Его отецъ и дѣдъ были адвокатами въ Лондонѣ. Поэтому молодой Иеремія Бентамъ, какъ старшій въ семействѣ, назначался къ тому же призванію. По окончаніи курса наукъ, онъ поступилъ въ Lincoln's Inn (*), гдѣ въ 1772 году былъ принятъ въ сословіе англійскихъ адвокатовъ. На этомъ поприщѣ онъ могъ имѣть большія надежды на успѣхъ, опираясь на извѣстность своего отца. Въ то время въ Англии, какъ и въ остальной Европѣ, практика пришла въ явный разладъ съ требованіями теоріи и здраваго смысла. При первомъ знакомствѣ съ нею, Бентамъ былъ пораженъ господствовавшими въ ней злоупотребленіями, тѣми уловками, къ которымъ прибѣгали адвокаты и повѣренные, съ цѣлю выжать побольше денегъ изъ тяжущихся. Вотъ случай, имъ разсказанный и произведшій на него большое впечатлѣніе. Онъ взялъ на себя веденіе одного процесса въ судѣ канцлера. Когда приблизилось время слушанія дѣла, солиситоръ (***) сказалъ ему: «мы будемъ защищать черезъ недѣлю; позволеніе говорить въ судѣ мы получимъ въ два предшествующіе дня, но не принято являться раньше третьяго.» Разъясненіе этого обыкновенія состояло въ томъ, что съ тяжущихся вималась извѣстная такса въ пользу ходатаевъ и суда за три раза, хотя дѣло его рѣшалось въ одно присутствіе. Строгая нравственность Бентама возстала противъ такого порядка вещей. Не смотря на всю заманчивость открывавшейся предъ нимъ карьеры, онъ оста-

(*) Въ Лондонѣ съ самыхъ древнихъ временъ существуютъ четыре корпораціи адвокатовъ: Lincoln's Inn, Inner Temple, Middle Temple, Gray's Inn.

(**) Въ Англии, какъ и во Франціи, различаются сословія адвокатовъ и стряпчихъ. Адвокаты носятъ общее названіе Counsel, и раздѣляются на два разряда: Barristers и Serjeants at Law (послѣдніе стоятъ наравнѣ съ докторами правъ). Стряпчіе называются различно, смотря по тѣмъ судамъ, при которыхъ они состоятъ: Attorneys при судахъ of common law, Solicitors при судахъ of Equity и Proctors при судѣ адмиралтейства и судахъ духовныхъ.

вилъ сословіе адвокатовъ и, говоря его собственными словами, «нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ своему характеру стараться положить конецъ злоупотребленіямъ, нежели пользоваться ими для своей выгоды».

Казалось, господствовавшее въ то время во всей Европѣ стремленіе къ кореннымъ преобразованіямъ посредствомъ правительственныхъ мѣръ могло побудить Бентама, который глубоко сознавалъ всю несостоятельность существовавшаго порядка, и котораго смѣлый духъ не останавливался ни передъ какими реформами, стараться занять видное мѣсто въ государственномъ управленіи. Но вышло иначе. Получивъ отъ своего отца наслѣдство, обезпечивавшее его безбѣдное существованіе, онъ совершенно оставилъ практическую дѣятельность и исключительно посвятилъ себя ученымъ занятіямъ. Онъ прервалъ, можно сказать, всѣ связи съ свѣтомъ и велъ самую уединенную жизнь, выдавая только съ немногими избранными друзьями. Нужно удивляться тому трудолюбію и постоянству съ которыми онъ стремился къ изысканію истины. Каждый день онъ посвящалъ усиленнымъ занятіямъ 8, 10, иногда 12 часовъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Бентамъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Напротивъ того, въ дѣтствѣ и юности онъ былъ слабago тѣлосложенія. Но у него, казалось, тѣло крѣпло съ развитіемъ ума, такъ что подъ старость онъ почти никогда ни хворалъ и въ 80-ть лѣтъ смотрѣлъ не старѣе 60-ти. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ замѣчательный контрастъ съ своимъ знаменитымъ современникомъ, Вальтеръ-Скоттомъ. Вообще можно признать за фактъ, что постоянныя умственные занятія несомнѣнны съ здоровьемъ и долговѣчностью; поэтическое же творчество дѣйствуетъ вредно на физическую сторону человѣка: лихорадочная дѣятельность воображенія носить, кажется, въ самой себѣ зародышь разрушенія.

Всѣ отрасли обширной науки правовѣдѣнія и отчасти политическая экономія составляли предметъ изысканій Бентама.

При этомъ въ немъ въ высшей степени выразился тотъ духъ практичности, которымъ такъ отличается англійскій народъ. Врагъ всякихъ вымысловъ и отвлеченныхъ теорій, Бентамъ не выходилъ изъ своихъ субъективныхъ воззрѣній, но старался предварительно познакомиться съ положительными законодательствами. Съ этою цѣлю онъ изучилъ французскій, испанскій, итальянскій, нѣмецкій, шведскій и русскій языки. Съ этою же цѣлю онъ предпринималъ свои многочисленныя путешествія, наблюдая нравы, обычаи и учрежденія различныхъ народовъ. До французской революціи онъ посѣтилъ три раза материкъ Европы. Самое обширное путешествіе было имъ совершено въ 1784 году, когда чрезъ Марсель онъ отправился въ Смирну и Константинополь, а оттуда въ Россію, гдѣ его братъ Самуиль (*) командовалъ въ то время баталіономъ пѣхоты. Здѣсь, въ Харьковѣ, онъ оставался два года и только въ 1788 году возвратился въ Лондонъ чрезъ Польшу, Германію и Голландію.

Послѣ этого путешествія Бентамъ оставался почти постоянно до самой своей смерти въ Лондонѣ, гдѣ въ теченіи 40 лѣтъ жилъ въ домѣ, находящемся противъ вестминстерскаго парка и построенномъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое нѣкогда принадлежало обожаемому имъ Мильтону. Два раза еще онъ былъ во Франціи на короткое время, въ 1802 г., послѣ заключенія Аміенскаго мира, съ своимъ другомъ Самуиломъ Ромилли, замѣчательнымъ англійскимъ юристомъ, и въ 1825 г. Во время пребыванія въ Парижѣ въ 1802 г., онъ былъ избранъ въ члены института по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ. Право французскаго гражданства было предоставлено ему гораздо ранѣе, по старанію его друга, жирондиста Бриссо. Когда въ 1825 г. Бентамъ случайно посѣтилъ одинъ изъ верховныхъ парижскихъ судовъ, судьи и адвокаты встали при его появленіи и предложили ему

(*) Умершій въ 1831 году генераломъ русской службы.

почетное мѣсто. Вообще должно замѣтить, что имя Бентама пользовалось сначала гораздо болѣею извѣстностью на материкѣ Европы, нежели въ Англии. Это объясняется тѣмъ, что большая часть его сочиненій появились первоначально на французскомъ языкѣ. Одаренный удивительнымъ творчествомъ и постоянствомъ въ самыхъ трудныхъ занятіяхъ, Бентамъ не обладалъ искусствомъ окончательной отдѣлки своихъ произведеній, или по крайней мѣрѣ пренебрегалъ ею. Такимъ образомъ онъ обыкновенно оставлялъ свои сочиненія ненапечатанными, и появленіемъ ихъ въ свѣтъ мы обязаны только его другу женевицу Дюмону (Dumont), который уговорилъ его предоставить ему право издать его рукописи.

Бентамъ достигъ глубокой старости. Онъ умеръ въ Лондонѣ въ 1832 году, будучи 84 лѣтъ отъ роду. Проведя всю свою жизнь въ стремленіи принести пользу людямъ, онъ не избѣжилъ себѣ и на смертномъ одрѣ; онъ завѣщалъ свое тѣло другу своему доктору Смигу для анатомическихъ изслѣдованій. Это предсмертное распоряженіе въ особенности заслуживаетъ вниманія, потому что въ Англии на вскрытіе тѣла смотрятъ съ отвращеніемъ, и рѣдко кто рѣшится пожертвовать для науки тѣломъ своего родственника или друга.

Изъ представленнаго здѣсь короткаго очерка біографіи Бентама видно, что жизнь его не богата событіями. За то сочиненія его чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Нѣтъ никакой возможности въ небольшой журнальной статьѣ подробно разобрать ихъ. Укажемъ только на главнѣйшія изъ нихъ и остановимся преимущественно на его теоріи пользы и утилитарности.

Первое сочиненіе Бентама появилось въ 1776 г. подъ заглавіемъ «отрывокъ о государствѣ» (a fragment on government). Оно было направлено противъ вышедшаго въ 1770 г. знаменитаго творенія Блэкстона—комментаріи объ англійскомъ правѣ (Commentaries on the laws of England). Англія, столь богатая великими философами, историками и поэтами, пред-

ставляетъ немного именъ, славныхъ въ наукѣ права: можно указать только на Бэкона и Сельдена. До Блэкстона въ англійской юридической литературѣ не существовало исторіи права, и въ Оксфордскомъ университетѣ даже не было кафедры для англійскихъ законовъ. Онъ первый открылъ въ Оксфордѣ курсъ публичныхъ лекцій о правѣ Англии. Такъ какъ лекціи эти возбудили всеобщее вниманіе, то Блэкстонъ въ послѣдствіи напечаталъ ихъ. Онъ разсматриваетъ въ нихъ англійскіе законы и учрежденія съ исторической точки зрѣнія и при этомъ является послѣдователемъ ученія о первобытномъ началѣ, изъ котораго большая часть философовъ XVII и XVIII столѣтій, какъ Гуго Гроцій, Гоббесъ, Локкъ и въ особенности Руссо, выводили свои понятія о правѣ и государствѣ. Комментаріи объ англійскомъ правѣ, заслужившія съ одной стороны чрезмѣрныя похвалы, съ другой вызвали сильныя опроверженія. Къ числу послѣднихъ относится вышеупомянутое анонимное сочиненіе Бентама. Въ предисловіи къ «отрывку» Бентамъ ясно указываетъ на коренную ошибку Блэкстона. Существуютъ двѣ системы, говоритъ онъ, изъ которыхъ одну долженъ избрать каждый, пишущій о законахъ: онъ долженъ быть *истолкователемъ* или *критикомъ*. Къ области истолкователя принадлежитъ объясненіе, *въ чемъ состоитъ*, по его мнѣнію, *законъ*, къ области критика—указаніе *въ чемъ*, по его мнѣнію, *долженъ состоять законъ*. Эти двѣ совершенно различныя области смѣшаны у Блэкстона, такъ что объясненіе историческаго происхожденія извѣстнаго закона онъ постоянно принимаетъ за *разумное* его *основаніе*. Далѣе Бентамъ говоритъ о вымыслѣ первобытнаго контракта: «я просилъ законниковъ открыть мнѣ ту страницу исторіи, на которой повѣствуется о заключеніи этого важнаго контракта.—Они уклонялись отъ вызова; и когда я настаивалъ, они не могли не сознаться, какъ и нашъ авторъ (Комментарій), что все это выдумка. Это, по моему мнѣнію, было не хорошо; мнѣ казалось признаніемъ несправедливости извѣст-

наго положенія приведеніе вымысла для его подтвержденія. Для доказательства вымысла, сказалъ я, необходимъ вымыселъ, но характеристическую черту истины составляет то, что она не нуждается въ другихъ доказательствахъ, кромѣ истины. . . . До тѣхъ поръ продолжалъ я быть недовольнымъ, пока не увидѣлъ, что *польза* есть признакъ и мѣра добродѣтели, вѣрности и пр., и что обязанность способствовать счастію есть главная обязанность, заключающая въ себѣ всѣ другія. Найдя то, въ чемъ я нуждался, я постарался имъ воспользоваться. Я простился съ первобытнымъ контрактомъ, я оставилъ его для забавы тѣмъ, которые находили его для себя необходимымъ.

Итакъ уже въ своемъ первомъ сочиненіи Бентамъ указываетъ на начало *пользы* или *утилитарности*. Но это начало является въ полномъ развитіи въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Вообще всѣ сочиненія Бентама можно раздѣлить на два класса. Одни изъ нихъ чисто теоретическаго содержанія, другія же были написаны по случаю различныхъ событій или предпринимаемыхъ въ то время реформъ. Представляемъ перечень какъ тѣмъ, такъ и другимъ.

I. ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ.

а. Юридическія.

1) Опытъ гражданскаго и уголовного законодательства (*Traité de législation civile et pénale*, (Paris 1802) состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей:

- a) Начала законодательства (*Principes de législation*).
- b) Начала гражданскаго кодекса (*Principes du code civil*).
- c) Начала уголовного кодекса (*Principes du code pénal*).

2) Теорія наказаній (*Théorie des peines*).

3) Уголовный кодексъ (*Code pénal*).

- 4) Теорія наградъ (Théorie des récompenses).
 - 5) Паноптиконъ (Panopticon).
 - 6) Теорія доказательствъ (Rationale of a judicial evidence specially applied to English practice, 1827).
- б) По Политической экономіи.
- 7) Письма о лихвѣ (Letters on usury.)
 - 8) Забѣчанія о запретительной системѣ (Observations on the restrictive and prohibitory commercial system).

II. НАПИСАННЫЯ ПО РАЗНЫМЪ СЛУЧАЯМЪ.

- 9) Опытъ политической тактики (Essay on political tactics. London 1791).
- 10) Планъ судопроизводства для Франціи (Draught of a code for the organisation of the judicial establishment of France. 1792).
- 11) Радикальный билль реформы (Radical reform bile. 1819).
- 12) О кодификаціи (Papers relative to codification and public instruction, 1817).
- 13) Письма къ графу Торено (Letters to Count Toreno, 1822).
- 14) Опытъ о положеніи Испаніи (Essais sur la situation politique de l'Espagne, 1823).
- 15) О верхнихъ палатахъ (On houses of peers and senates, 1831).
- 16) о смертной казни (on de vath punishment, 1831) и другія болѣе мелкія статьи.

Черезъ всѣ сочиненія Бентама строго проводится начало полвзы. Здѣсь должно замѣтить, что это начало было принято еще въ древности школою эпекурейцевъ, такъ что заслу-

га Бентама состоитъ не въ открытіи его, а въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи ко всѣмъ отраслямъ уголовного, гражданскаго и государственнаго права. Утилитарная теорія лучше всего представлена въ сочиненіи: «Опытъ гражданскаго и уголовного законодательства», изданномъ въ 1802 году въ Парижѣ Дюмономъ на французскомъ языкѣ (*traité de législation civile et pénale*) и вскорѣ переведенномъ на всѣ иностранныя языки, въ томъ числѣ, по повелѣнію императора Александра Павловича, на Русскій въ 1805-мъ году.

Представимъ теорію Бентама, стараясь по возможности придерживаться его собственныхъ словъ.

Природа поставила человѣка подъ господство *удовольствія* и *страданія*. Этимъ двумъ ощущеніямъ мы обязаны всѣми нашими мыслями, въ нихъ мы должны искать источникъ всѣхъ нашихъ мнѣній и всѣхъ дѣяній нашей жизни. Каждый человѣкъ имѣетъ своею единственною цѣлію искать удовольствія, избѣгать страданія, даже въ тѣ минуты, когда онъ отказывается отъ величайшихъ удовольствій и добровольно подвергаетъ себя самымъ сильнымъ страданіямъ. Зло состоитъ въ страданіи или въ причинѣ страданія, благо, добро, счастье— въ удовольствіи, наслажденіи или источникѣ удовольствія. И такъ каждый человѣкъ по своей природѣ стремится къ *счастью*. Къ чему стремится отдѣльный человѣкъ, къ тому же стремится и цѣлое общество. Слѣдовательно первою заботою правительства (а потому и главнаго его органа—законодательства) должно быть споспѣшествованіе *благу всѣхъ*. Но такъ какъ не всегда бываетъ возможно одинаковое распредѣленіе *блага* между *всѣми*, то въ этихъ случаяхъ, жертвуя по необходимости меньшинствомъ въ пользу большинства, должно стремиться къ *наибольшему благосостоянію наибольшаго числа*.

Польза есть свойство извѣстнаго предмета или извѣстнаго дѣянія предохранять отъ какого-нибудь зла или способствовать достиженію какого-нибудь блага. Въ слѣдствіе этого

польза, при всеобщемъ стремленіи человѣчества къ благосостоянію, должна быть *принципомъ* какъ для частнаго человѣка, такъ и для законодателя. Принципъ есть основное положеніе, изъ котораго вытекаютъ всѣ послѣдующіе выводы. Принципъ пользы очевиденъ самъ по себѣ и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Достаточно только на него указать. Его можно уподобить аксіомамъ въ математикѣ, справедливость которыхъ не доказывается. Но кому прійдетъ въ голову ихъ оспаривать?

Логика принципа пользы состоитъ въ сравненіи между собою, при всѣхъ отправленіяхъ нашего разума, *страданій* и *удовольствій*. Она не допускаетъ никакого другаго начала. А потому если мы и употребляемъ слова: *справедливый, несправедливый, нравственный, безнравственный, хороший, худой*, то они представляютъ собою ничто иное, какъ понятія объ извѣстныхъ удовольствіяхъ или извѣстныхъ страданіяхъ.

Принципъ пользы есть принципъ всеобщій. Слѣдовательно онъ обнимаетъ собою какъ законодательство, такъ и нравственность. Добродѣтель составляетъ благо только по причинѣ проистекающихъ изъ нея удовольствій. Порокъ есть зло какъ источникъ страданій. Добро нравственное есть добро потому, что изъ него проистекаютъ физическія удовольствія. Зло нравственное есть зло, потому что изъ него проистекаютъ физическія страданія (*).

Но принципъ пользы не всегда сознается людьми, не всегда руководитъ ихъ дѣяніями. Онъ раздѣляетъ свое господство съ двумя другими началами: *аскетическимъ* и *символическимъ*.

Аскетическое начало составляетъ совершенную противоположность съ началомъ пользы. Послѣдователи его презираютъ удовольствія. Все лстящее чувствамъ они считаютъ нена-

(*) Подъ физическими удовольствіями и страданіями Бентамъ понимаетъ удовольствія и страданія какъ тѣла, такъ и души.

вистнымъ или преступнымъ. Они основываютъ нравственность на лишенихъ и добродѣтель на самозабвеніи (*renoncement à soi même*). Они одобряютъ все уменьшающее наслажденія и порицаютъ все способствующее ихъ умноженію.

Начало симпатій и антипатій состоитъ въ томъ, что послѣдователи его руководствуются своими личными чувствами, не допуская никакихъ другихъ основаній. Они находятъ извѣстное дѣяніе худымъ или хорошимъ не потому, что оно приноситъ пользу или вредъ заинтересованнымъ лицамъ, но потому, что оно имъ нравится или не нравится. Основывая все на внутреннихъ, личныхъ воззрѣніяхъ каждаго отдѣльнаго человѣка, а тѣмъ самымъ допуская самыя противоположныя толкованія, этотъ принципъ скорѣе представляется отсутствіемъ всякаго принципа. Для скрытія его очевидной несостоятельности, прибѣгаютъ въ различнымъ уловкамъ, такъ наприм. говорятъ, что человѣку дано *нѣчто* для распознанія добра и зла, и это нѣчто одни называютъ *совѣстью* или *нравственнымъ чувствомъ*, другіе *здравымъ смысломъ*; многіе юристы и философы основываются на *вѣчныхъ и неизмѣнныхъ положеніяхъ права* или на какомъ-то *естественномъ правѣ*. Этими словами, лишенными всякаго смысла, каждый старается прикрыть свое домогательство навязать другимъ свои личные чувствованія. Впрочемъ должно замѣтить, что и симпатическое начало совпадаетъ часто съ началомъ пользы, потому что весьма естественно для человѣческаго сердца любить то, что ему приноситъ пользу, и ненавидѣть то, что ему вредитъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ принципъ пользы и опровергнувъ принципы, ему противные, Бентамъ обращается къ начертанію такъ называемой *нравственной арифметики*, т. е. къ изысканію данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы, приведя удовольствія и страданія въ цифры, оцѣнить всякое дѣйствіе и всякій предметъ по его послѣдствіямъ

Съ этою цѣлю онъ изслѣдуетъ удовольствія и страданія. Онъ раздѣляетъ какъ тѣ, такъ и другія на роды, и насчитываетъ первыхъ 15-ть, а послѣднихъ 11-ть родовъ. Далѣе указываются обстоятельства, имѣющія вліяніе на цѣну удовольствій.

Разсматриваемая въ самой себѣ цѣна эта зависитъ отъ четырехъ обстоятельствъ:

1., *степени* проявленія (*intensity*);—одни удовольствія болѣе живы, другія менѣе;

2., *продолжительности*; одни болѣе продолжаются, другія менѣе;

3., *большей или меньшей вѣроятности ихъ осуществленія*; пріятныя послѣдствія однихъ дѣяній вѣрнѣе, нежели другихъ;

4., *близости*; одни дѣянія оказываютъ свои благодѣтельные послѣдствія непосредственно, другія по истеченіи нѣкотораго времени.

Разсматриваемая въ своихъ послѣдствіяхъ цѣна удовольствія зависитъ отъ

5., своего *плодородія*; то удовольствіе плодородно, которое въ свою очередь можетъ сдѣлаться источникомъ другихъ удовольствій;

6., *чистоты*; удовольствіе чистое, не влекущее за собою страданій.

Опредѣляя цѣну удовольствія въ отношеніи къ числу лицъ, должно прибавить еще одно условіе:

7., *обширность*, т. е. большее или меньшее число лицъ, ощущающихъ удовольствіе.

Непріятность страданія опредѣляется тѣми же условіями.

Но всякое удовольствіе приноситъ не каждому человѣку одинаковое наслажденіе. Это происходитъ отъ различной чув-

ствительности. Чувствительность же въ свою очередь зависитъ отъ многихъ причинъ, а именно, темперамента, здоровья, физической силы, тѣлесныхъ недостатковъ, степени образованія, умственныхъ способностей, твердости характера, постоянства, силы склонностей, понятій о чести, чувствъ симпатіи и антипатіи, умственныхъ недостатковъ и денежныхъ средствъ.

Но кромѣ этихъ *внутреннихъ*, трудно уловимыхъ *основныхъ* причинъ, оказывающихъ вліяніе на чувствительность, можно привести и другія, *внѣшнія*, и потому болѣе очевидныя, какъ то: полъ, возрастъ, званіе, воспитаніе, обыкновенныя занятія, климатъ, племя, образъ правленія. Впрочемъ эти условія составляютъ причины второстепенныя, производныя и могутъ быть разложены на вышеприведенныя основныя, такъ, наприм., вліяніе пола на чувствительность есть ничто иное, какъ совокупленіе въ одно понятіе различныхъ вліяній, проистекающихъ отъ физической силы, степени образованія, твердости характера, постоянства, понятій о чести и пр.

Опредѣливъ чувствительность и различныя условія, отъ которыхъ она зависитъ, Бентамъ показываетъ, какъ важно для законодателя обращать на нее вниманіе. Онъ приводитъ въ примѣръ уголовныя законы. При начертаніи ихъ необходимо имѣть въ виду чувствительность для опредѣленія:

1, *вреда, проистекающаго изъ преступленія*. Преступленія одного наименованія не составляютъ одинаковыхъ преступленій по существу, если только различна чувствительность лицъ, отъ нихъ пострадавшихъ. Такъ ударъ, нанесенный больному, можетъ быть опасенъ для его жизни и не имѣетъ никакихъ послѣдствій для здороваго;

2, *вознагражденія лицу, пострадавшему отъ преступленія*. Одно и тоже вознагражденіе имѣетъ различную цѣну для разныхъ лицъ. Такъ денежное вознагражденіе за обиды

ду можетъ удовлетворить обиженнаго или составить для него новое оскорбленіе, смотря по занимаемому имъ положенію въ свѣтѣ, по его состоянію и по господствующимъ въ его время мнѣніямъ;

3) *вреда, причиняемаго преступнику наказаніемъ.* Одни и тѣ же наказанія дѣйствуютъ неравномѣрно на лицъ, одаренныхъ неодинаковою чувствительностью.—Такъ тюремное заключеніе не составляетъ одинаковаго наказанія для мужчины и женщины, для здороваго и больнаго, для богатаго, котораго семейство не страдаетъ отъ его отсутствія, и для чело­вѣка бѣднаго, живущаго своими трудами;

4) *при перенесеніи закона изъ одной страны въ другую.* Одинъ и тотъ же законъ производитъ различныя послѣдствія у народовъ, различныхъ по своей чувствительности. Извѣстный законъ, благодѣтельный въ Европѣ, можетъ сдѣлаться общественнымъ бичемъ въ Азіи. Возьмемъ въ примѣръ законы, опредѣляющіе семейныя отношенія: въ Европѣ женщины привыкли пользоваться свободою и даже властью въ семействѣ, въ Азіи онѣ приготовляются своимъ воспитаніемъ къ гаремному затворничеству и даже рабству.

Далѣе Бентамъ показываетъ всю неосновательность повидимому справедливаго правила: *одинакія наказанія для одинакихъ преступленій*, и указываетъ на внѣшнія условія, имѣющія вліяніе на чувствительность, какъ на средства для опредѣленія соразмѣрной мѣры наказаній.

Вотъ сущность утилитарной теоріи Бентама: покажемъ приложеніе ея къ законодательству.

Каждое преступленіе есть зло; каждое наказаніе есть также зло; поэтому законодательство можно уподобить медицинѣ: оно выбираетъ средства для уменьшенія одного зла въ отношеніи къ другому. При этомъ выборѣ законодатель долженъ удостовѣриться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: 1, что обстоятельства, которыя онъ старается предотвратить,

составляют въ самомъ дѣлѣ зло и 2., что средства, имъ употребляемыя для предотвращенія, уменьшаютъ зло.

Каждое зло рѣдко остается безъ послѣдствій: обыкновенно оно бываетъ источникомъ другихъ золъ. Въ этомъ отношеніи можно различать три рода золъ: перваго, втораго и третьяго рода. Зло перваго рода есть то, которое падаетъ только на извѣстныхъ лицъ. Оно въ свою очередь подраздѣляется на *первобытное зло*, въ отношеніи лица непосредственно пострадавшаго отъ преступленія, наприм. того, котораго обокрали, и на *производное зло*, падающее на соединенныхъ узамъ любви или интереса съ лицомъ, непосредственно пострадавшимъ отъ преступленія, напримѣръ на родственниковъ, друзей обокраденнаго.

Зло втораго рода происходитъ изъ зла перваго рода; оно не ограничивается уже нѣсколькими извѣстными лицами, но распространяется на цѣлое общество. Вѣсть о совершившемся преступленіи переходитъ изъ устъ въ уста и производитъ въ обществѣ *опасеніе*, что преступленіе можетъ повториться. И дѣйствительно одно преступленіе поражаетъ другія: примѣръ дѣйствуетъ какъ наставленіе: узнавъ о преступленіи, въ тоже время узнаютъ и лучшія средства его совершенія. Ослабляются также побудительныя причины, удерживавшія отъ преступленія: уменьшается страхъ стыда при видѣ товарищей по преступленію, уменьшается и страхъ предъ закономъ, если преступникъ остался безнаказаннымъ.

Опасеніе и опасность составляютъ два вида зла втораго рода. Обыкновенно они являются вмѣстѣ, хотя существенно отличаются одно отъ другаго.

Наконецъ, если общественное безпокойство достигаетъ извѣстной степени, если оно продолжается долгое время, то его вредному вліянію подвергаются не только страдательныя, но и дѣйствующія силы человѣка. Это зло третьяго рода.

Этотъ анализъ показываетъ существованіе дѣяній, приносящихъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такія дѣянія должны быть запрещены закономъ. Дѣянія же, запрещенныя закономъ, называются *преступленіемъ*.

Для опредѣленія того, какія дѣянія должны быть запрещены закономъ, необходимо, согласно вышезложенному, привести въ извѣстность, приносятъ ли они болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такъ напримѣръ должно ли запрещать нападеніе на личную безопасность? Если сравнивать удовольствіе или другими словами выгоду, пріостекающую для нападающаго, съ зломъ, претерпѣваемымъ лицомъ, на которое сдѣлано нападеніе, то окажется, что зло перваго рода превышаетъ добро перваго рода. Кромѣ того это дѣйствіе влечетъ за собою опасность и безпокойство для пѣлаго общества. Зло, вредившее сначала одному, распространяется на всѣхъ въ видѣ боязни, между тѣмъ какъ выгода, извлекаемая изъ дѣянія, продолжаетъ приносить пользу только одному лицу. Несоразмѣрность еще болѣе увеличится въ отношеніи къ злу третьяго рода, если принять во вниманіе, что въ случаѣ безнаказанности вышеозначеннаго дѣянія можетъ произойти всеобщее и продолжительное уныніе, прерваніе работъ и наконецъ разрушеніе общества. Изъ всего этого слѣдуетъ, что нападеніе на личную безопасность должно быть запрещаемо закономъ.

Но самый законъ не имѣетъ никакого значенія, если не приняты мѣры къ приведенію его въ исполненіе. Здѣсь должно дѣйствовать на волю людей, а такъ какъ люди постоянно стремятся къ удовольствіямъ и стараются избѣгать страданій, то съ соблюденіемъ или несоблюденіемъ каждаго закона должно быть соединено извѣстное удовольствіе и страданіе, т. е. награда и наказаніе. Это называется *санкціею* закона.

Вообще существуютъ слѣдующіе роды удовольствій или страданій:

- 1., физическія,

2., нравственные,

3., государственные (награды).

Въ слѣдствіе сего можно различать слѣдующіе роды санкцій:

1, *физическая* или естественная санкція состоитъ въ томъ, что извѣстное дѣяніе приноситъ удовольствіе или страданіе по обыкновенному ходу природы, безъ участія человѣческой воли;

2., *санкція нравственная* или *общественнаго мнѣнія* состоитъ въ удовольствіяхъ или страданіяхъ, ощущаемыхъ въ слѣдствіе дружбы или ненависти, уваженія или презрѣнія и вообще чувствъ людей;

3., *санкція государственная* или *законовъ* состоитъ въ удовольствіяхъ и страданіяхъ (:наградахъ или наказаніяхъ:), ощущаемымъ нами по приговору общественныхъ властей, произнесенному на основаніи законовъ государства.

У кого-нибудь сгорѣлъ домъ. Положимъ, что это несчастіе есть слѣдствіе неосторожности самаго хозяина. Въ такомъ случаѣ оно заключаетъ въ себѣ наказаніе, протекающее изъ естественной санкціи. Сосѣди подожгли домъ изъ недоброжелательства: это наказаніе народной санкціи. Домъ сожженъ по приговору суда: это наказаніе государственной санкціи.

Законодатель имѣетъ въ своей непосредственной власти только государственную санкцію, но онъ долженъ стараться, чтобы и остальные двѣ содѣйствовали ему. Если онъ не обратитъ на нихъ вниманія, то его законы останутся неэффективными. При ихъ содѣйствіи они получаютъ громадную силу. Но соединить всѣ три санкціи можно только, слѣдуя принципу пользы.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ Бентамъ разграничиваетъ право отъ нравственности.

Вѣрный утилитарному началу, Бентамъ опредѣляетъ нравственность слѣдующимъ образомъ:

Нравственность есть искусство направлять дѣйствія людей къ тому, чтобы они способствовали возможно наибольшему благосостоянію.

Законодательство должно стремиться къ той-же цѣли.

Но хотя эти два искусства или двѣ науки имѣютъ одинакую цѣль, они весьма разнятся относительно того пространства, въ которомъ они дѣйствуютъ. Нравственность обнимаетъ собою все дѣянія людей, какъ общественныя, такъ и частныя. Законодательство не можетъ и не должно оказывать непрерывнаго и прямаго вліянія на поведеніе людей. Такъ есть много дѣяній вредныхъ для общества, которыя не запрещаются законами, еще болѣе дѣяній полезныхъ, которыя не предписываются законами.

Существуютъ двѣ причины, опредѣляющія это различіе:

1. Законодательство можетъ имѣть непосредственное вліяніе на поведеніе людей только посредствомъ наказаній; наказанія же сами по себѣ составляютъ зло, оправдываемое только тѣмъ общимъ благомъ, которое изъ нихъ проистекаетъ. Но во многихъ случаяхъ стремленіе предохранить какое-нибудь нравственное правило отъ нарушенія будетъ большимъ зломъ, нежели допущеніе этихъ нарушеній.

2. Законодательство бываетъ часто останавливаемо опасностью наказать невиннаго вмѣстѣ съ виновнымъ, проистекающею отъ трудности точно и ясно опредѣлить преступленіе. Такъ, наприм., неблагодарность, коварство и другіе пороки не могутъ подпасть подъ область закона, потому что

они не допускаютъ столь яснаго опредѣленія, какъ кража, убійство, клятвопреступленіе.

Но чтобы точнѣе обозначить границы, отдѣляющія нравственность отъ права, должно обратиться къ классификаціи нравственныхъ обязанностей.

Нравственные правила, опредѣляющія поведеніе человѣка въ отношеніи къ нему самому, предписываютъ *обязанности къ самому себѣ*. Качество, состоящее въ исполненіи этихъ обязанностей, носитъ названіе *благоразумія*. Но человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ въ обществѣ. Отсюда проистекаютъ для него обязанности въ отношеніи прочихъ людей. Есть два способа поведенія относительно блага другихъ: отрицательный, когда человѣкъ воздерживается отъ вредныхъ дѣяній, и положительный, когда онъ стремится принести пользу. Въ первомъ случаѣ является *честность*, во второмъ *благотворительность*.

Нравственность не всегда и не въ одинаковой степени нуждается въ помощи законовъ:

I. Въ отношеніи обязанностей къ самому себѣ должно замѣтить, что слѣдуетъ предоставить частнымъ лицамъ свободу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они могутъ вредить только самимъ себѣ. Каждый человѣкъ есть самый лучший судья своихъ собственныхъ интересовъ. Все зависитъ отъ его благоразумія и твердости воли. Можно утвердительно сказать, что каждый, сознавшій свою ошибку, постарается ее исправить. Законы должны только препятствовать гражданамъ вредить другъ другу. Здѣсь опредѣленія закона необходимы и наказанія истинно полезны: зло, претерпѣваемое однимъ, способствуетъ благосостоянію всѣхъ.

Въ слѣдствіе этого общаго правила законодательство не можетъ устанавливать правилъ для частной жизни.

II. Въ отношеніи честности должно замѣтить, что хорошо сознанный интересъ каждаго повелѣваетъ ему не нарушать интересовъ его согражданъ. А потому справедливо сказано кѣмъ-то: «если бы не было честности, то слѣдовало бы избрѣсти ее, какъ средство нашего собственнаго благосостоянія». Но не всѣ люди достаточно развиты, чтобы сознавать эту истину и согласовать съ нею свое поведеніе. Въ слѣдствіе сего необходимы опредѣленія законовъ и наказанія, охраняющія ихъ исполненіе. Кромѣ того, есть много случаевъ, въ которыхъ нравственность не произноситъ своего приговора, и въ которыхъ все зависитъ отъ опредѣленія закона. Такъ, напри- мѣръ, извѣстный образъ продажи и купли можетъ быть безнравственнымъ въ одной странѣ, какъ противный ей зако- намъ, и быть дозволеннымъ въ другой.

III. Что касается благотворительности, то законы могутъ быть примѣнимы къ предметамъ общимъ, напри- м. попеченію о бѣдныхъ, подаванію помощи погибающему, но не должны касаться подробностей. Каждое благотворительное дѣяніе заклю- чаетъ въ себѣ ту особенность, что оно перестаетъ быть благо- творительнымъ, какъ скоро предписывается закономъ. Въ этой области должны господствовать не законодательство, а нрав- ственность и религія.

Представивъ сущность утилитарной теоріи, приступимъ къ оцѣнкѣ ея.

Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что Бентамъ выходитъ изъ вѣрной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ право, на которомъ основывается, которымъ держится все общество, должно имѣть начало (принципъ), не допускающее, по своей очевидности для каждаго, никакихъ споровъ, независимое отъ личныхъ болѣе или менѣе произвольныхъ воззрѣній и отличающееся характеромъ все- общности и неизмѣяемости. Къ открытію подобнаго начала

должны быть направлены всё усилія юристовъ. Бентамъ совершенно правъ, отвергая гипотезу состоянія природы (state of nature) и первобытнаго контракта, а также произвольныя теоріи, руководствующіяся то здравымъ смысломъ, то нравственнымъ чувствомъ и инстинктомъ, то вѣчными и неизмѣнными началами права. Всѣ эти понятія неопредѣленны и сбивчивы, каждый можетъ толковать ихъ по своему; напримеръ, развѣ нравственное чувство у всѣхъ одинаково? Хорошо знакомый съ положительными знаніями, Бентамъ видѣлъ всѣ недостатки столь неясныхъ принциповъ и опасности примѣненія ихъ къ практикѣ. Но хотя онъ доказалъ несостоятельность существовавшихъ до него теорій, хотя онъ совершенно понималъ ихъ слабую сторону, однако ему не удалось достигнуть своей цѣли, выставить *положительное, объективное начало, независимое отъ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній*. На первомъ шагу онъ впадаетъ уже во всѣ тѣ ошибки, въ которыхъ упрекаетъ другихъ. Въ основаніи его теоріи лежитъ польза, которую онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: польза есть свойство извѣстнаго предмета или извѣстнаго дѣянія способствовать достиженію какого-нибудь блага или предохранять отъ какого-нибудь зла. Итакъ, польза представляется только средствомъ для достиженія цѣли, къ которой должны стремиться люди по своей природѣ. Эту цѣль Бентамъ составляетъ въ доставленіи себѣ удовольствій и въ избѣжаніи страданій. Изъ этого видно, что польза занимаетъ у него второстепенное мѣсто, а главное, цѣль наибольшая—сумма удовольствій и изытіе отъ всякихъ страданій. Этимъ самимъ Бентамъ уже переносится въ область произвола, господства личныхъ, субъективныхъ воззрѣній, такъ какъ не всѣ люди находятъ удовольствіе въ одномъ и томъ же. Напротивъ того, развѣ есть что-нибудь разнообразнѣе, индивидуальнѣе, если можно такъ выразиться, какъ ощущенія пріятнаго и непріятнаго? Потому утилитарное начало далеко не отличается ха-

ракторомъ всеобщности и неизмѣняемости, который желалъ сообщить ему нашъ авторъ. Можно даже сказать, что оно измѣняется въ примѣненіи къ каждому отдѣльному лицу.

Въ тоже время это начало ложно по своему основанію, потому что мы встрѣчаемъ много дѣяній, которыя очевидно были совершены не подъ вліяніемъ стремленія къ удовольствіямъ. Возьмемъ въ примѣръ часто встрѣчающійся въ исторіи фактъ: человекъ жертвуетъ своею жизнію для спасенія себѣ подобныхъ. Въ этомъ случаѣ никакъ нельзя приписать ему эгоистическаго побужденія доставить себѣ удовольствіе.

Укажемъ также на неудобство примѣненія утилитарной теоріи къ практикѣ. Она не опредѣляетъ истинной цѣли человѣческой жизни, а потому не опредѣляетъ также, что хорошо, что худо, какъ средство къ достиженію этой цѣли, а предоставляетъ только руководствоваться соображеніями пользы. Но не всѣ люди имѣютъ одинаковый взглядъ на то, что имъ полезно: одинъ предпочитаетъ матеріальныя выгоды, другой— нравственные и умственные успѣхи. А потому, если бы мы захотѣли приложить теорію пользы къ законодательству, то мы не имѣли бы руководящаго начала, а намъ пришлось бы или держаться господствующихъ мнѣній о томъ, что хорошо, что худо,—говоря языкомъ Бентама: что полезно, что вредно,—или же осуществлять свои личныя убѣжденія.

Не должно также упускать изъ виду, что утилитарная теорія противорѣчитъ началамъ нравственности. Такъ спросите Бентама, для чего должно говорить правду? Онъ отвѣтитъ вамъ: для снисканія довѣрія. Для чего быть честнымъ? Для пріобрѣтенія кредита. Для чего должно помогать другимъ? Для того, чтобы они помогали намъ. Подобный взглядъ безъ сомнѣнія будетъ осужденъ каждымъ съ сколько нибудь развитымъ нравственнымъ чувствомъ.

Должно отдать Бентаму справедливость въ томъ, что его нельзя упрекать въ непослѣдовательности: во всѣхъ его сочиненіяхъ, даже мелкихъ статьяхъ, строго проведено утилитарное начало. Мы не будемъ разбирать его теоретическихъ сочиненій и скажемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ только нѣсколько словъ.

Въ теоріи наградъ (*Théorie des recompenses*) Бентамъ представляетъ довольно оригинальную мысль, что недостаточно дѣйствовать на людей одними наказаніями, что необходимо обратиться также къ наградамъ. До Бентама никто не обратилъ достаточнаго вниманія на этотъ предметъ, или по крайней мѣрѣ никто не представилъ полной теоріи наградъ.—Мы встрѣчаемъ только нѣсколько указаній на то у Монтескье и у Руссо.

Паноптиконъ (*panopticon*—обозрѣніе) предлагаетъ планъ лучшаго устройства тюремъ и исправленія заключенныхъ. Такимъ образомъ Бентамъ, современникъ Гоуарда, является однимъ изъ первыхъ послѣдователей пенитенціарной системы. Замѣчательно то несчастье, которое преслѣдовало старанія Бентама осуществить на дѣлѣ предлагаемый имъ планъ новаго устройства тюремъ. Въ 1792 году этотъ планъ былъ предложенъ Питту и принятъ имъ съ восторгомъ. Затѣмъ онъ былъ внесенъ въ парламентъ и наконецъ утвержденъ въ 1794 году, послѣ долгихъ преній. Уже назначена была земля для постройки тюрьмы, но вдругъ дѣло было остановлено отказомъ короля Георга III подписать приказаніе казначейству объ отпускѣ незначительной суммы въ 1000 ф. стерлинговъ.—Рассказываютъ, что причиною этого поступка со стороны Георга III была личная неприязнь, которую онъ питалъ къ Бентаму. Послѣдній помѣстилъ въ газетахъ, при самомъ началѣ своей авторской дѣятельности, нѣсколько писемъ о положеніи Европы. Король возражалъ на нихъ въ одномъ изъ

журналовъ, выходившихъ въ Гагѣ.—Королевское возраженіе подверглось беспощадной критикѣ Бентама. Авторское самолюбіе Георга III было уязвлено до того, что онъ вспомнилъ о своемъ пораженіи по прошествіи многихъ лѣтъ и отмстилъ своему критику, нанеши, быть можетъ, большой вредъ своей странѣ.

Въ 1791 году Бентамъ, зорко слѣдившій за событіями французской революціи, послалъ изложеніе своего плана Гарранъ де-Кулону (Garran de Coulon), члену законодательнаго собранія и комитета о преобразованіи уголовныхъ законовъ. Бентамъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ пользѣ своей системы устройства тюремъ, что въ письмѣ къ Кулону онъ говорить: «Знаете ли вы, какъ сильно мое убѣжденіе въ важности предлагаемыхъ мною преобразованій и тѣхъ громадныхъ результатовъ, которыхъ можно отъ нихъ ожидать? Позвольте мнѣ построить тюрьму по моему плану и сдѣлаться тюремщикомъ. Для этого тюремщика не нужно жалованья: онъ ничего не будетъ стоить народу» Но и во Франціи, хотя планъ Бентама встрѣтилъ всеобщее одобреніе, однако-же примѣненъ не былъ.

Какъ мы уже видѣли, имя Бентама пользовалось болѣею извѣстностью на континентѣ Европы, чѣмъ въ Англии. Но и здѣсь онъ приобрѣлъ себѣ большую славу своимъ знаменитымъ произведеніемъ: «о судебныхъ доказательствахъ (Rationale on judicial evidence specially applied to English practice), появившимся въ 1827 году.—Надъ этимъ сочиненіемъ Бентамъ трудился въ теченіи десяти лѣтъ (съ 1802 по 1812) и оно вышло безъ сомнѣнія лучшимъ изъ всѣхъ его произведеній. Оно обнимаетъ какъ теорію судебныхъ доказательствъ, такъ и англійское право объ этомъ предметѣ. Дюмонъ въ своемъ изданіи выкинулъ все, относящееся до англійскаго права, что составляетъ болѣе половины. Ученіе о доказатель-

ствахъ въ высшей степени важно для каждаго законодательства. Къ чему поведутъ всѣ опредѣленія законовъ, если отдѣль доказательствъ столь неудовлетворителенъ, что препятствуетъ мнѣ доказать свое право? Но не только собственность и кредитъ ограждаются правильнымъ развитіемъ этой отрасли законодательства, даже свобода, честь, жизнь гражданъ находятся въ необходимой зависимости отъ нея въ уголовныхъ процессахъ.

Въ двухъ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ по части политической экономіи: о лихвѣ (on usury) и замѣчанія о запретительной системѣ (observations on the restrictive and prohibitory commercial system), Бентамъ является защитникомъ свободной торговли и рѣшительнымъ противникомъ всего препятствующаго полному развитію человѣчества.

Перейдемъ теперь къ сочиненіямъ, написаннымъ по случаю различныхъ событій или предпринятыхъ реформъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.

Слѣдую хронологическому порядку, здѣсь прежде всего мы встрѣчаемъ «опытъ о политической тактикѣ» (Essay on political tactics, London 1791), сочиненіе, вызванное французскою революціею. Оно имѣетъ своимъ предметомъ тотъ порядокъ, который долженъ соблюдаться въ засѣданіяхъ законодательныхъ собраній. Безъ сомнѣній, весьма важно постановить твердыя правила, которыми бы руководствовалось законодательное собраніе въ своихъ дѣйствіяхъ. Исторія представляетъ намъ много примѣровъ, какъ собранія подобнаго рода гибли отъ недостатка порядка въ своихъ засѣданіяхъ; иногда этотъ недостатокъ производилъ потрясенія въ дѣломъ государствѣ и подготовлялъ его паденіе. Но кромѣ сохранения порядка въ засѣданіяхъ важно также устроить весь механизмъ собранія такимъ образомъ, чтобы каждое изъ его рѣшеній являлось произведеніемъ ума и воли всего собранія, или по крайней мѣрѣ, большинства его, а не было бы

слѣдствіемъ какой-либо интриги или минутнаго увлеченія. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, Англія представляетъ намъ въ своемъ парламентѣ примѣръ, достойный подражанія.

Сочиненіе «о политической тактикѣ» Бентамъ началъ при второмъ собраніи нотаблей и предполагалъ окончить его къ собранію государственныхъ чиновъ. Желая предохранить это собраніе отъ предстоящихъ ему опасностей, Бентамъ намѣревался посвятить ему свой трудъ. Понимая, какъ легко можетъ быть раздражено національное чувство, онъ говоритъ въ предисловіи: «я отвергъ бы съ негодованіемъ обвиненіе меня въ патріотизмъ, если бы для того, чтобы быть другомъ своей страны, необходимо было бы сдѣлаться врагомъ человѣческаго рода. Постоянные интересы всѣхъ народовъ всегда одни и тѣже. Я дѣлаю добро моему отечеству, если я способствую утвержденію во Франціи лучшей конституціи», Сочиненіе Бентама не было готово къ тому времени, когда собрались государственные чиновъ. Но если бы оно и успѣло, то едва-ли достигло бы своей цѣли. Но не нужно упускать изъ виду того соперничества и того духа непріязни, которыя въ продолженіи многихъ столѣній существуютъ между Франціею и Англіею.—Когда въ послѣдствіи національное собраніе увидѣло невозможность обойтись безъ опредѣлительныхъ правилъ для своихъ дѣйствій, Графъ Мирабо предложилъ ему краткое описаніе формъ, которымъ слѣдуетъ англійскій парламентъ въ отношеніи предложенія билля, разсмотрѣнія его, собранія голосовъ и проч.—Одинъ изъ членовъ нашель подобное предложеніе оскорбительнымъ для національнаго чувства и отвѣчалъ Мирабо: «мы не хотимъ ничего англійскаго, мы не хотимъ никому подражать.» Въ опытѣ политической тактики Бентамъ сначала говоритъ о предсѣдателѣ, который, по его мнѣнію, долженъ быть назначенъ на все время засѣданія.—Онъ разсматриваетъ его какъ руководителя собра-

нія, и сравниваетъ его обязанности съ обязанностями акушера, такъ какъ онъ долженъ помогать природѣ, но не насиловать ее. Далѣе онъ рассматриваетъ порядокъ, въ которомъ должны быть предлагаемы предметы, подлежащіе обсужденію собранія, самое обсужденіе, собраніе голосовъ и вообще образованіе рѣшенія. Онъ приводитъ примѣры изъ исторіи прежнихъ законодательныхъ собраній, въ особенности же изъ исторіи англійскаго парламента. Не вдаваясь въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого сочиненія, мы только замѣтимъ, что собранія, имѣющія своимъ предметомъ обсужденіе общественныхъ дѣлъ, существуютъ, можно сказать, съ того времени, какъ образовались первыя человѣческія общества. Не смотря на это, Бентамъ первый обратилъ должное вниманіе на важность формъ и представилъ ихъ теорію.

Сочиненіе «о судоустройствѣ» (Plan of a judicial establishment London 1792) одолжено своимъ происхожденіемъ также событіямъ французской революціи. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій учредительнаго собранія былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи судовъ. Составленный съ этою цѣлію комитетъ нашелъ необходимымъ ввести совершенно новую систему, полагая, что прежняя не соотвѣтствуетъ новымъ конституціоннымъ началамъ. Труды этого комитета не были довольно успѣшны: члены его, болшею частию бывшіе адвокаты и судьи, не могли вполне отрѣшиться отъ существовавшаго порядка и смѣшивали, какъ бываетъ весьма часто при преобразованіяхъ всякаго рода, старое съ новымъ. Бентамъ пришелъ въ негодованіе отъ приготовленнаго проекта, который долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе учредительнаго собранія. Онъ былъ пораженъ въ немъ множествомъ судовъ и многочисленнымъ ихъ составомъ, большимъ числомъ инстанцій, въ которыхъ рассматривалось дѣло, переходя по апелляціи, недопущеніемъ гласности въ гражданскихъ дѣлахъ,

излишними формальностями, которыя такъ дорого обходятся тяжущимся. Одушевленный чувствомъ истинной филантропіи, онъ рѣшился представить полный разборъ всего проекта и надѣялся убѣдить учредительное собраніе принять его планъ. Дюмонъ помогаль ему въ его работѣ и напечаталь на основаніи его рукописей въ журналъ *Courrier de Provence*, который издавалъ Мирабо, четыре статьи въ опроверженіе проекта. Мысли Бентама нашли многихъ горячихъ приверженцевъ въ Парижѣ, но планъ его не былъ принятъ. Не смотря на то, онъ продолжалъ предпринятый имъ трудъ и вскорѣ напечаталь его въ двухъ столбцахъ, изъ которыхъ въ одномъ помѣстилъ текстъ проекта въ англійскомъ переводѣ, а въ другомъ свои замѣчанія. Въ послѣдствіи Дюмонъ издалъ это сочиненіе на французскомъ языкѣ, выбросивъ проектъ, не получившій силы закона, и замѣнивъ діалектическую форму замѣчаній Бентама повѣствовательною.

Считаемъ излишнимъ излагать здѣсь содержаніе этого сочиненія, потому что желающіе съ нимъ познакомиться могутъ воспользоваться сдѣланнымъ нами переводомъ (съ изданія Дюмона). Укажемъ только на нѣкоторыя отличительныя черты предлагаемаго Бентамомъ плана судоустройства.

Выходя изъ того правила, что суды устроиваются для тяжущихся, и что потому все стараніе должно быть направлено къ соблюденію выгодъ этихъ послѣднихъ, Бентамъ находить, что число судовъ и ихъ распредѣленіе по различнымъ мѣстностямъ должно быть основано на началѣ географическомъ, т. е. должно сообразоваться съ пространствомъ и числомъ жителей, не принимая во вниманіе какія либо постороннія соображенія, напр. произвольное административное раздѣленіе государства. Разсматривая вопросъ о томъ, изъ сколькихъ членовъ долженъ состоять судъ, Бентамъ рѣшительно принимаетъ единичную систему суда, т. е. составъ его изъ одного судьи. Онъ приводитъ весьма сильныя доводы въ поль-

зу подобнаго устройства судовъ: отвѣтственность всею своею тяжестью падаетъ на одного судью, большая скорость въ рѣшеніи дѣлъ, возможность при меньшемъ числѣ судей выбирать людей способныхъ, экономія въ издержкахъ государства на содержаніе судовъ. Единичную систему суда мы встрѣчаемъ въ Римѣ и въ Англій. Въ послѣдней странѣ, кажется, ничего не остается желать въ отношеніи личнаго состава судовъ: англійскіе судьи вездѣ пользуются репутаціею безукоризненной честности и глубокаго знанія законовъ. На континентѣ Европы уже въ продолженіи многихъ вѣковъ суды состоятъ изъ нѣсколькихъ членовъ, а потому подобное устройство такъ укоренилось, что мысль Бентама можетъ казаться многимъ однимъ смѣлымъ парадоксомъ. По нашему мнѣнію, единичный судья возможенъ только при самой полной гласности и при назначеніи на судебныя мѣста людей способныхъ и обладающихъ основательными юридическими свѣдѣніями.—Далѣе Бентамъ предлагаетъ предоставить судьямъ право для рѣшенія менѣе важныхъ дѣлъ назначать себѣ уполномоченныхъ подъ ихъ личною отвѣтственностью. Нѣчто похожее на это учрежденіе мы также встрѣчаемъ въ Англій, гдѣ судьи часто поручаютъ разрѣшеніе дѣлъ путешествующимъ съ ними адвокатамъ (Serjeants at law).—Изъ класса уполномоченныхъ должны быть исключительно выбираемы постоянные судьи, а не изъ адвокатовъ, занятія которыхъ требуютъ совершенно другихъ способностей. Судьи назначаются пожизненно, но могутъ быть отрѣшаемы въ административномъ порядкѣ, причемъ имъ оставляется ихъ содержаніе. Повышеніе судей должно быть постепенное, т. е. изъ уполномоченныхъ назначаются судьи первой инстанціи, а изъ этихъ послѣднихъ верховные судьи. Обязанности адвоката и обязанности стряпчаго, по мнѣнію Бентама, должны быть соединены въ одномъ лицѣ. Что касается суда присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, то онъ допускаетъ его только во второй инстанціи.

Вотъ отличительныя черты судоустройства по плану Бентама. Судить объ его достоинствѣ и примѣнимости предоставляемъ самому читателю по прочтеніи имъ самаго сочиненія.

Но вниманіе Бентама было обращено не на одну Францію. Когда Императоръ Александръ I-й учредилъ особую комиссію для приведенія законовъ въ порядокъ, Бентамъ обратился къ нему съ письмомъ, писаннымъ въ маѣ 1814 года (оно помѣщено въ вышедшемъ въ 1817 г. въ Лондонѣ *papers relative to codification and public instruction.*) Въ началѣ письма онъ ссылается на свои 66 лѣтъ и на напечатанное въ 1802 году сочиненіе «теорія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ», переведенное въ 1805 году на русскій языкъ. Затѣмъ онъ говоритъ, что со времени появленія этого сочиненія обнародованы въ Европѣ два кодекса: французскій и баварскій, и что въ предисловіи къ *code répal* онъ одинъ изъ живущихъ удостоился быть названнымъ наравнѣ съ умершими: Монтескье, Беккариа и Блэкстономъ. Еще съ большою похвалою отзывались объ немъ въ проэктѣ баварскаго кодекса. Но одобреніе, конечно, не то же самое, что принятіе (*adoption*), потому что оба кодекса взяли за свое основаніе не его теорію, а римское право. Россія не нуждается въ такомъ баластѣ. «Въ организмѣ человѣческаго рода, продолжаетъ онъ, есть нѣкоторыя черты, встрѣчающіяся всегда и вездѣ, другія же перемѣняются съ перемѣною мѣста и времени. Я обратилъ преимущественно вниманіе на послѣднія. Особенности Россіи я знаю по опыту. Я провелъ въ ея границахъ два года моей жизни, наиболѣе посвященные наблюденіямъ. Мы видѣли уже довольно кодексовъ по французскому образцу. Прикажите, Государь, и Россія произведетъ образецъ изъ самой себя. Пусть судить тогда о немъ Европа». Александръ Павловичъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ удостоилъ Бентама своимъ

посѣщеніемъ и отвѣчалъ ему письмомъ въ апрѣлѣ 1815 года. Онъ обѣщаль приказать своей комиссіи обращаться къ Бентаму за совѣтами. При письмѣ приложенъ былъ брилліантовый перстень. Бентамъ отвѣчалъ Императору, что во главѣ комиссіи уже стоитъ человѣкъ, хорошо знакомый съ его сочиненіями, а потому его совѣты не могутъ принести никакой особенной пользы для комиссіи, что онъ проситъ препоручить ему составить проэктъ кодекса и потомъ сравнить его съ тѣми, которые будутъ приготовлены русскими юристами, и что подобное соревнованіе откроетъ истинные таланты. Этимъ окончилась переписка Бентама съ русскимъ правительствомъ.

Болѣе успѣха имѣли сношенія Бентама съ соединенными штатами Сѣверной Америки. Законодательства Нью-Йорка (1821 г.), Южной Каролины (1826 г.) и Луизианы (1830 г.) отчасти приняли въ основаніе его начала. Переписка съ президентомъ штатовъ Маддисономъ и съ губернаторомъ Пенсильваніи Скейдеромъ помѣщена также въ Papers etc.

Когда въ Испаніи былъ предложенъ кортесамъ на разсмотрѣніе проэктъ новаго уголовного кодекса, графъ Торено препроводилъ его чрезъ Бауринга (*) къ Бентаму, прося его сообщить ему свое заключеніе. Критика Бентама на этотъ проэктъ заключается въ его письмахъ къ графу Торено (Letters to count Toreno, 1822). Его неумѣренныя нападки на кортесовъ были причиною, что предложенія его не были приняты ни въ Испаніи, ни въ Португаліи. Въ это же время Бентамъ написалъ сочиненіе «о положеніи Испаніи».

Между сочиненіями Бентама мы встрѣчаемъ нѣсколько статей о кодификаціи. Въ нихъ онъ показываетъ преимущественно

(*) Издателя сочиненій Бентама на англійскомъ языкѣ.

щества писанныхъ законовъ (jus scriptum) предъ обычнымъ правомъ (jus non scriptum) и возстаетъ противъ неопредѣленности и запутанности англійскихъ законовъ. Онъ требуетъ кодекса, который обнималъ бы собою всё отрасли законодательства и имѣлъ бы своимъ основаніемъ начало пользы, т. е. наибольшее благосостояніе возможно наибольшаго числа. —

Достойна замѣчанія мысль Бентама, чтобы каждый законъ сопровождался изложеніемъ его основаній. Для составленія хорошаго кодекса, Бентамъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: позволить каждому, кто только пожелаетъ, составить свой проэктъ кодекса, напечатать эти проэкты и распространить въ публикѣ, чтобы дать возможность разсмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ, препоручить составленіе кодекса одному, а не многимъ лицамъ, для сохраненія единства во всѣхъ частяхъ и проч. При этомъ Бентамъ старается доказать, что иностранцы не только не должны быть исключены изъ числа имѣющихъ право представить свои проэкты, но даже имъ должно быть отдано преимущество предъ туземцами. Здѣсь Бентамъ слишкомъ увлекается своимъ стремленіемъ все преобразовывать, онъ не обращаетъ вниманія на историческую жизнь и духъ народа. Для иностранца съ самаго начала уже представляются большія трудности въ изученіи языка, между тѣмъ какъ законы необходимо должны быть изложены слогомъ въ высшей степени точнымъ и понятнымъ для каждаго, что доступно только для туземца. Составитель законовъ долженъ также быть знакомъ съ историческою судьбою народа, понимать его духъ, знать его особенности, что для иностранца точно также недоступно.

Когда во Франціи вспыхнула июльская революція, страсть къ реформамъ возгорѣлась въ Бентамѣ, тогда уже восьми-десятилѣтнемъ старцѣ, съ прежнею силою. Онъ обращается къ

Французамъ въ статьѣ «о палатахъ перовъ и сенатахъ (On houses of peers and senates) съ слѣдующими словами:» «Ваши предки сдѣлали меня французскимъ гражданиномъ. Выслушайте меня, говорилъ я имъ въ 1792 году. Выслушайте меня, повторяю я во второй разъ. Два великіе вопроса подлежатъ теперь вашему разрѣшенію. У васъ существуетъ палата перовъ. Слѣдуетъ ли ее уничтожить? Я говорю да. Предложено учрежденіе Сената. Долженъ ли онъ быть введенъ? Я говорю нѣтъ.» Въ другой статьѣ (on death punishment, 1831) онъ убѣждаетъ французовъ отмѣнить смертную казнь.

Іеремія Бентамъ умеръ въ 1832 году, работая надъ сочиненіемъ «кодексъ государственныхъ учреждений для всѣхъ народовъ» (Constitutional code for the use of all nations): очевидно, что подобный кодексъ—вещь совершенно невозможная.

Обозрѣвая сочиненія Бентама и тѣ послѣдствія, которыя имѣла его дѣятельность, должно замѣтить, что онъ оказалъ большую услугу наукѣ права, обративъ преимущественно вниманіе на природу человѣка, на его нужды и потребности. Хотя его ученіе погрѣшаетъ противъ первыхъ началъ нравственности, хотя онъ недовольно оцѣняетъ достоинство человеческой природы, но тѣмъ не менѣе онъ указалъ истинный путь, могущій привести къ величайшимъ результатамъ. Онъ первый возсталъ противъ господствовавшихъ до него отвлеченныхъ и произвольныхъ теорій, противъ общественнаго договора; онъ первый на мѣсто вымышленной исторіи вывелъ настоящее общество съ его нуждами и показалъ, какъ недостаточно положить въ основаніе законодательства не человѣческую природу, а нѣсколько отвлеченныхъ формулъ. Имѣя въ виду человѣка вообще, Бентамъ не обращаетъ однако должнаго вниманія на человѣка, какъ члена отдѣльной народности, какъ находящагося подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Это доказываютъ его предложенія различнымъ правительствамъ составить для нихъ

кодексы. Неужели одинъ и тотъ же человѣкъ въ состояніи составить хорошіе кодексы для Россіи, Сѣверо-Американскихъ штатовъ, для Испаніи и Португаліи? Положимъ, что Бентамъ основывалъ свое знаніе Россіи на тѣхъ наблюденіяхъ, которыя онъ дѣлалъ въ продолженіи своего двухлѣтняго въ ней пребыванія.— Положимъ, что онъ могъ отчасти знать Сѣверо-американскіе штаты, зная Англію. Но какъ объяснить себѣ его предложенія кортесамъ Испаніи и Португаліи?

Обращаясь къ формѣ его сочиненій, замѣтимъ, что слогъ первыхъ годовъ его авторской дѣятельности отличается краткостью, силою и даже граціею. Нельзя сказать того же о его позднѣйшихъ произведеніяхъ: въ нихъ слогъ тяжелъ и даже неясенъ. Причину этому явленію должно искать въ томъ уединеніи, въ которомъ жилъ Бентамъ. Этому же уединенію должно приписать непрактичность и даже непримѣняемость многихъ его взглядовъ. Совершенно справедливо замѣчаніе Лорда Брума о планѣ Бентама касательно преобразования нижней палаты (Radical reform bill, London 1819.): «онъ обращался болѣе съ книгами, нежели съ людьми.» Вообще должно замѣтить, что Бентамъ, одаренный въ высокой степени даромъ творчества, не имѣлъ способности усваивать себѣ мыслей другихъ и даже пренебрегалъ ими. Последнее объясняется также его уединенною жизнію; первое же составляетъ важный недостатокъ въ каждомъ мыслителѣ, такъ какъ нѣтъ человѣка, который самъ могъ бы дойти до всѣхъ тѣхъ открытій, которыя являются результатомъ дѣятельности многихъ поколѣній.

Нѣкоторые упрекаютъ ученіе Бентама въ матеріализмъ и эгоизмъ. Если дѣйствительно его безпощадный анализъ довелъ его до матеріализма, то во всякомъ случаѣ его личный характеръ долженъ остаться свободнымъ отъ всякаго обвиненія въ эгоизмъ. Вотъ какъ онъ описываетъ самаго себя: «Я

эгоистъ, но во мнѣ эгоизмъ принялъ видъ симпатіи.—Нѣтъ человѣка на землѣ, котораго страданія не произвели бы во мнѣ болѣе или менѣе непріятное ощущеніе. Нѣтъ человѣка на землѣ, котораго радости, если онѣ только не основываются на страданіяхъ другаго, не произвели бы во мнѣ скорѣе пріятное, чѣмъ непріятное ощущеніе. Такъ сильна во мнѣ симпатія. Любовь Бентама къ человѣчеству доказывается его неотомимыми стараніями принести пользу людямъ вездѣ, гдѣ только онъ считалъ себя на это способнымъ, не заключая себя въ узкихъ рамкахъ національности. Въ тоже время это былъ человѣкъ, жившій для идеи, посвятившій служенію ей всю свою жизнь, осуществлявшій ее въ своей жизни. Онъ не гнался ни за почестями, ни за отличіями, ни даже за славою. Вотъ примѣръ примѣненія имъ къ дѣлу своей теоріи пользы. Когда онъ почувствовалъ приближеніе кончины, то обратился къ одному изъ окружавшихъ его и сказалъ ему: «Я чувствую, что умираю. Наша забота должна быть направлена къ тому, чтобы уменьшить страданія. Не впускайте въ мою комнату никого изъ моихъ слугъ и знакомыхъ. Видъ моей смерти опечалитъ ихъ и они ничему не помогутъ. Но я не долженъ остаться одинъ; вы будьте со мною, только вы одни; такимъ образомъ мы по возможности уменьшимъ страданія».

АЛ. КНИРИМЪ.

ОТДѢЛЪ П.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А РУССКАЯ.

Въ четвертой книжкѣ Русскаго Вѣстника за настоящій годъ помѣщена статья по поводу напечатаннаго въ нашемъ журналѣ рѣшенія о купчей крѣпости, удержанной Одесскою городской думою по собственной своей претензій кь продаву имущества.

Эта статья и нѣсколько другихъ подобныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ по поводу тогоже самага дѣла, даютъ намъ слу-

чай высказать тѣ основанія, которыми мы руководствуемся, избирая рѣшенія для помѣщенія въ журналѣ, и то значеніе, которое мы придаемъ печатанію въ журналѣ этихъ рѣшеній и дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ.

При самомъ основаніи журнала Министерства Юстиціи введенъ былъ въ составъ его особый отдѣлъ судебной практики, состоящей изъ рѣшеній нашихъ высшихъ судебныхъ мѣстъ, и притомъ такихъ рѣшеній, которыя вошли уже въ окончательную законную силу.

Цѣль этого отдѣла заключается въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ разрѣшаются на практикѣ спорные вопросы нашего гражданского права, а не въ томъ, чтобы преподавать судебнымъ мѣстамъ руководство для рѣшенія дѣлъ подобныхъ.

По основнымъ законамъ нашимъ, сепаратное рѣшеніе, какимъ бы судебнымъ мѣстомъ оно ни было постановлено, не имѣетъ силы закона для подобныхъ дѣлъ. Поэтому усвоеніе рѣшенію обязательной или руководящей силы для судебныхъ мѣстъ можетъ зависѣть лишь отъ положительнаго опредѣленія законодательной власти.

Избирая рѣшенія для помѣщенія ихъ въ отдѣлъ судебной практики, мы исключительно руководствуемся особенною важностію возбужденнаго въ дѣлѣ вопроса, или же особенною самыхъ случаевъ, бывшихъ предметомъ судебного об-
сужденія, или же наконецъ особеннымъ характеромъ самыхъ рѣшеній. Что же касается дѣлаемыхъ изъ рѣшеній выводовъ, предпосылаемыхъ самому изложенію рѣшеній, то они составляютъ не болѣе какъ *resumé* рѣшенія, и мы никогда не

усвоивали имъ значенія догмы, вытекающей изъ коренныхъ началъ права.

Такимъ образомъ, если на введенный въ нашемъ журналѣ отдѣлъ русской судебной практики можно смотрѣть какъ на сборникъ рѣшеній, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть въ немъ сборникъ рѣшеній *по образцовымъ гражданскимъ дѣламъ*, а не сборникъ *образовыхъ* рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ.

Мы считали и считаемъ такое изложеніе судебныхъ рѣшеній и выводовъ изъ нихъ особенно важнымъ въ томъ смыслѣ, что оно можетъ послужить матеріаломъ для будущей ученой разработки вопросовъ нашего гражданского права.

Таково было наше убѣжденіе до настоящаго времени; съ этимъ же убѣжденіемъ и теперь продолжаемъ нашъ отдѣлъ судебной практики.

Ред.

I.

Установленный въ ст. 1524-ой т. X ч. 1-ой св. зак. гражд. двужлтый срокъ для оспариванія купчихъ крѣпостей не распространяется на тѣ споры, которые имѣютъ предметомъ пространство владѣннй или объемъ поземельной собственности, пріобрѣтенной покупщикомъ по купчей крѣпости. Такіе споры подлежатъ дѣйствию одного только общаго срока земской давности, и срокъ этотъ долженъ быть исчисляемъ съ того времени, когда началось дѣйствительное владѣніе имѣніемъ, а не со дня совершенія крѣпостнаго акта.— Тяжебное дѣло, въ которомъ не былъ соблюденъ законный порядокъ отобранія взаимныхъ объясненій отъ тяжущихся сторонъ, можетъ быть, по просьбѣ одной изъ сторонъ, обращено для новаго производства въ низшую судебную инстанцію.

Имѣніе Бѣлица, принадлежавшее помѣщицѣ Шульцовой, за долгъ государственному заемному банку продано было въ 1828 году съ публичнаго торга помѣщику Коссобуцкому, который и введенъ во владѣніе онымъ 26 января 1833 года.

По купчей крѣпости 2 марта 1833 года Коссобуцкій продалъ означенное имѣніе помѣщику Свяцкому, за которымъ имѣніе сіе, по опредѣленію Сѣнинскаго уѣзднаго суда, отказано 8 января 1838 г.

Послѣ того дочь и наследница Шульповой, помѣщица Хороща, чрезъ повѣреннаго своего, 15 мая 1841 года, обратилась въ Сыннинскій уѣздный судъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснивъ, что пріобрѣтателю имѣнія Бѣлицы, помѣщику Свяцкому, передано излишнее-противу проданнаго количество земли и крестьянъ, и что ему должно принадлежать только то количество, какое значилось въ описи, составленной на имѣніе при переходѣ онаго къ помѣщику Коссобуцкому, просила возвратить, изъ владѣнія Свяцкаго излишнюю землю и крестьянъ и взыскать въ пользу ея доходы и убытки со времени незаконнаго владѣнія тѣмъ имуществомъ.

Уѣздный судъ, рассмотрѣвъ прошеніе Хорощи вмѣстѣ съ поданнымъ на оное объясненіемъ помѣщика Свяцкаго, по постановленію 27 августа 1845 года призналъ, что помѣщица Хороща пропустила установленные въ законѣ сроки на предъявленіе иска.

Могилевская гражданская палата, въ слѣдствіе частной жалобы Хорощи, рѣшеніемъ 7 февраля 1847 года постановленіе уѣзднаго суда утвердила, а 2-й департаментъ Правительствующаго Сената, признавая, что помѣщица Хороща не пропустила установленныхъ закономъ сроковъ на предъявленіе иска, указомъ 3 марта 1851 г. предписалъ гражданской палатѣ, чтобы велѣла уѣздному суду въ производствѣ дѣла по исковой Хорощи и въ постановленіи по оному рѣшенію поступить по установленному въ законѣ для производства дѣлъ вотчинныхъ порядку и постановить опредѣленіе о принятіи мѣръ къ обеспеченію иска Хорощи.

На опредѣленіе сіе помѣщикъ Свяцкій принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было рассмотреть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

По содержанию сей жалобы подлежалъ разсмотрѣнію вопросъ: утратила ли помѣщица Хороща право на предъявленіе иска о землѣ и крестьянахъ въ имѣніи Бѣлицы.

Помѣщикъ Свяцкій во всеподданнѣйшей своей жалобѣ опровергалъ сіе право тѣмъ, что со стороны Хорощи пропущенъ какъ двухгодичный срокъ, установленный закономъ для начатія спора противъ купчихъ крѣпостей, такъ и общій срокъ земской давности.

Обстоятельства дѣла показываютъ, что помѣщица Хороща, не оснарявая купчихъ крѣпостей, по коимъ имѣніе Бѣлица продано было въ 1828 году государственнымъ заемнымъ банкомъ помѣщику Коссобуцкому, а потомъ отъ сего послѣдняго перепродано въ 1833 году Свяцкому, домогалась только возвращенія ей излишка земли и крестьянъ, не принадлежащихъ покупщикамъ на основаніи купчихъ крѣпостей, и доказывала, что помѣщикъ Свяцкій означеннымъ излишкомъ земли и крестьянъ владѣетъ безъ всякаго акта.

Такимъ образомъ, при отсутствіи всякаго со стороны Хорощи спора противу купчихъ крѣпостей, установленный 1524 ст. т. X ч. I-ой св. зак. гр. двухгодичный срокъ для начатія споровъ не можетъ относиться къ настоящему дѣлу, къ которому, какъ имѣющему предметомъ отысканіе изъ посторонняго владѣнія крестьянъ и земли, не можетъ быть примѣненъ ни какой другой срокъ, кромѣ общаго десятилѣтняго, пропущеніемъ коего утрачивается по 213 ст. X т. ч. 2-ой св. зак. гр. всякое право на отысканіе собственности, не отсужденной постановленіемъ судебнаго мѣста.

Владѣніе имѣніемъ Бѣлицею началось для помѣщика Коссобуцкаго 26 января 1833 года, а для помѣщика Свяцкаго 8 января 1838 года, т. е. съ того времени, когда купленное

ими имѣніе поступило въ ихъ владѣніе. Слѣдовательно съ этого только времени, по смыслу ст. 567, 692, 694 т. X ч. I-ой и ст. 213 ч. II-ой т. X., можетъ быть исчисляемъ для помѣщицы Хорощи и срокъ земской давности для начатія иска.

Начиная съ сего времени, 10-ти лѣтній срокъ могъ окончиться лишь въ 1843 и 1848 годахъ, а какъ исковое прошеніе повѣреннымъ Хорощи въ Сѣнинскій уѣздный судъ подано было 15-го мая 1841 г., то изъ сего видно, что помѣщицею Хорощи не былъ пропущенъ срокъ земской давности на отысканіе земли и крестьянъ ни со времени поступления имѣнія Бѣлицы въ 1833 году во владѣніе Коссобудкаго, ни со времени перехода онаго въ 1838 г. къ помѣщику Свяцкому.

Искъ Хорощи о земляхъ и крестьянахъ въ имѣніи Бѣлицѣ, по силѣ ст. 656 ч. 2-ой т. X-го, принадлежитъ къ роду дѣлъ тяжёбныхъ вотчинныхъ, которыя по закону должны производиться порядкомъ апелляціоннымъ.

Изъ настоящаго дѣла видно, что Сѣнинскій уѣздный судъ, по предъявленіи помѣщицею Хорощею въ 1841 г. иска, ограничился отобраніемъ противу онаго объясненія отъ помѣщика Свяцкаго и остановился въ дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, не предъявивъ истцу, въ противность ст. 296 ч. 2-ой т. X-го, объясненія отвѣтчика.

При несоблюденіи уѣзднымъ судомъ предписаннаго въ законѣ порядка для отобранія взаимныхъ объясненій отъ тяжущихся сторонъ, настоящее дѣло оказывается произведеннымъ столь неправильно, что оно безъ новаго производства согласно ст. 545 ч. 2-ой т. X-го, рѣшено быть не можетъ. Посему, на точномъ основаніи ст. 545 и 656—692 ч. 2-ой т. X-го, начатому въ Сѣнинскомъ уѣздномъ судѣ по иску Хорощи дѣлу долженъ быть данъ надлежащій апелляціонный ходъ, установленный въ законѣ для производства дѣлъ вотчинныхъ.

Въ слѣдствіе сего опредѣленіе 2 департамента Сената 12 Іюля 1851 года, по настоящему дѣлу послѣдовавшее, какъ правильное было утверждено, а принесенная помѣщикомъ Свяцкимъ на сіе опредѣленіе всеподданнѣйшая жалоба оставлена была безъ уваженія.

II.

Искъ противъ опекуна можетъ быть предъявляемъ и по истеченіи десяти лѣтъ со времени достиженія истцомъ совершеннолѣтія, если причиною несвоевременнаго предъявленія иска послужило несвоевременное представленіе опекунскихъ отчетовъ и если земская давность была прерываема ходатайствомъ предъ опекунскими присутственными мѣстами о скорпѣйшемъ учетѣ опекуна.

Надъ имѣніемъ малолѣтнаго Михаила Рамзина, родившагося 12-го октября 1815 г., учреждено было въ 1827 г. въ вѣдѣніи Симбирскаго городского сиротскаго суда опекунское управленіе, съ назначеніемъ опекуномъ штабсъ-капитана Дмитрія Ниротморцева.

Ниротморцевъ подавалъ въ сиротскій судъ отчеты по управленію имѣніемъ Рамзина съ 1828 по 1832 годъ включительно.

Въ 1834 году сиротскій судъ, въ который Рамзиль обратился съ просьбою объ освобожденіи его изъ подъ опеки, предписалъ Ниротморцеву представить отчеты за 1833 и 1834 годы, а также общій отчетъ за все время опекунскаго управленія.

Вслѣдъ за симъ Рамзинъ 5-го декабря 1834 года просилъ Симбирскую гражданскую палату понудить сиротскій судъ къ освобожденію его изъ-подъ опеки, а также сдѣлать распоряженіе къ выдачѣ ему принадлежащихъ ему денегъ и заемныхъ писемъ и къ учету Ниротморцева.

Гражданская палата 17-го іюля 1836 г. предписала сиротскому суду принадлежащее Рамзину имущество отдать въ его распоряженіе, съ назначеніемъ попечителя, а отъ Ниротморцева за все время управленія истребовать отчеты.

Послѣ того Рамзинъ въ прошеніи, поданномъ въ гражданскую палату 8-го мая 1845 г., объяснилъ, что онъ ни слѣдующаго ему имѣнія, ни отчета объ управленіи онымъ отъ опекуна и сиротскаго суда не получаетъ, и ходатайствовалъ вновь объ отдачѣ ему имѣнія и объ учетѣ опекуна.

Гражданская палата предписала Ниротморцеву немедленно доставить отвѣтъ о причинахъ непредставленія отчета и невыдачи Рамзину слѣдующаго ему имѣнія.

Ниротморцевъ 25-го октября 1845 г. представилъ въ сиротскій судъ двѣ росписки Рамзина, данныя въ 1834 и 1835 годахъ, въ полученіи движимаго имущества на 323 р. 55 к. и золотою монетою по курсу 1600 р. Въмѣстѣ съ тѣмъ Ниротморцевъ донесъ суду, что онъ не имѣетъ болѣе никакихъ денегъ и вещей, принадлежащихъ Рамзину, и что сей послѣдній, будучи вполнѣ удовлетворенъ, неправильно требуетъ отчета по прошествіи десяти лѣтъ.

Противу такого донесенія Ниротморцева, Рамзинъ въ августѣ 1846 г. объяснилъ, что сдѣланная ему во время его несовершеннолѣтія, безъ бытности попечителя, отдача нѣкоторой части имѣнія не можетъ почитаться дѣйствительною, а потому просилъ гражданскую палату принять рѣшительныя мѣры къ учету опекуна.

Вслѣдствіе прошенія Рамзина гражданская палата подтвердила сиротскому суду объ исполненіи прежнихъ предпи-

саній по настоящему дѣлу, а сиротскій судъ неоднократно требовалъ отъ Ниротморцева общаго отчета объ опекуномъ управленіи имѣніемъ Рамзина. Но Ниротморцевъ представилъ въ судъ одно только прошеніе, въ которомъ излагалъ расчеты свои съ Михаиломъ Рамзинымъ, а въ 1849 г. въ судѣ получено увѣдомленіе о томъ, что Ниротморцевъ умеръ.

Между тѣмъ Рамзинъ въ сентябрѣ 1848 г. обратился въ Правительствующій Сенатъ съ просьбою понудить Симбирскую гражданскую палату къ безотлагательному удовлетворенію его слѣдующимъ ему имѣніемъ или къ вознагражденію его за потерю онаго.

Правительствующій Сенатъ (по 8-му департаменту) нашелъ, что по закону опредѣленные къ малолѣтнимъ опекуны обязаны представлять ежегодно отчеты по управленію имѣніемъ въ опеку или сиротскій судъ, чего со стороны опекуна Михаила Рамзина своевременно не исполнено; сверхъ того оказывается, что Михаилъ Рамзинъ оспариваетъ представленныя опекуномъ Ниротморцевымъ росписки въ полученіи имъ, Рамзинымъ, разнаго имущества и капитала, каковой споръ подлежитъ разсмотрѣнію первой степени суда.—Посему Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ предписать Симбирской гражданской палатѣ, чтобы обстоятельства дѣла по возникшему отъ Рамзина иску на опекуна и спору на представленныя имъ росписки предоставила разсмотрѣнію надлежащаго судебного мѣста первой степени; о чемъ и посланъ указъ 6 сентября 1849 г.

Исполненіе сего указа Симбирская гражданская палата возложила на Симбирскій уѣздный судъ.

Между тѣмъ, сиротскій судъ, составивъ подробный расчетъ капиталамъ, принадлежащимъ Михаилу Рамзину, 24-го декабря 1849 г. объявилъ о томъ сему послѣднему, представивъ ему, буде онъ покойнымъ опекуномъ своимъ Ниротморцевымъ не удовлетворенъ вполнѣ, просить о совершен-

номъ удовлетвореніи изъ имѣнія Ниротморцева указаннымъ въ законѣ исковымъ порядкомъ, въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ.—Къ сему сиротскій судъ присовокупилъ, что за непредставленіемъ Ниротморцевымъ, нынѣ уже умершимъ, общаго отчета объ опекуномъ управленіи имѣніемъ Рамзина, судъ не можетъ сдѣлать никакого заключенія ни о правильности дѣйствій Ниротморцева, ни о томъ, удовлетворенъ ли имъ вполнѣ Михаилъ Рамзинъ.

Основываясь на расчетъ сиротскаго суда, Рамзинъ въ объясненіи, поданномъ 17-го февраля въ Бугурусланское городническое правленіе, для пересылки въ Симбирскій уѣздный судъ, доказывалъ недѣйствительность и незаконность представленныхъ Ниротморцевымъ росписокъ, а также другихъ расходовъ, сдѣланныхъ опекуномъ.—Засимъ, исчисливъ количество денежныхъ претензій, взысканіе которыхъ будтобы сдѣлалось невозможнымъ по упущеніямъ опекуна, Рамзинъ объявилъ къ Ниротморцеву искъ на сумму 3,421 р. 67½ к. сер., включая въ оную и понесенныя имъ, Рамзинымъ, тяжбыныя издержки.

Симбирскій уѣздный судъ, принимая во вниманіе, что Рамзинъ своевременно началъ искъ свой только по двумъ роспискамъ, 25-го апрѣля 1851 г. заключилъ взыскать въ пользу Рамзина съ имѣнія Ниротморцева деньги по этимъ роспискамъ 1,923 р. 55 к. асс., а въ остальныхъ частяхъ претензію Рамзина оставить безъ удовлетворенія, за пропускомъ десятилѣтняго срока со времени его совершеннолѣтія, т. е. съ 1836 г.

На это рѣшеніе уѣзднаго суда повѣренный сына Ниротморцева, поручика Евгенія Ниротморцева, объявилъ удовольствіе, а Рамзинъ принесъ гражданской палатѣ апелляціонную жалобу, доказывая, что искъ его начать въ 1834 году и съ тѣхъ поръ продолжался безъ всякаго раздробленія и безъ пропущенія срока земской давности.

Гражданская палата, усматривая, что Рамзинъ ходатайствовалъ объ учетѣ Ниротморцева съ 1834 г. и потому не пропустилъ срока земской давности, нашла выдачу опекуномъ денегъ подъ росписки незаконною и недѣйствительною, и присудила въ пользу Рамзина 6,480 руб. 75 к. асс., предоставивъ ему отыскивать издержки и убытки отъ дѣла сего особо.

На это рѣшеніе гражданской палаты повѣренный опекунши надъ наслѣдниками Евгенія Ниротморцева принесть Правительствующему Сенату апелляціонную жалобу, доказывая, что Рамзинъ не предъявлялъ формальнаго иска къ Ниротморцеву ни въ 1834 г. ни въ 1835 г., а ходатайствовалъ только объ учетѣ опекуна, и такимъ образомъ пропустилъ десятилѣтнюю давность. Самый споръ противу росписокъ предъявленъ Рамзинымъ только въ 1848 году, а по остальнымъ предметамъ дѣла въ 1850 г. Посему повѣренный Ниротморцевыхъ просилъ отмѣнить рѣшеніе гражданской палаты.

Правительствующій Сенатъ (по 8-му департаменту), принимая во вниманіе, что Рамзинъ началъ искъ противъ Ниротморцева въ 1834 г. и повторилъ оный чрезъ восемь лѣтъ по достиженіи совершеннолѣтія, въ 1845 г., опредѣленіемъ, 5-го октября 1855 г. состоявшимся, утвердилъ рѣшеніе гражданской палаты.

На это опредѣленіе опекунша наслѣдниковъ Ниротморцева, Устинья Ниротморцева, принесла Государю Императору всеподданѣйшую жалобу, доказывая, что искъ Рамзина къ Ниротморцеву предъявленъ по истеченіи десятилѣтней давности и безъ соблюденія законнаго порядка. Жалобу Ниротморцевой Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

По существу всеподданѣйшей жалобы Ниротморцевой въ настоящемъ дѣлѣ подлежалъ разрѣшенію вопросъ: пропустилъ ли Михаилъ Рамзинъ, со дня вступленія своего въ совершеннолѣтіе, установленный для вчинанія исковъ десятилѣтній срокъ.

Имѣніе Михаила Рамзина состояло въ опекуномъ управленіи Дмитрія Ниротморцева.

Въ 1834 г. Рамзинъ, еще прежде достиженія совершеннолѣтія, просилъ Симбирскую гражданскую палату сдѣлать распоряженіе о выдачѣ ему принадлежащихъ ему денегъ и заемныхъ писемъ и объ учетѣ опекуна Ниротморцева. Въ слѣдствіе этой просьбы, палата 17-го іюня 1836 года предписала Симбирскому сиротскому суду истребовать отъ Ниротморцева отчетъ за все время управленія имѣніемъ Рамзина.

Въ маѣ 1845 года Рамзинъ, достигшій совершеннолѣтія 12-го октября 1836 г., вновь обратился въ гражданскую палату съ просьбою о выдачѣ ему имѣнія и объ учетѣ опекуна.

Ниротморцевъ 25-го октября 1845 г. представилъ въ сиротскій судъ двѣ росписки Рамзина въ полученіи денегъ и движимаго имущества, объясняя, что Рамзинъ, будучи вполнѣ удовлетворенъ, неправильно требуетъ отчета по прошествіи десяти лѣтъ.

Послѣ того, не смотря на новый указъ гражданской палаты и на неоднократныя подтвержденія сиротскаго суда, Ниротморцевъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1849 г., ограничился подачею одного только прошенія, въ которомъ излагалъ расчеты свои съ Михаиломъ Рамзинымъ, а общаго отчета за все время опекунскаго управленія не представилъ.

Между тѣмъ Правительствующій Сенатъ, въ слѣдствіе частной просьбы Рамзина, 6-го сентября 1849 года предписалъ гражданской палатѣ, чтобы она обстоятельна дѣла по возникшему отъ Рамзина иску на опекуна и спору на представленныя симъ послѣднимъ росписки предоставила разсмотрѣнію подлежащаго суда первой степени.

Исполненіе сего указа палата возложила на Симбирскій уѣздный судъ.

Въ то же время сиротскій судъ составилъ подробный расчетъ всѣмъ капиталамъ Михаила Рамзина и 24-го декабря 1849 г. объявилъ о томъ сему послѣднему.

Основываясь на расчетѣ сиротскаго суда, Рамзинъ въ объясненіи, поданномъ въ Симбирскій уѣздный судъ, опредѣлить искъ свой къ Ниротморцеву въ 3,421 р. 67½ к. сер.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что Рамзинъ еще до достиженія совершеннолѣтія, въ 1834 г., началъ въ Симбирской гражданской палатѣ ходатайство объ учетѣ опекуна Ниротморцева. Ходатайство сіе было возобновлено Рамзинымъ въ маѣ 1845 г., то есть восемь лѣтъ спустя послѣ достиженія совершеннолѣтія, и прежде истечения установленной ст. 213 т. X ч. II и ст. 224 т. X ч. I св. зак. гражд. (изд. 1857), десятилѣтней давности.

Не смотря на домогательство Рамзина и на всѣ настоянія сиротскаго суда и гражданской палаты, Ниротморцевъ до самой смерти своей не представилъ требуемаго отъ него отчета за все время опекунскаго управленія имѣніемъ Рамзина.

До представленія сего отчета, Рамзинъ очевидно не могъ опредѣлить ни рода, ни количества простираемыхъ имъ къ опекуну претензій, а слѣдовательно и не могъ предъявить къ Ниротморцеву иска въ судебномъ порядкѣ, такъ какъ по закону въ исковомъ прошеніи о движимомъ имуществѣ должна быть опредѣлительно означена цѣна онаго (т. X св. зак. гр. ч. II-й ст. 252).

Въ подтвержденіе сего нельзя не замѣтить что, по обращеніи настоящаго дѣла къ судебному производству, цѣна иска опредѣлена была Рамзинымъ на основаніи расчета, объявленнаго ему сиротскимъ судомъ лишь въ декабрѣ 1849 г.

По всѣмъ симъ соображеніямъ и такъ какъ судебное производство по настоящему дѣлу началось по опредѣленію Правительствующаго Сената, никѣмъ не обжалованному и

вошедшему въ окончательную законную силу, объясненія Ниротморцевой о пропускѣ Рамзинымъ установленнаго для вчинанія исковъ срока давности не могутъ быть признаны заслуживающими уваженія.

Въ слѣдствіе сего общее Сената собраніе опредѣлило всеподданѣйшую жалобу Устины Ниротморцевой оставить безъ послѣдствій.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла заявлено было и другое, противоположное мнѣніе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

Михаилъ Рамзинъ какъ прежде, такъ и послѣ достиженія совершеннолѣтія обращался въ гражданскую палату съ прошеніями объ удовлетвореніи его слѣдующимъ ему имѣніемъ и объ учетѣ опекуна. Такимъ же порядкомъ предъявлено было имъ, въ 1846 г., и возраженіе противу росписокъ, представленныхъ Ниротморцевымъ. Прошенія эти, поданныя въ гражданскую палату мимо суда первой степени и безъ соблюденія правилъ исковаго судопроизводства, не могутъ быть признаны ничѣмъ инымъ, какъ оглашеніемъ предмета, не прерывающимъ теченіе земской давности, которая пресѣкается только предъявленіемъ иска въ надлежащемъ, установленномъ законами порядкѣ (т. X ч. II прил. I-е къ ст. 213).

Судебное разсмотрѣніе претензій Рамзина къ Ниротморцеву началось, въ слѣдствіе указа Правительствующаго Сената, въ 1849 г., т. е. болѣе двѣнадцати лѣтъ послѣ достиженія Рамзинымъ совершеннолѣтія, и слѣдовательно по прошествіи срока десятилѣтней давности, который исчисляется со времени исполненія несовершеннолѣтнимъ двадцати лѣтъ съ годомъ.

Въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не установлено никакого особаго порядка предъявленія исковъ къ опекунамъ по пред-

мету управления ихъ имѣніемъ малолѣтнихъ, состоявшихъ подъ ихъ опекою. Посему, означенные иски должны быть вчиняемы въ судебныхъ мѣстахъ на точномъ основаніи общихъ существующихъ для того правилъ, и началомъ оныхъ не можетъ быть признаваема переписка, происходившая въ опекунскихъ присутственныхъ мѣстахъ относительно представленія отчетовъ и сдачи имѣній малолѣтнихъ.

Указъ Правительствующаго Сената отъ 6 сентября 1849 г., коимъ искъ Рамзина къ Ниротморцеву и споръ противу представленныхъ симъ послѣднимъ росписокъ обращены къ судебному производству, не можетъ служить препятствіемъ къ разрѣшенію настоящаго дѣла на основаніи закона о земской давности. Указъ этотъ, состоявшійся въ слѣдствіе частнаго прошенія Рамзина, относился лишь къ дальнѣйшему направленію дѣла о претензіяхъ его. Предоставивъ дѣло разсмотрѣнію суда первой степени, Правительствующій Сенатъ не лишилъ этотъ судъ права отвергнуть претензіи Рамзина, если онѣ окажутся ничтожными за пропусченіемъ срока, установленнаго для вчинанія тяжбъ и исковъ.

По всѣмъ симъ основаніямъ, и имѣя въ виду, что рѣшеніе Симбирскаго уѣзднаго суда, коимъ присуждено въ пользу Рамзина по двумъ роспискамъ 1,923 р. 55 к. асс., вошло для наслѣдниковъ Ниротморцева, изъявившихъ на оное удовольствіе, въ окончательную законную силу (т. X ч. II ст. 633 пун. 2),—лица, объявившія настоящее мнѣніе, полагали оставить означенное рѣшеніе уѣзднаго суда въ полной силѣ, освободивъ наслѣдниковъ Ниротморцева отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности предъ Рамзннымиъ.

III.

Росписка, хотя и писанная на простой бумаге и нигде не явленная, признается действительною и подлежащую удовлетворению, если она подписана должником и должник не отрицает своей подписи.

Чинovníкъ Марковъ предъявилъ ко взысканію росписку, выданную ему купцомъ Андреемъ Рыковымъ, 12-го августа 1847-го года, въ которой Рыковъ обязался заплатить Маркову 1000 р. сер. за двѣ поѣздки въ Москву, съ означеніемъ, что въ число означенныхъ денегъ уплачено 300 руб. сер.

Въ подтвержденіе своего иска Марковъ представилъ письмо того же Андрея Рыкова отъ 3 мая 1847 г., съ обѣщаніемъ заплатить Маркову 1000 р. сер. за поѣздки въ Москву для учиненія справки.

Самый искъ предъявленъ Марковымъ по смерти купца Андрея Рыкова къ усыновленному симъ послѣднимъ купеческому сыну Ивану Рыкову.

Отвѣтчикъ, не отрицая подписи должника, въ опроверженіе иска Маркова объяснилъ:

1-е Что представленная къ дѣлу росписка, какъ писанная на простой бумаге и нигде не явленная, никакой предъ закономъ силы имѣть не можетъ.

2., Что объ означенномъ долге онъ отъ Андрея Рыкова никогда не слыхалъ.

На основаніи 340 ст. т. X ч. II св. зак. гр., акты, записки и всякія другія домашнія долговыя бумаги не составляютъ доказательства въ такомъ только случаѣ, *если не будутъ должникомъ подписаны*, (*) а по 1 п. 749 ст. того же тома всякія обязательства на деньги, *гдѣ есть подпись должника собственноручная, буде отъ оной нѣтъ отрицанія, считаются ясными и разбору подлежащими требованіями.*

Примѣненіе точнаго разума означенныхъ узаконеній къ настоящему дѣлу показываетъ, что при неотрицаніи Ивана Рыкова отъ подписи должника на роспискѣ 12 августа 1847 г. написаніе сего документа на простой бумагѣ не уничтожаетъ дѣйственности онаго, а показаніе Ивана Рыкова о томъ, что онъ никогда о долгѣ семь не слышалъ, не можетъ быть принято въ уваженіе потому въ особенности, что сознание долга Маркову самимъ должникомъ доказывается *не только подписью Андрея Рыкова на роспискѣ и сдѣланною имъ уплатою части дома, но и письмомъ его отъ 3 мая 1847 г., въ коемъ онъ обѣщалъ заплатить Маркову 1000 р. сер. за поѣздку въ Москву.*

Признавая по снмъ уваженіямъ опредѣленіе Рязанской гражданской палаты о взысканіи съ Рыкова 700 р. с. въ пользу Маркова правильнымъ и основаннымъ на точномъ разумѣ существующихъ узаконеній, Правительствующій Сенатъ опредѣлил: апелляціонную на оное жалобу Рыкова оставить безъ уваженія, со взысканіемъ съ него штрафа и гербовыхъ пошлинъ.

(*) Въ настоящее время, по силѣ Высочайше утвержденного 22 декабря 1858 года мѣтнаго Государственнаго Совѣта, написаніе документа на простой бумагѣ тѣмъ болѣе не можетъ служить, само по себѣ, поводомъ къ признанію его недѣйствительнымъ.

IV.

По дѣйствовавшимъ до 1850-го г. постановленіямъ споры о законности рожденія дѣтей, признаніе которыхъ законными было оглашено родителями посредствомъ надлежащихъ актовъ или другихъ событій, могли быть предъявляемы только при жизни обоихъ родителей. Посему всѣ подобныя споры, возникшіе прежде обнародованія Высочайше утвержденного 6-го февраля 1850 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, и послѣ смерти одного изъ родителей того лица, законность котораго составляетъ предметъ спора, — должны быть оставлены безъ всякихъ послѣдствій. Споры, возникшіе послѣ обнародованія вышеозначеннаго мнѣнія не отъ имени самаго предполагаемаго отца ребенка, а отъ имени наслѣдниковъ его могутъ подлежать судебному разсмотрѣнію только тогда, когда въ точности соблюдены всѣ условія, требуемыя ст. 130 т. X ч. I св. зак. гражд. (изд. 1857-го г.).

Въ Государственный Совѣтъ внесено было изъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, за разногласіемъ, дѣло о правахъ наслѣдства малолѣтнаго сына коллежской ассесорши С-вой, Николая, къ имѣнію гвардіи капитана Николая А-ва. По этому дѣлу состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, слѣдующаго содержания: провинціальный секретарь Николай А-въ вступилъ 5 февраля 1837 г. въ бракъ съ вдовою капитана В-ва. 14-го мая того же года, т. е. чрезъ 3 мѣсяца и 9 дней послѣ сего брака, родился младенецъ, который въ метрической

книгѣ записанъ сыномъ А-выхъ Николаемъ. Сія выписка изъ метрической книги помѣщена въ свидѣтельствѣ, выданномъ 31 іюля 1840 года изъ С. Петербургской духовной консисторіи. Сверхъ того въ аттестатѣ провинціального секретаря Николая А-ва отъ 30 мая 1838 г. и въ формулярномъ о службѣ его списокѣ за 1841 годъ показано, что онъ женатъ и имѣетъ сына Николая.—13 Іюня 1841 г. провинціальный секретарь А-въ умеръ, и только 29 ноября 1843 года отецъ его, гвардіи капитанъ А-въ, предъявилъ, что именующійся внукомъ его долженъ быть признанъ В-вымъ, а не А-вымъ.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства доказываютъ несомнѣнно: во 1-хъ, что рожденный 14 мая 1837 г. Александрю Филиповою С-вою сынъ былъ провинціальнымъ секретаремъ А-вымъ признанъ и оглашенъ законнымъ его сыномъ въ разныхъ актахъ, и что сіе признаніе не было имъ опровергаемо до самой смерти, т. е. въ продолженіе четырехъ слишкомъ лѣтъ со времени рожденія его сына; во 2-хъ, что противъ сего признанія и оглашенія при жизни провинціального секретаря Николая А-ва не было ни со стороны родныхъ его, ни отъ постороннихъ никакого спора; и въ 3-хъ, что споръ по сему возникъ только по прошествіи двухъ слишкомъ лѣтъ послѣ смерти отца того лица, о которомъ производится настоящее дѣло.

Между тѣмъ въ дѣйствовавшихъ до 1850 года законахъ, помѣщенныхъ въ X т. св. зак. изд. 1842 г. въ кн. I разд. II гл. I въ отд. I: «о дѣтяхъ законныхъ,» въ 1 пунктѣ 121 статьи ясно постановлено: «всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, *хотя бы они родились по естественному порядку слишкомъ рано послѣ совершенія брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденія.*» Въ 1 пунктѣ 122 ст. того же тома изображено: «законными почитаются всѣ дѣти, *законность коихъ не была оспорена при жизни ихъ родителей.*» Наконецъ въ примѣчаніи

къ сей статьѣ именно сказано. «Законность липа почитается неоспоренною, когда признаніе онаго законнымъ было оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его и потому въ продолженіи десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованіи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченія десятилѣтія, никакой уже споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.»

Примѣняя къ настоящему дѣлу вышеприведенные законы, помѣщенные въ X т. св. зак. гражд. изд. 1842 г., а не тѣ, которые помѣщены въ 1 части XV прод. къ означенному тому и затѣмъ вошли въ составъ 1 части X тома изд. 1857 г., и которые за силою Высочайше утвержденного мнѣнія Государственнаго Совѣта 6 февраля 1850 г. обратной силы имѣть не могутъ, Государственный Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что какъ провинціальный секретарь Николай А-въ рожденнаго въ законномъ бракѣ его, хотя по естественному порядку слишкомъ рано, сына Николая признавалъ и оглашалъ законнымъ, своимъ сыномъ, то сей послѣдній по буквальному смыслу 1 пункта 121 ст. X т. долженъ быть и нынѣ признаваемъ законнымъ его сыномъ.

Таково было бы законное и справедливое рѣшеніе возникшаго спора, если бы должно было разрѣшить существо онаго. Но здѣсь прежде рассмотрѣнія дѣла въ существѣ возникаетъ вопросъ: имѣлъ ли право капитанъ А-въ вчинать споръ о законности рожденія своего внука? Изъ дѣла въ семь отношеніи видно, что капитанъ А-въ предъявилъ споръ сей 29 ноября 1843 г., т. е. болѣе двухъ лѣтъ послѣ смерти провинціального секретаря Николая А-ва, послѣдовавшей въ іюнь 1841 г. На основаніи изложеннаго выше примѣчанія къ 122 ст. X т. изд. 1842 г., послѣ смерти обоихъ или одного

изъ родителей, никакой споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами или же другими событиями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя. Слѣдовательно по буквальному смыслу сего закона должно признать, что какъ провинціальный секретарь А-въ законность сына своего Николая огласилъ надлежащими актами и при жизни его ни со стороны родныхъ, ни отъ постороннихъ противъ сего никакого спора предъявлено не было, то капитанъ Николай А-въ не имѣлъ никакого права вчинать о законности рожденія внука своего споръ послѣ смерти отца сего послѣдняго.

Заключеніе сіе, на буквѣ закона основанное, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно согласнымъ съ общимъ духомъ нашего законодательства, ограждающаго спокойствіе и честь семействъ отъ вчинанія соблазнительныхъ тяжбъ. Въ сихъ видахъ, со святостию брачныхъ узъ сообразныхъ, законы предоставили право спора противъ законности рожденія дѣтей только при жизни родителей. Въ источникахъ законодательства нашего находится сенатскій указъ 13 мая 1831 г., по силѣ коего, чтобы: «не подавать на будущее время силы опаснымъ примѣрамъ опровергать законное рожденіе дѣтей по смерти ихъ родителей,» рожденные во второмъ бракѣ младенцы, одинъ чрезъ 5 мѣсяцевъ, а другой чрезъ 2 мѣсяца послѣ брака, признаны дѣтьми тѣхъ отцовъ, имена коихъ носили они во все время жизни сихъ послѣднихъ. Позднѣйшимъ закономъ 6 февраля 1850 года, который впрочемъ, какъ выше замѣчено, повелѣно примѣнять только къ дѣламъ, могущимъ возникнуть послѣ его изданія, право спора противъ законности рожденія предоставлено только одному отцу, а въ случаѣ его смерти его наслѣдникамъ, но лишь въ такомъ случаѣ, когда онъ прежде смерти не объявлялъ, что признаетъ сего младенца законнымъ. Впрочемъ наслѣдники, подъ опасеніемъ потери сего права, обязаны во первыхъ начать такой

искъ не позднѣ, какъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, считая со дня смерти мужа матери младенца, будто бы незаконнорожденнаго, или же со дня рожденія сего младенца, если онъ родился послѣ смерти мужа его матери; во вторыхъ, доказать, что ему (т. е. мужу) вовсе не было извѣстно существованіе сего младенца, или по крайней мѣрѣ, что онъ узналъ о томъ лишь не задолго до смерти своей и не могъ успѣть объявить споръ противъ законности его рожденія. При столь положительномъ постановленіи, которое изображено въ ст. 130 т. X ч. I-ой св. зак. гражд. и вполне согласно съ духомъ общаго о союзѣ брачномъ и законности дѣтей законодательства, не можетъ быть повода заключеніе о признаніи Николая сыномъ В-ва основывать на исчисленіи рожденія его отъ времени зачатія до смерти его отца. Подобное исчисленіе было бы во многихъ случаяхъ если не совершенно невозможно, то по крайней мѣрѣ основано на догадкахъ, которыя въ дѣлѣ судебномъ не должны быть допускаемы. Впрочемъ здѣсь и сіе исчисленіе не повело бы къ какому-либо положительному убѣжденію. Рожденный женою А-ва младенецъ могъ конечно по естественному порядку быть зачатъ въ утробѣ матери при жизни ея перваго мужа; но будучи рожденъ чрезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ его смерти, онъ могъ точно также и потому жъ естественному порядку быть зачатъ уже по смерти сего перваго мужа и отъ А-ва, въ незаконной, но однакожъ не прелюбодѣйной связи его со вдовою В-вою.

Принимая все сіе въ надлежащее соображеніе, признавая кромѣ того необходимымъ поддержать силу законовъ, имѣющихъ цѣлью охраненіе спокойствія семействъ и устраненіе по возможности дѣлъ соблазнительныхъ, и руководствуясь въ точности ст. 90 учр. Государственнаго Совѣта, гдѣ сказано: «въ рѣшеніяхъ Государственнаго Совѣта по дѣламъ частнымъ никакія уваженія не должны имѣть мѣста, кромѣ закона: одинъ онъ долженъ быть всегда существеннымъ ос-

нованіемъ всѣхъ осужденію и заключенію,» Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: споръ о рожденіи Николая А-ва отъ провинціального секретаря А-ва, какъ предъявленный въ противность законамъ, по смерти провинціального секретаря А-ва его родственниками, оставить безъ послѣдствій.

V.

Поручитель по векселю не можетъ быть освобожденъ отъ ответственности на томъ единственно основаніи, что векселедатель не имѣлъ права обязываться векселями.—Если неотдѣленный купеческій сынъ имѣетъ отъ отца своего довѣренность на производство торговыхъ дѣлъ и совершеніе займовъ, то векселя, выданные первымъ, тогда только обязательны для послѣдняго, когда они писаны по формѣ, установленной закономъ (прил. № 10 къ ст. 540 т. XI уст. тор.) для векселей выдаваемыхъ по довѣренности, и когда въ нихъ именно упомянуто, что векселедатель дѣйствуетъ отъ имени и по уполномочію отца.

Иркутскій 1-й гильдіи купецъ Павелъ Герасимовъ, довѣренностію, 5 февраля 1851 г. въ городской думѣ явленною и составленною по образцу общей торговой довѣренности (прилож. къ 726 ст. XI т. уст. тор. изд. 1857 г.), уполномочилъ неотдѣленнаго сына своего Александра Герасимова производить за него по 1-е января 1852 г. торговыя дѣла и кредитоваться до 7 т. р. сер.

Александръ Герасимовъ выдалъ почетному гражданину Баснину 20-го Іюня 1851 г., за поручительствомъ купца 3-й гильдіи Пуляева, два векселя на сумму 2400 р. сер., слѣдующаго содержанія: «отъ сего 20-го іюня 1851 г. чрезъ 12 мѣсяцевъ по симъ моимъ векселямъ повиненъ я заплатить почетному гражданину Павлу Баснину, или кому онъ прикажетъ (по 1-му 900, а по 2-му 1500 р. сер.), которую сумму я получилъ отъ него наличными деньгами сполна. Кредитованный Иркутскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Александръ Герасимовъ. Ручаюсь 3-й гильдіи купецъ Николай Пуляевъ.»

Не получивъ по симъ векселямъ въ срокъ уплаты, Баснинъ предъявилъ ихъ 8-го сентября 1852 года Иркутской общей городской управѣ, откуда дѣло о сей претензіи, по объявленной Александромъ Герасимовымъ несостоятельности, передано было въ Иркутскій городской судъ для разсмотрѣнія совокупно съ прочими сдѣланными Александромъ Герасимовымъ долгами, въ довѣренность отца его не вписанными. Разсмотрѣвъ дѣло о сихъ долгахъ, городской судъ, по рѣшенію 21-го сентября 1851 г., призналъ ихъ личными Александра Герасимова долгами, на уплату которыхъ, вслѣдствіе несостоятельности его, предоставилъ кредиторамъ его, согласно 182 ст. X т. зак. гражд., всякое имущество, какое къ нему, Герасимову, дойдетъ по наслѣдству или другимъ случаямъ; отца же его, Павла Герасимова, отъ платежа за сына таковыхъ долговъ освободилъ и въ притязаніяхъ къ нему по сему предмету кредиторовъ сына его отказалъ, такъ какъ сдѣланный ими Александру Герасимову кредитъ на довѣренности, данной ему отцомъ его, не показанъ. Независимо отъ сего, городской судъ, войдя въ отдѣльное разсмотрѣніе претензіи къ Александру Герасимову Баснина и усматривая, что претензія эта обезпечена поручительствомъ на векселяхъ купца 3-й гильдіи Пуляева, обратилъ взысканіе по симъ век-

селямъ на Пуляева, который однакожь отъ уплаты по онымъ отказался, на томъ основаніи, что векселя эти взяты Баснинымъ съ отступленіемъ отъ формы, приложенной къ 540 ст. XI т. уст. тор., что поручителемъ на нихъ онъ подписался не лично за Александра Герасимова, а за отца его, имѣя въ виду данную имъ сыну на таковой кредитъ довѣренность, и что Баснинъ, не вписавъ въ эту довѣренность сдѣланный имъ Александру Герасимову кредитъ, отступилъ въ этомъ случаѣ отъ прямого смысла закона (прилож. къ 725 ст. XI т. уст. торг.), и таковымъ упущеніемъ устранилъ отъ отвѣтственности за Александра Герасимова не только его, Пуляева, но и самого довѣрителя.

Споръ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ порядкѣ судебного разбирательства Иркутскими городовымъ и губернскимъ судами и наконецъ 4-мъ департаментомъ Правительствующаго Сената.—Рѣшеніемъ первой инстанціи, векселя по формѣ ихъ признаны данными не по довѣренности, а отъ лица самого векселедателя Александра Герасимова и потому взысканіе по онымъ присуждено съ поручителя Пуляева. Напротивъ того губернской судъ, признавая тѣ векселя по подписи на оныхъ Александра Герасимова, выданными не отъ его лица, а по довѣренности, и обвиняя Баснина въ невписаніи сдѣланнаго имъ Герасимову кредита въ довѣренность, освободилъ Пуляева отъ всякой по тѣмъ векселямъ за Александра Герасимова отвѣтственности. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи своемъ, 5 апрѣля 1856 г., соглашаясь въ главныхъ основаніяхъ съ соображеніями городского суда и принимая сверхъ того во вниманіе, что Баснинъ искъ свой предъявилъ законнымъ образомъ, что должникъ Герасимовъ, не оспаривая предъявленнаго къ нему требованія платежа, отозвался только неимѣніемъ въ наличности денегъ, что имущества у него, Александра Герасимова, дѣйствительно никакого не оказалось, что на вексель поручителемъ за него безусловно росписался 3-й гильдіи купецъ Пу-

ляевъ, что сей послѣдній, по прямому обращенію на него отъ ответственности за Герасимова, подпись свою поручителемъ утвердилъ и никакихъ законныхъ основаній къ освобожденію отъ взысканія не представилъ, постановилъ взыскать съ Пуляева слѣдующія на удовлетвореніе Баснина 2400 р. сер., съ процентами и неустойкою, а Пуляеву предоставить вѣдаться съ Александромъ Герасимовымъ, гдѣ слѣдуетъ установленнымъ порядкомъ.

На рѣшеніе это Пуляевъ принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было рассмотреть въ общемъ Сената собраніи.

Общее собраніе Правительствующаго Сената нашло, что приведенныя Пуляевымъ во всеподданнѣйшей жалобѣ его возраженія противъ рѣшенія Правительствующаго Сената, совпадая въ существѣ своемъ съ возраженіями его же, Пуляева, предъявленными имъ при производствѣ самаго дѣла, главнымъ образомъ основываются на томъ, что Александръ Герасимовъ, какъ старается доказать Пуляевъ, выдалъ Баснину векселя не отъ своего лица, а по довѣренности отца своего Павла Герасимова, и что слѣдовательно онъ, Пуляевъ, можетъ быть подвергнутъ ответственности по тѣмъ векселямъ не иначе, какъ только въ случаѣ несостоятельности къ платежу самаго довѣрителя, Павла Герасимова.—Возраженіе это Пуляевъ подкрѣпляетъ ссылкой на 52 и 546 ст. уст. торг., запрещающія неотдѣленнымъ купеческимъ сыновьямъ обязываться векселями отъ собственного имени.

Для разрѣшенія вопроса, въ какой степени правильно такое возраженіе Пуляева, необходимо обратиться къ самому содержанію данныхъ Александромъ Герасимовымъ Баснину векселей. Сличеніе формы сихъ векселей съ образцами, приложенными къ 540 ст. XI т. ч. 2 уст. тор. изд. 1857 г., не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что векселя эти даны Александромъ Герасимовымъ отъ

собственного лица, а не по доверенности, ибо они писаны по образцу простаго векселя (№ 1), даннаго векселедателемъ на себя, а не по образцу векселя, даннаго повѣреннымъ (№ 10), форма котораго, совершенно отличаясь отъ формы простаго векселя, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить Пуляеву поводомъ къ утверженію, что векселя Александра Герасимова даны имъ Баснину не отъ собственного имени, а по доверію отца, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ векселя тѣ, согласно образцу № 10, имѣли бы слѣдующій видъ: «по предьявленіи въ 12-ть мѣсяцевъ по сему моему векселю, повиненъ заплатить вѣритель мой пркутскій 1-й гильдіи купецъ Павелъ Герасимовъ, пркутскому же 1-й гильдіи купцу Павлу Баснину, или кому онъ прикажетъ (столько-то руб. сер.), которые отъ него, по силѣ даннаго мнѣ отъ вѣрителя моего на заемъ денегъ вѣрющаго письма, наличными деньгами получили.» Такое различіе установленныхъ закономъ формъ для векселей простыхъ и выдаваемыхъ по доверію, а также законъ (ст. 52 и 546 т. XI уст. торг.), воспреещающій неотдѣленнымъ купеческимъ сыновьямъ обязываться векселями, не могли быть неизвѣстны Пуляеву, при подписи имъ на векселяхъ Герасимова поручительства своего, а потому, ежели онъ въ то время въ огражденіе себя отъ отвѣтственности не паблюлъ за соблюденіемъ въ векселяхъ Герасимова установленной формы, какъ равно и за вписаніемъ Баснинымъ, по смыслу приложенія къ 725 ст. уст. торг., сдѣланнаго имъ Герасимову кредита въ доверенность отца его, то въ настоящее время, когда чрезъ такое упущеніе его, Пуляева, Павелъ Герасимовъ отъ отвѣтственности за долги сына, не вписанные въ доверенность, по рѣшенію судебного мѣста, вошедшему въ окончательную законную силу, уже освобожденъ, а самъ векселедатель признанъ несостоятельнымъ, Пуляевъ остается единственнымъ отвѣтчикомъ предъ Баснинымъ по векселямъ Александра Герасимова. Всякое уклоненіе его засимъ отъ

сей отвѣтственности не только представляется незаконнымъ (ст. 635 т. XI уст. торг. изд. 1857 г. и Высочайше утвержденное 4-го июля 1858 г. мѣн. Госуд. Сов.), но даже, какъ справедливо замѣтилъ Баснинъ въ апелляціонной жалобѣ его 4-му департаменту Правительствующаго Сената, даетъ поводъ предполагать, что Пуляевъ какъ бы рассчитывалъ на неправильность обязательства Герасимова и при одномъ лишь этомъ расчетѣ ручался за него, заранее подвергая Баснина всѣмъ тѣмъ убыткамъ, какіе онъ несетъ теперь, ввѣривъ Герасимову, за поручительствомъ Пуляева, свой капиталъ. По симъ основаніямъ общее собраніе Правительствующаго Сената, соглашаясь вполне съ рѣшеніемъ по настоящему дѣлу 4-го департамента Правительствующаго Сената, подвергнувшимъ Пуляева полной по вексялямъ Александра Герасимова предъ Баснинымъ отвѣтственности, опредѣлило: рѣшеніе это утвердить во всей силѣ, а принесенную на оное Пуляевымъ всеподданнѣйшую жалобу оставить безъ уваженія.

VI.

Заемныя письма, писанныя не на срокъ, а до востребованія, считаются актами законно-совершенными и подлежащими дѣйствию полиціи.

Дѣйствующими узаконеніями установленъ порядокъ совершенія заемныхъ обязательствъ. На основаніи 2031, 2033—2036 ст. I ч. X т. св. зак. гр. обязательства по займу могутъ быть составлены или у крѣпостныхъ дѣлъ, или же по-

рядкомъ явочнымъ, или домашнимъ. Обязательства того и другого рода должны быть писаны по формѣ, установленной въ самомъ законѣ.

Такимъ образомъ для составленія домовыхъ заемныхъ писемъ, явочнымъ порядкомъ совершаемыхъ, предписана приложеніемъ къ 2036 ст. слѣдующая форма:

«Тысяча восемьсотъ день, я нижеподписавшійся такой-то званіемъ, именемъ и проч., занялъ у такого-то денегъ серебряною монетою столько-то рублей, за указные проценты, срокомъ *впередъ на такое-то время, т. е. будущаго или настоящаго такого-то года и мѣсяца по такое-то число*, на которое долженъ всю ту сумму сполна заплатить; а буде чего не заплачу, то воленъ онъ, такой-то, просить о взысканіи и поступленіи по законамъ».

Опредѣлительное означеніе въ формѣ заемнаго письма срока дѣйствию заемнаго обязательства неоднократно возбуждало на практикѣ вопросъ, *могутъ ли, при существованіи сей формы, имѣть дѣйствіе заемныя обязательства безсрочныя*, т. е. выданныя не на опредѣленный срокъ, а впередъ до востребованія, и слѣдуетъ ли таковыя обязательства приводить въ исполненіе дѣйствиемъ полиціи?

Законъ не даетъ положительнаго и яснаго указанія къ разрѣшенію сего вопроса; отъ этого наши юристы—практики въ воззрѣніяхъ своихъ на значеніе безсрочныхъ заемныхъ обязательствъ расходятся между собою.

Одни полагаютъ, что заемныя письма безсрочныя имѣютъ такое же дѣйствіе, какъ и срочныя обязательства; напротивъ того другіе считаютъ ихъ не имѣющими никакой силы предъ закономъ.

Защитники перваго мнѣнія основываются на томъ, что выдача обязательства на опредѣленный срокъ или впередъ до востребованія, точно также, какъ ссуда за указные про-

центы, составляют такія условія займа, которыя, какъ добровольныя условія всякаго договора, не воспрещенныя закономъ, непосредственно зависятъ отъ взаимнаго соглашенія кредитора и должника.

Защитники второго мнѣнія опираются на то, что, на основаніи установленной закономъ формы для домовыхъ заемныхъ писемъ, точное обозначеніе въ сихъ письмахъ срока платежа, именно года, мѣсяца и числа, составляетъ необходимую принадлежность обязательства, законнымъ порядкомъ совершеннаго, и что посему упущеніе сей формы лишаетъ заемное письмо свойства обязательства, законнымъ порядкомъ совершеннаго, а слѣдовательно и подлежащаго исполненію дѣйствіемъ полиціи.

Замѣчательно, что такое разнообразіе въ возрѣніяхъ на одинъ и тотъ же вопросъ не только существуетъ въ настоящее время въ обществѣ, но что оно нѣкоторое время господствовало и между маклерами и даже присутственными мѣстами, и устранено только неоднократными указами Правительствующаго Сената, состоявшимися по отдѣльнымъ случаямъ.

Мы собрали подробныя свѣдѣнія о происходившей въ Сенатѣ перепискѣ по сему вопросу и помѣщаемъ ихъ въ нашемъ журналѣ

С. Петербургскій губернской прокуроръ въ августѣ мѣсяцѣ 1845 года препроводилъ въ С. Петербургское губернское правленіе, на законное разсмотрѣніе, рапортъ Кронштадтскаго уѣзднаго стряпчаго о томъ, что нѣкоторые изъ маклеровъ дозволили себѣ принимать къ запискѣ въ книги такія заемныя письма, въ которыхъ срока займа денегъ не означено, но написано: «впредь до востребованія».

По содержанію сего рапорта, Кронштадтскій городской магистратъ донесъ правленію, что маклера и нотариусы въ сви-

дѣтельствѣ безсрочныхъ заемныхъ писемъ примѣнялись къ 53 ст. II тома, которою предоставлено писать безсрочные векселя, но что между тѣмъ, по его мнѣнію, безсрочныхъ заемныхъ писемъ къ засвидѣтельствуванію не слѣдовало бы принимать, а можно ихъ оставить въ видѣ росписокъ, примѣняясь къ 1749 ст. X-го тома (изд. 1857 г. ч. I ст. 2039).

Губернское правленіе, разсмотрѣвъ обстоятельство это и соображаясь съ статьями 1747, 1749, 1756 и 1761 тома X св. гражд. зак. (изд. 1857 г. ч. I ст. 2036, 2039, 2051 и 2056), признало, что обозначеніе сроковъ въ заемныхъ письмахъ предоставлено добровольному согласію заемщика и кредитора, и что слово: «востребованіе» достаточно опредѣляетъ время, въ которое долженъ быть произведенъ должникомъ платежъ, и на этомъ основаніи опредѣлило: на будущее время дозволить маклерамъ и нотаріусамъ свидѣтельствовать таковыя заемныя обязательства; но не приводя таковаго заключенія въ исполненіе, представило о семъ на усмотрѣніе С. Петербургскаго военнаго генераль-губернатора.

С. Петербургскій губернский прокуроръ, на заключеніе котораго передано было это представленіе, донесъ, что соображеніе настоящаго дѣла съ силою 1326, 1747, 1756, 1761 и 2235 ст. X тома св. зак. (изд. 1857 г. ч. I ст. 1575, 2036, 2051, 2056, ч. 2 ст. 220) показываетъ, что заемныя письма, исключая векселей, должны быть писаны на опредѣленный въ нихъ срокъ, что подтверждается и самою формою заемнаго письма, приложеннаго къ 1747 (2036) ст. того же тома; на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, исчисленіе процентовъ, рекамбія, явка по неплатежу и десятилѣтняя давность назначены со дня истеченія написаннаго въ сихъ обязательствахъ срока, почему оныя безсрочными быть не должны; хотя же безсрочныя по объявленію векселя допущены на основаніи 494 ст. XI тома св. зак. уст. о вексел., но для явки ихъ къ платежу 531 ст. того же тома назначенъ 12 мѣсячный срокъ

отъ составленія ихъ, почему примѣненіе этого закона къ заемнымъ письмамъ не подходитъ, ибо векселя какъ въ образѣ ихъ написанія, такъ и явки и взысканія, противъ заемныхъ писемъ имѣють совершенное различіе, самыми тѣми законами опредѣленное; посему прокуроръ, раздѣляя заключеніе Кронштадтскаго магистрата, полагалъ, что заемныя письма безсрочныя не должны быть свидѣтельствуемы, но какъ изъ опыта извѣстно, что доселѣ могло быть написано и засвидѣствовано много заемныхъ писемъ, въ коихъ срокъ опредѣленъ до востребованія, и правило сіе вошло уже въ народное обыкновеніе, то дабы прекращеніемъ его не поколебать общаго довѣрія и не разрушить силы засвидѣствованныхъ обязательствъ, признавалъ необходимымъ обстоятельство это представить на разрѣшеніе Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ, по полученіи сего дѣла, препровождалъ оное на заключеніе г. Министра Внутреннихъ дѣлъ, который донесъ, что уплата процентовъ, взысканіе неустойки, явка по неплатежу и десяти-лѣтняя давность дѣйствительно назначены со дня истеченія написаннаго въ заемныхъ обязательствахъ срока, который опредѣляется самою формою сихъ обязательствъ, но что прямого воспрещенія писать и предъявлять къ засвидѣствованію безсрочныя заемныя письма въ законахъ не постановлено. Если же съ одной стороны самая явка заемныхъ писемъ не поставляется въ непремѣнную и безусловную обязанность, ибо по 1749 (2039) ст. зак. гражд. и неявленныя заемныя письма не теряютъ своей силы въ случаяхъ, эту статью опредѣленныхъ, а съ другой стороны, по изясненію губернскаго прокурора, предъявленіе къ засвидѣствованію безсрочныхъ заемныхъ писемъ вошло въ народный обычай, то въ постановленіи сказаннаго воспреще-

нія на будущее время не представляется ни надобности, ни основаній. Посему министр внутренних дѣлъ полагалъ: дозволить маклерамъ и нотаріусамъ принимать по прежнему къ засвидѣтельствуванію безсрочныя заемныя письма.

Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе, что прямого воспрещенія писать и предъявлять къ засвидѣтельствуванію безсрочныя заемныя письма въ законѣ не постановлено, и не имѣя въ виду съ другой стороны случаевъ, которые убѣждали бы въ неудобствѣ примѣненія существующихъ вообще о порядкѣ совершенія заемныхъ обязательствъ правилъ и требовали бы измѣненія и поясненія оныхъ, опредѣлилъ: дать знать о семъ С. Петербургскому губернскому правленію на поступившее отъ него представленіе, что и исполнено 24 февраля 1847 года.

Вскорѣ послѣ сего, а именно 3 сентября 1847 года, С. Петербургская казенная палата, которой вышеизложенное распоряженіе Сената не было извѣстно, предписала циркулярно маклерамъ и нотаріусамъ С. Петербургской губерніи, чтобы они не принимали къ свидѣтельствуванію заемныхъ писемъ, составленныхъ безъ опредѣленія срока займа, съ изъясненіемъ: *«впредь до востребованія»*; но когда до свѣдѣнія палаты дошло объ указѣ Правительствующаго Сената губернскому правленію отъ 24 февраля 1847 года, что нѣтъ никакой причины останавливаться писать и свидѣтельствовать заемныя письма безсрочныя или «по предъявленіи», то палата представила о томъ на разрѣшеніе министерства финансовъ, изложивъ неудобства, могущія быть отъ безсрочныхъ заемныхъ писемъ:

Въ совѣтѣ министра финансовъ, по сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при разсмотрѣніи сего предмета найдено: а.) что прежде циркулярнаго подтвержденія казенной палаты нотаріусамъ и маклерамъ, возникалъ уже этотъ

самый вопрос со стороны здѣшняго губернскаго правленія и въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ слѣдствіе представленія по сему предмету министра внутреннихъ дѣлъ состоялся приведенный указъ отъ 24 февраля 1847 года и б.) что хотя и послѣ того палата вновь представляла о неудобствахъ, могущихъ встрѣтиться при дозволениіи писать и свидѣтельствовать безсрочныя заемныя письма, но графъ Перовскій, по сообщеніямъ, изложеннымъ имъ въ отзывѣ его о представленіи палаты и за силою помянутаго указа Правительствующаго Сената отъ 24 февраля 1847 года, а также согласно съ мнѣніемъ С. Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора полагалъ: дозволить и на будущее время предъявлять къ свидѣтельству заемныя письма безъ срока, «впредь до востребованія», тѣмъ болѣе, что воспрещеніе ихъ послужило бы къ стѣсненію заимодавцевъ, коимъ таковыя письма даютъ возможность взыскивать деньги въ то время, которое окажется удобнѣйшимъ по состоянію ли собственныхъ торговыхъ оборотовъ, или по обстоятельствамъ заемщика, всякое же въ семъ случаѣ стѣсненіе вредитъ частному кредиту.

Посему совѣтъ министра финансовъ журналомъ, утвержденнымъ министромъ 10 января 1850 года, положилъ, за силою Сенатскаго указа, признать вышесказанное подтвержденіе казенной палаты отъ 3 сентября 1847 года недействительнымъ.

Въ послѣдствіи дѣла о безсрочныхъ заемныхъ письмахъ неоднократно восходили до Правительствующаго Сената, который постоянно признавалъ, что неопредѣленіе въ сихъ письмахъ опредѣлительнаго срока, а написаніе ихъ срокомъ въпредь до востребованія, не лишаетъ ихъ свойства обязательствъ, законнымъ порядкомъ совершенныхъ.

Такимъ образомъ въ 1850 году признано было подлежащимъ исполненію полицейскимъ порядкомъ заемное письмо,

выданное вдовою штабъ-лекаря Песоцкаго, въ которомъ не было означено срока платежа, а сказано, что оно выдано впредь до востребованія.

Точно такимъ же образомъ было рѣшено Сенатомъ въ 1851 году дѣло о заемномъ письмѣ титулярнаго совѣтника Мартынцова, выданномъ имъ вдовѣ капитана Гриневой. Определеніемъ Сената отмѣнено постановленіе С. Петербургской управы благочинія, отказавшей въ производствѣ взысканія по сему обязательству на томъ основаніи, что оно написано безъ означенія срока платежа, а просто до востребованія. При этомъ Сенатъ въ основаніе своего заключенія привелъ тѣже соображенія, какія изложены были въ вышеизложенномъ указѣ 24 февраля 1847 года.

Вышеизложенныя рѣшенія Правительствующаго Сената достаточно доказываютъ, что наша судебная практика присвоетъ безсрочнымъ заемнымъ письмамъ силу обязательствъ законнымъ порядкомъ совершенныхъ и подлежащихъ исполненію дѣйствіемъ полиціи, точно также какъ полицейскимъ же порядкомъ приводятся въ исполненіе заемныя письма, выданныя на опредѣленный срокъ.

Единственное неудобство безсрочныхъ заемныхъ писемъ могло бы представиться со стороны изчисленія срока давности для дѣйствія подобныхъ обязательствъ, но и это неудобство устраняется въ настоящее время тѣмъ, что относительно срока давности для безсрочныхъ заемныхъ писемъ возбужденъ въ здѣшнемъ губернскомъ правленіи законодательный вопросъ, который разсмотрѣнъ уже въ 4-мъ департаментѣ Сената и въ настоящее время находится на обсужденіи общаго собранія Правительствующаго Сената.

В. ИНОСТРАННАЯ.

I.

1) Процессъ по иску дѣвицы Августины Z къ г-ну X по заемному письму.—

Въ февралѣ настоящаго года въ Сенскомъ департаментѣ Франціи производилось довольно интересное дѣло по иску дѣвицы Августины Z къ г-ну X по заемному письму 30 т. франк. (*).

Г. Жераръ, адвокатъ дѣвицы Z, изложилъ предметъ иска слѣдующимъ образомъ:

Дѣвица Августина Z содержала магазинъ бѣлья въ Парижѣ и работала между прочимъ для дома г-жи X. и ея дочерей; эти дамы жили въ провинціи.

Въ 1852 г. дѣвица Z потребовала уплаты должныхъ ей г-жею X по счету за бѣлье денегъ.

Въ это время сынъ г-жи X, баронъ X, былъ очень стѣсненъ въ своихъ денежныхъ средствахъ; онъ былъ тогда поручикомъ, и потому получалъ весьма не большое жалованье.

Получивъ отъ своей матери деньги, слѣдующія г-жѣ X., онъ просилъ ее повременить въ требованіи отъ него уплаты этой суммы. Дѣвица Z, имѣвшая весьма важныя дѣловыя отношенія съ отцомъ X, не могла отказать ему въ этой прось-

(*) Въ газетѣ, изъ которой извлеченъ настоящій процессъ, не означены фамиліи тяжущихся сторонъ.

бѣ.—Съ этого времени молодой баронъ сталъ весьма часто посѣщать дѣвицу Z. Деньги были постоянною цѣлюю его посѣщеній. Въ настоящее время г-жа Z требуетъ взысканія съ X денегъ по письменному обязательству, подписанному г. X.

Въ опроверженіе сего иска г. X ссылается на незаконность и безнравственность основанія, по которому онъ долженъ былъ выдать дѣвицѣ Z означенное обязательство.

Собственно говоря, доказывать основаніе, даннаго г. X обязательства слѣдовало бы не г-жѣ Z, но ея противнику; тѣмъ не менѣе г-жа Z соглашается представить доказательства по этому предмету.

Основаніемъ изложеннаго обязательства былъ заемъ, и чтобы доказать это, я долженъ разъяснить два обстоятельства: во 1-хъ, что г. X былъ стѣсненъ въ своихъ денежныхъ средствахъ и во 2-хъ, что напротивъ того г-жа Z имѣла полную возможность дать въ займы деньги.

Ограниченность денежныхъ средствъ г-на X доказать не трудно.

Съ 1851 г. по 1852 годъ г-нъ X находился на службѣ въ Сень-Сирѣ и былъ въ чинѣ поручика, отецъ его имѣлъ тогда мѣсто сборщика податей и не имѣлъ никакого состоянія; онъ не могъ даже представить поручительства за сына и имѣлъ кромѣ его 5 дѣтей. Хотя въ послѣдствіи г. X и былъ произведенъ въ капитаны, но небольшая прибавка жалованья не дала ему средствъ для покрытія всѣхъ расходовъ, которые онъ долженъ былъ дѣлать.

Напротивъ того коммерческія книги г-жи Z ясно показываютъ, что она была въ состояніи давать деньги въ займы. Впрочемъ г-жа Z не вела постоянного счета деньгамъ, которые она давала въ займы; она дѣлала только замѣтки по этому предмету, и вотъ что она между прочимъ припоминаетъ: она дала сперва г. X 250 фр. для покупки лошади одному изъ его братьевъ, 500 фр. для сдѣланія мундира дру-

гому брату, 1500 фр. предъ отъездомъ г. X въ Крымъ, 500 фр. для уплаты карточного долга и т. д. Кромѣ того г. X не уплатилъ денегъ должныхъ ей за бѣлье, сдѣланное его матери и сестрамъ. Г-жѣ X это было извѣстно, потому что X писалъ г-жѣ Z изъ Бедфора:

« Я говорилъ моей матери о вашемъ добромъ расположеніи къ намъ.»

Эти обстоятельства послужили основаніемъ акту 1 сентября 1856 года. На это быть можетъ возразять, что г. X былъ принужденъ дѣйствовать противъ собственной воли. Но онъ имѣлъ 35 лѣтъ, а г-жа Z только 22 года. Скажутъ ли, что онъ мотъ, расточающій свое состояніе: но онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. Не дѣйствовалъ ли онъ легкомысленно, не смотря на свои 35 лѣтъ? Но его положеніе на службѣ не допускаетъ такой мысли.—Наконецъ актъ 1 сентября 1856 г. писанъ всею его рукою и состоитъ въ слѣдующемъ:

«, Г. X сознаетъ себя должнымъ г-жѣ Z сумму въ 30 т. фр.; 2, этотъ долгъ будетъ уплачиваемъ г-мъ X посредствомъ взноса пожизненно % по 1200 фр. ежегодно, съ тѣмъ, чтобы г-нъ X уплачивалъ г-жѣ Z каждый мѣсяць по 100 франковъ между 1-мъ и 10-мъ числомъ; 3, въ случаѣ женитьбы г-нъ X обязуется вмѣсто взноса ежегодно % уплатить г-жѣ Z одновременно 30 т. фр. въ теченіи 2-хъ лѣтъ, считая со дня свадьбы; 4, въ случаѣ смерти г. X, наследники его должны или продолжить ежегодный взносъ % или внести 30 т. фр. одновременно съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неуплаты ими этой суммы, г-жа Z имѣла преимущественныя права на всю движимость и недвижимость, принадлежащую г-ну X; 5) это условіе дѣлается ничтожнымъ и не состоявшимся въ случаѣ замужества дѣвицы Z., и 6, дѣвица Z обязуется жить въ одномъ городѣ съ г. X, съ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ г. X. имѣетъ право удержать за все время разлуки %, назначенные г. Z по условію.

Совершенъ въ 2 экземплярахъ въ Парижѣ 1-го сентября 1856 г.

Таковы основанія и условія акта, исполненія котораго мы теперь требуемъ. Цѣль этого акта, очевидно, весьма законна, такъ какъ сдѣлка заключалась въ займѣ денегъ.

Что бы убѣдиться въ томъ, достаточно прочесть слѣдующее письмо, которое г. Z писала тестю г. X. прежде начала настоящаго процесса:

Милостивый государь! «Баронъ X, вашъ зять, находился прежде своей женитьбы въ связи со мною, связи, продолжавшейся 6-ть лѣтъ. Въ продолженіи этого времени я имѣла случай оказывать услуги г-ну X; онъ не былъ богатъ, какъ вамъ это извѣстно; я занималась торговлею, какъ и теперь ею занимаюсь, и была въ состояніи располагать значительными суммами денегъ.

Г. X. въ видахъ вознагражденія меня за оказанныя ему денежныя услуги и за доброту мою въ отношеніи къ нему, совершилъ актъ, которымъ обязался уплатить мнѣ сумму въ 30 т. фр., и такъ какъ для уплаты этого долга г. X долженъ былъ дожидаться или выгодной женитьбы, или смерти своего дядюшки, то онъ письменно обѣщаль заплатить означенную сумму чрезъ 2 года послѣ своей свадьбы; онъ располагалъ такимъ образомъ приданнымъ будущей жены своей.

Назначенный имъ срокъ истекъ въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ. Онъ отказывается отъ уплаты должной мнѣ суммы. Я принуждена буду прибѣгнуть къ защитѣ суда и процессъ неизбеженъ, если его родные, или вы г. баронъ, не признаете лучшимъ избавить г. X. отъ скандала, который будетъ сопряженъ съ процессомъ. Я имѣю письма отъ г. X, ясно доказывающія, что должная мнѣ сумма въ 30 т. фр. не была мною у него выпрошена, но что онъ выдалъ мнѣ это обязательство по собственной волѣ.

Вотъ, г. баронъ, въ какомъ положеніи я теперь нахожусь. Чувство деликатности заставляетъ меня избѣгать процесса, который даже въ случаѣ наиболѣе удачнаго исхода для г. X, оставитъ пятно на его чести и можетъ повредить его будущности и его положенію въ обществѣ.

Я вамъ пишу съ тѣмъ, что бы дочь ваша не знала о такомъ поведеніи своего мужа. Я думаю, г. баронъ, что если бы я показала письма его ко мнѣ за два дня до его свадьбы, то это произвело бы на васъ и на дочь вашу не совсѣмъ выгодное для него впечатлѣніе. Г. X, какъ отецъ семейства, долженъ стараться передать свое имя сыну незапятнаннымъ.

Я васъ прошу для пользы вашего зятя и вашей дочери убѣдить г. X кончить это дѣло со мною миролюбно».

Притомъ, замѣтилъ адвокатъ, обязанность доказать незаконность договора лежитъ на должникѣ, а не на заимодавцѣ».

Г. Леонъ д'Етангъ, адвокатъ г. X, въ опроверженіе иска дѣвицы Z, приводилъ слѣдующіе доводы:

«Мы вполнѣ отвергаемъ искъ г. Z къ г. X 30 т. франковъ. Прежде всего слѣдуетъ разрѣшить, что послужило основаніемъ акту 1-го сентября 1856 г., происходитъ ли онъ отъ займа или отъ дара; если это заемъ, то я докажу его ничтожность, и что г. X. никогда не получалъ отъ г. Z и не занималъ никакой суммы; если это даръ, то актъ опять ничтоженъ, потому, что онъ заключаетъ въ себѣ основаніе, противное нравственности и общественному порядку.

Притомъ, почему г. Z домогается уплаты ей 30 т. фр., тогда какъ актъ показываетъ только взносъ 1200 фр.

Одно это обстоятельство наводитъ сомнѣніе. Самый взносъ 1200 фр. никогда не имѣлъ мѣста и не былъ требуемъ, что доказываетъ ничтожность акта.

Посмотримъ теперь, при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ совершенъ.

Ж. М. Ю. Т. IV. Ч. II.

Мой кліентъ, будучи молодымъ офицеромъ, познакомился въ 1853 году на балѣ въ оперѣ съ дѣвицею Z . . , онъ почувствовалъ къ ней внезапную страсть, его ухаживаніе было обнадѣжено и вскорѣ между нимъ и дѣвицею Z установились близкія отношенія. Въ іюль 1854 г. г. X уѣхалъ въ Крымъ и возвратился только въ 1856 г.; отношенія его къ г-жѣ Z возстановились, страсть его усилилась болѣе чѣмъ когда нибудь и, тогда то онъ, подѣ влияніемъ этой хитрой женщины, подписалъ актъ, о которомъ идетъ рѣчь. Но достигнувъ своей цѣли, г-жа Z стала выражать въ отношеніи къ г. X холодность, которая въ скоромъ времени образумила его и онъ наконецъ женился.

Черезъ два года послѣ этой свадьбы, именно въ октябрѣ 1858 г. дѣвица Z написала своему прежнему любовнику письмо, въ которомъ объяснила ему, что ей нечего щадить или бояться, и угрожала ему скандальнымъ процессомъ.

Что долженъ былъ сдѣлать г. X, будучи поставленъ въ такое положеніе? долженъ ли онъ былъ рѣшиться на ежегодный взносъ 1200 фр., или заплатить 30 т. фр.? Г. X долженъ былъ прежде всего исполнить принятія имъ на себя новыя обязанности, его положеніе какъ мужа и отца было весьма тягостно.

Забывая всю опасность своего положенія, онъ рѣшился искупить свою ошибку, сдѣлавъ ее гласною; но какъ честный человѣкъ онъ не могъ обратить на жену и на дѣтей своихъ неприятныхъ послѣдствій этой ошибки.

Тогда дѣвица Z угрозу свою привела въ исполненіе, и, написавъ нѣсколько писемъ, сдѣлавшихъ тревогу въ двухъ семействахъ, предъявила къ г. X настоящій искъ.

Объяснивъ такимъ образомъ обстоятельства дѣла, обратимся къ разсмотрѣнію сущности самаго акта.

— Есть ли это заемъ? актъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Г. X сознаетъ себя должнымъ, вотъ и все, онъ не-

объясняетъ, получилъ ли онъ отъ г-жи Z деньги. При отношеніяхъ, бывшихъ между г-мъ X и дѣвицею Z, предположеніе о займѣ представляется невѣроятнымъ и противурѣчить общему порядку вещей. Притомъ съ какою цѣлю и для какого употребленія была занята такая значительная сумма? Всѣ доводы дѣвицы Z по этому предмету совершенно голословны, истину нужно искать не въ этихъ доводахъ и найти ее не трудно.

Одна только вѣроятность представлялась въ пользу г. Z, она занималась торговлею и имѣла денежныя средства; по этому она могла давать деньги въ займы: но какъ объяснить, что въ ея счетныхъ книгахъ не показанъ отпущекъ изъ кассы такой огромной суммы?

Такимъ образомъ всѣ приводимые г. Z доводы опровергаются обстоятельствами дѣла и содержаніемъ акта; они опровергаются даже собственнымъ признаніемъ г-жи Z. Дѣйствительно, какъ объяснить, что при отъѣздѣ г-на X въ Крымъ въ 1854 году, г-жа Z, бывшая уже въ то время кредиторшею его, не приняла самой обыкновенной предосторожности для огражденія этой долговой претензіи; возможно ли это? Ни росписка, ни письмо не утвердили этаго долга, который былъ такимъ образомъ подвергнутъ всѣмъ случайностямъ войны.

Изъ этаго ясно видно, что въ 1854 г. г. X ничего не былъ долженъ г-жѣ Z, съ этого времени до 1856 г. заемъ очевидно не могъ быть совершенъ, г. X возвратился въ іюні 1856 г., а обязательство выдано имъ 1-го сентября, такимъ образомъ 30 т. фр. должны были бы быть выданы менѣ чѣмъ въ три мѣсяца времени.

Наконецъ въ продолженіи двухъ лѣтъ г-жа Z не предъявляла къ г-ну X никакого требованія, ничего не предпринимала для полученія отъ него долга. Могъ ли бы такъ поступить дѣйствительный кредиторъ? Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г-ну X, г-жа Z напоминаетъ ему, что актъ этотъ

долженъ былъ упрочить ея будущность, она говоритъ не о займѣ, но о вознагражденіи за оказанныя услуги.—Обстоятельство это показываетъ, что актъ 1-го сентября 1856 года имѣетъ противузаконное основаніе и трибуналь долженъ его отвергнуть.

Въ заключеніе г. Д'Етангъ приводитъ въ доказательство ничтожности дара послѣдующее рожденіе у г-на X дѣтей (*survenance d'enfants*).

Трибуналь, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ слѣдующее опредѣленіе:

1. Имѣя въ виду, что дѣвица Z требуетъ отъ г-на X сумму въ 30 т. франковъ по обязательству, совершенному симъ послѣднимъ въ ея пользу;

имѣя въ виду, что г. Z не привела достаточныхъ доказательствъ тому, что она дѣйствительно дала г. X означенную въ семь обязательствъ сумму; «что однимъ изъ пунктовъ обязательства постановлено, что г. Z не можетъ ничего требовать отъ X въ случаѣ выхода замужъ; что г. Z вѣроятно не согласилась бы на такое условіе, если бы она дѣйствительно заняла г. X сумму въ 30 т. франковъ;

имѣя въ виду, что подписанное г. X обязательство уплатить г. Z 30 т. фр., должно быть разсматриваемо какъ даръ, «что этотъ даръ былъ сдѣланъ по причинамъ противнымъ нравственности, а потому долженъ быть признанъ ничтожнымъ; имѣя наконецъ въ виду, что этотъ даръ былъ бы признанъ ничтожнымъ по случаю послѣдующаго рожденія у г. X дѣтей,

трибуналь, находя искъ г. Z къ г. X неосновательнымъ, опредѣлилъ: въ искѣ семь ей отказать, подвергнувъ ее взысканію установленныхъ за неправый искъ пошлинъ.

Такъ какъ рѣшеніе суда не подкрѣплено ссылкой на законы, то мы приведемъ относящіяся къ настоящему случаю

статьи гражданского кодекса, изъ соображенія коихъ можно будетъ сдѣлать заключеніе о правильности разрѣшенія изложеннаго дѣла.

Приэтомъ мы будемъ по прежнему руководствоваться кодексомъ съ комментаріями Рогрона, бывшаго адвоката Кассационнаго суда.

По французскимъ законамъ заемъ бываетъ 2-хъ родовъ: 1) заемъ вещей непотребляемыхъ (*prêt à usage ou commodat*); 2) заемъ вещей потребляемыхъ (*prêt à consommation*).

При займѣ 2-го рода допускаются %; причемъ заимодавецъ можетъ принять на себя обязательство не требовать отъ должника уплаты самаго капитала.

Въ такомъ случаѣ заемъ называется *rente* (доходъ).

Доходъ этотъ можетъ быть или *непрерывный* (*perpetuel*) или *пожизненный* (*viagère*).

Въ первомъ случаѣ должникъ обязывается постояннымъ ежегоднымъ взносомъ заимодавцу опредѣленныхъ %.

Во второмъ случаѣ этотъ взносъ прекращается со смертію одного изъ лицъ, заключившихъ обязательство.

Впрочемъ при непрерывномъ доходѣ допускается и одновременная уплата всего капитала (*la rente est rachetable*).

Но договаривающіяся стороны имѣютъ право постановить, что такой выкупъ можетъ совершиться не прежде извѣстнаго срока, который во всякомъ случаѣ не можетъ превосходить 10 лѣтъ, — (1905—1914).

Пожизненный *доходъ* (*rente viagère*) можетъ быть установленъ или за *извѣстную сумму денегъ* (*à titre onéreux*) или безвозмездно (*à titre gratuit*), посредствомъ дара или духовнаго завѣщанія.

Въ первомъ случаѣ обязательство можетъ быть совершено домашнимъ порядкомъ (*sous seing privé*), а въ послѣднемъ случаѣ обязательство должно быть совершено со

всѣми формальностями, постановленными для актовъ даренія (acte de donation) (1968—1970).

Для дѣйствительности договора или обязательства вообще гражданскій кодексъ постановляетъ слѣдующія 4 условия: 1) добровольное согласіе лица обязующагося (le consentement de la personne, qui s'oblige); 2) способность обязующихся сторонъ вступать въ договоры и обязательства (la capacité de contracter); 3) дѣйствительность предмета обязательствъ (un objet certain, qui forme la matière de l'obligation) и 4) законное основаніе обязательства (une cause licite dans l'obligation) (1108 ст.).

Обязательство, не имѣющее никакого основанія (sans cause), или имѣющее незаконное основаніе (une cause illicite), не можетъ имѣть силы (ст. 1131).

По замѣчанію Рогрона, основаніе договора (cause), есть то, изъ чего проистекаетъ обязательство, которое принимаетъ на себя одна изъ договаривающихся сторонъ.

Основанія договора не слѣдуетъ смѣшивать съ поводомъ его заключенія (motif); основаніемъ обязательства одной изъ сторонъ служить дѣйствіе или обѣщаніе другой стороны; оно можетъ также состоять въ добровольномъ желаніи одной изъ сторонъ совершить даръ.

Такъ если N обязуется уплатить Р 1000 франковъ за услуги, оказанныя ему отцомъ сего послѣдняго, то основаніемъ обязательства представляются услуги, оказанныя N отцомъ Р, а поводомъ, по которому N заключилъ обязательство—желаніе N вознаградить Р за услуги, оказанныя ему отцомъ его.

Если отецъ Р никогда не оказывалъ услугъ N, о которыхъ говорится въ актѣ, то договоръ не имѣетъ основанія (sans cause).

Наконецъ, если кто либо уступаетъ другому лицу известную вещь съ согласія сего послѣдняго, въ видѣ дара, то

желаніе совершить даръ представляется единственнымъ основаніемъ договора.

Договоръ признается дѣйствительнымъ, хотя основаніе его и не выражено въ актѣ (1132 ст. кодекса).

По замѣчанію Рогрона, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предполагать, что договоръ имѣетъ основаніе и притомъ правильное основаніе, до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное. По этому обязанность доказывать, что обязательство не имѣетъ основанія, или имѣетъ неправильное основаніе, лежитъ на томъ, кто оспариваетъ это обязательство.

Основаніе обязательства считается незаконнымъ, когда оно запрещено закономъ, или противно нравственности и общественному порядку (1133).—

Обязательство называется *потестативнымъ* (*), когда исполненіе онаго зависитъ отъ воли договаривающихся сторонъ (1170).

Дареніе, совершенное лицомъ, не имѣвшимъ дѣтей или нисходящаго потомства, признается ничтожнымъ въ случаѣ рожденія у дарителя *посль совершенія сего акта* законнаго ребенка или въ случаѣ усыновленія имъ незаконнаго ребенка посредствомъ послѣдующаго брака (*la survenance d'enfants*) (960 ст.)

По объясненію Рогрона, основаніе сего закона состоитъ въ предположеніи, что даритель, не имѣвшій дѣтей во время совершенія акта даренія, не совершилъ бы сего акта, если бы онъ имѣлъ дѣтей или предвидѣлъ, что будетъ ихъ имѣть.

Изъ соображенія этихъ узаконеній съ настоящимъ случаемъ видно, что обязательство выданное г-мъ X дѣвицѣ Z заключало въ себѣ договоръ пожизненнаго дохода (*rente viagère*), и притомъ подъ условіями, исполненіе коихъ зависѣло отъ воли договаривавшихся сторонъ. Такими условіями

(*) См. Журналъ М-ва Юст. за 1839 годъ № 6 ст. Мейера о гражданской дѣятельности лицъ, стр. 23.

представляются уничтоженіе акта въ случаѣ выхода дѣвицы Z за мужъ и временное прекращеніе дѣйствія его въ случаѣ разлуки дѣвицы Z съ г. X.

Подобнаго рода договоры допускаются закономъ и называются, какъ выше изъяснено, потестативными.

Въ основаніе къ опроверженію иска г-жи Z адвокатъ г-на X приводилъ, что г-нъ X никогда не получалъ отъ г-жи Z 30 т. франковъ.

Въ подтвержденіе сего довода, онъ сослался на письма г-жи Z къ г-ну X, въ которыхъ она изъясняла, что актъ 1 сентября 1856 года долженъ былъ упрочить ее будущность, и не говоря ничего о займѣ, упоминала о *благодарности за оказанныя услуги*.

Притомъ въ счетныхъ книгахъ г-жи Z не было показано отпуска изъ кассы такой значительной суммы денегъ, что, по мнѣнію адвоката, равнымъ образомъ доказывало безденежность выданнаго г-мъ X г-жѣ Z обязательства.

Трибуналь призналъ, что г-жа Z не представила достаточныхъ доказательствъ дѣйствительности займа его г-ну X 30 т. франковъ, и что за симъ обязательство, выданное ей г-мъ X, слѣдуетъ разсматривать какъ актъ даренія.

Имѣя притомъ въ виду, что основаніе этого даренія противно нравственности, и что дѣйствіе онаго уничтожается по случаю послѣдующаго рожденія у г-на X дѣтей, трибуналь искъ г-жи Z къ г-ну X оставилъ безъ уваженія.

При немнѣннн въ виду писемъ г-жи Z, на которыя сослался адвокатъ г-на X въ подтвержденіе безденежности обязательства 1-го сентября 1856 года, нельзя съ точностію судить о правильности приведеннаго рѣшенія трибунала.

Тѣмъ не менѣе это рѣшеніе, по нашему мнѣнію, не вполне соотвѣтствуетъ приведеннымъ узаконеніямъ Французскаго гражданскаго кодекса.

Такъ н. п. въ основаніе къ признанію безденежности заемнаго обязательства, выданнаго г-жѣ Z г-мъ X, трибуналь принялъ то обстоятельство, что г-жа Z недоказала достаточнымъ образомъ дѣйствительности займа ею г-ну X 30 т. франковъ.

Между тѣмъ, по смыслу приведенныхъ статей гражданскаго кодекса и по замѣчанію Рогрона, обязанность доказывать отсутствіе основанія или неправильность основанія, послужившаго поводомъ къ заключенію акта, лежитъ на томъ, кто оспариваетъ это обязательство.

Слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ обязанность доказать дѣйствительность или недѣйствительность заемнаго обязательства 1-го сентября 1856 г. лежала на г-нѣ X, а не на г-жѣ Z.

Кромѣ того, намъ кажется, что доводы, приведенные адвокатомъ г-на X въ доказательство безденежности обязательства, выданнаго имъ г-жѣ Z, не подкрѣплены достаточными доказательствами.

Опровергая дѣйствительность основанія, послужившаго поводомъ къ заключенію обязательства 1-го сентября 1856 года, адвокатъ г-на X, между прочимъ, изъяснилъ, что при отношеніяхъ, бывшихъ между г-мъ X и г-жею Z, заемъ денегъ представляется невѣроятнымъ и противнымъ общему порядку вещей.

Это объясненіе адвоката оказывается голословнымъ, и притомъ опровергается собственнымъ удостовѣреніемъ адвоката въ томъ, что г-нъ X былъ стѣсненъ въ своихъ средствахъ, и что напротивъ г-жа Z, занимаясь торговлею, имѣла возможность располагать своими деньгами.

Объясненіе адвоката, что въ счетныхъ книгахъ г-жи Z не показанъ отпускъ изъ кассы 30-т. франковъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ обязательству, выданному ей г-мъ X.

Счетныя книги ведутся по дѣламъ торговымъ, а сдѣлка г-жи Z съ г-мъ X совершена была независимо отъ дѣлъ ея по торговлѣ и была обезпечена законнымъ актомъ, почему не представлялось и надобности въ обозначеніи врученныхъ г-жею Z г-ну X денегъ въ счетныя книги или въ совершеніи особой по сему предмету росписки.

Тѣмъ не менѣ весьма можетъ быть, что при внимательномъ разсмотрѣннн дѣла во всей подробности, представилось бы основаніе къ признанію обязательства 1-го сентября 1856 г. безденежнымъ.

Въ такомъ случаѣ актъ этотъ слѣдуетъ разсматривать какъ договоръ (*rente*), установленный безвозмездно (*à titre gratuit*).

Выше было замѣчено, что такой договоръ принимаетъ всѣ свойства акта даренія (*acte de donation*).

По смыслу французскихъ законовъ, дареніе признается недѣйствительнымъ, когда оно совершено съ цѣлю противною нравственности, равно и въ томъ случаѣ, когда послѣ совершенія акта даренія у дарителя рождаются законныя дѣти.

Такъ какъ законъ не опредѣляетъ положительно, что именно слѣдуетъ считать цѣлю, противною нравственности, то засимъ признаніе подобной цѣли въ каждомъ частномъ случаѣ зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ усмотрѣнія суда.

Посему, и такъ какъ у г-на X родились дѣти послѣ совершенія акта 1-го сентября 1856 г., то трибуналь, разсматривая обязательство, совершенное г-мъ X, какъ актъ даренія, имѣлъ полное основаніе признать его недѣйствительнымъ.

Изъ приведенныхъ статей французскаго гражданскаго кодекса видно, что правила французскихъ законовъ о договорахъ и обязательствахъ существенно отличаются отъ дѣйствующихъ по сему предмету нашихъ гражданскихъ законовъ.

Не касаясь собственно способа совершенія договоровъ и обязательствъ по французскимъ законамъ, не имѣющаго почти

ничего общаго съ нашимъ порядкомъ совершенія актовъ, о чемъ было упомянуто въ 5 книжкѣ журнала Министерства Юстиціи по поводу процесса Беля и Марминья, мы рассмотримъ лишь сущность обязательства, выданнаго г-омъ X, г-жѣ Z 1-го сентября 1856 года.

Актъ этотъ въ примѣненіи къ нашимъ законамъ есть заемное письмо, домашнимъ порядкомъ совершенное.

Подобнаго рода обязательства, хотя и законнымъ порядкомъ совершенныя, почитаются недѣйствительными, если по судебному разсмотрѣнію найдено будетъ, что заемъ *безденежный* (2014 и 2036 ст. X т. ч. 1-й).

Поэтому для признанія недѣйствительности акта 1-го сентября 1856 г. по нашимъ законамъ, г-нъ X долженъ былъ бы доказать безденежность означеннаго обязательства.

Затѣмъ въ случаѣ признанія безденежности, актъ этотъ подлежалъ бы безусловному уничтоженію.

Между тѣмъ по французскимъ законамъ обязательство, хотя и безденежное, можетъ имѣть силу, какъ актъ даренія, если притомъ не нарушены правила, постановленныя для актовъ подобнаго рода.

Это правило французскихъ законовъ очевидно не свойственно нашему законодательству.

Кромѣ того, что безденежное заемное письмо ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо, какъ актъ даренія, самыя условія, постановляемыя французскими законами для дѣйствительности актовъ даренія, не существуютъ въ нашихъ законахъ.

При такомъ различіи между нашими и французскими законами о договорахъ и обязательствахъ, точное разрѣшеніе изложеннаго дѣла съ точки зрѣнія французскаго законодательства представляется по нашимъ законамъ очевидно не возможнымъ.

М. З.

II.

Дѣло объ ограбленіи супруговъ Гиуресъ.—Неправильное присужденіе двухъ подсудимыхъ, Баффе и Луарна, къ каторжной работѣ.—Судебныя ошибки.

Общественное мнѣніе Франціи, въ началѣ 1860-го года, было сильно встревожено извѣстіемъ, что Финистерскій ассизный судъ счелъ необходимымъ воспретить опубликованіе процесса, который, по существу своему, не только не допускалъ никакой тайны, а напротивъ настоятельно требовалъ самой обширной гласности.

Тоже самое дѣло, но при другихъ обвиненныхъ, было предметомъ разсмотрѣнія Финистерскаго суда въ апрѣлѣ 1854 года. Но тогда судъ происходилъ при открытыхъ дверяхъ и ходъ дѣла былъ опубликованъ. Всѣмъ было извѣстно, что результатомъ процесса было осужденіе Проспера Баффе и Ива Луарна; для обоихъ были допущены обстоятельства, смягчающія вину, и только вслѣдствіе этого, они были приговорены къ каторжной работѣ: первый на двадцать лѣтъ, а второй на безсрочное время.

Оба осужденные уже умерли; Баффе на каторгѣ въ Брестѣ въ 1855, а Луарнъ въ Каеннѣ въ 1856 г. Оба не были виновны въ преступленіи, за которое были осуждены. Новое слѣдствіе, сами судьи, приговоръ произнесенный противъ истинныхъ виновныхъ,—все подтверждаетъ ихъ невинность; между тѣмъ, по силѣ французскихъ уголовныхъ законовъ невинность ихъ, доказанная до очевидности, не можетъ

быть признана формальнымъ образомъ и приговоръ, опозоривающій ихъ память, тяготѣющій надъ ихъ семействами, не можетъ быть отмѣненъ и остается въ полной силѣ со всѣми своими послѣдствіями. Доведенныя до нищеты и обезпеченныя семейства этихъ несчастныхъ могли по крайней мѣрѣ надѣяться, что гласность процесса настоящихъ виновныхъ и опубликованіе его результатовъ, доставить имъ хотя нѣкоторое вознагражденіе и облегчить ихъ горестное положеніе. Но опредѣленіе суда, въ силу коего и при отсутствіи всякаго протеста со стороны государственнаго обвинителя, было запрещено опубликованіе этого дѣла въ газетахъ, лишило ихъ и этого послѣдняго удовлетворенія.

Отъ этихъ общихъ разсужденій, высказанныхъ редакціею газеты, изъ которой заимствованы нами свѣдѣнія о настоящемъ процессѣ, перейдемъ къ изложенію самаго процесса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходилъ въ 1854 г. Для этого воспользуемся обвинительнымъ актомъ противъ Баффе и Луарна, который въ то время былъ опубликованъ.

Въ ночь съ 17 на 18 января 1854 семейства Гигуресъ, состоявшее изъ мужа, Ивана Гигуресъ, старика 74 лѣтъ, получившаго незадолго значительную сумму денегъ, жены его и служанки, было разбужено взломомъ наружныхъ дверей. Въ ту же минуту въ комнату вошли два человѣка, изъ которыхъ старшій держалъ въ рукахъ свѣчу, а другой, казавшійся моложе, былъ вооруженъ ружьемъ и пистолетомъ. Лица обоихъ были вымазаны сажей и сверхъ платья ихъ были надѣты бѣлыя рубахи. Съ угрозами приказали они встать супругамъ Гигуресъ и потребовали денегъ. Старшій подошелъ къ постели, вытащилъ оттуда жену Гигуреса и билъ ее ногами въ животъ; потомъ онъ ударилъ въ лицо Ивана Гигуреса, схватилъ его за горло и, приведя его на середину комнаты, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ. Въ это время, товарищъ его прицѣлился въ старика изъ ружья и угрожалъ выстрѣлить, если онъ и жена его будутъ кричать и не отдадутъ денегъ,

прибавляя, что потомъ подожжетъ ихъ домъ. Гигуресь однако не сказалъ, гдѣ лежатъ деньги; но разбойники обыскали весь домъ и наконецъ нашли въ шкапу около 2000 франковъ. Гигуресь, успѣвшій пробраться къ дверямъ, хотѣлъ бѣжать, но былъ остановленъ третьимъ разбойникомъ, караулившимъ на дворѣ.

Послѣ ухода ихъ, нѣсколько сосѣдей, сбѣжавшихся на крики Гигуреса, погнались за преступниками и на другой день слѣды ихъ были открыты около мѣстечка Банналекъ, гдѣ жили Баффе и Луарнь, люди сомнительной репутаціи. Подозрѣнія пали на нихъ, и по обыску, произведенному въ домѣ Баффе, найдены были окровавленные и запачканныя грязью платки и рубашка. Поставленные на очную ставку съ супругами Гигуресь и ихъ служанкою, Баффе и Луарнь были признаны ими за воровъ, а служанка утверждала даже, что узнаетъ ихъ голосъ. Сверхъ того медицинскій осмотръ открылъ на лицѣ ихъ слѣды сажи.

Отвѣты подсудимыхъ на допросъ не опровергли достаточно взводимыя на нихъ обвиненія; сверхъ того, по слѣдствию было доказано, что оба были въ крайней нищетѣ, а Баффе угрожала опись имущества. Луарнь же 17 января предлагалъ одному изъ своихъ знакомыхъ украсть хлѣба и денегъ.

Призванные къ процессу свидѣтели въ показаніяхъ своихъ не были единогласны; трое изъ нихъ объявили, что узнаютъ обвиненныхъ по голосу и по росту.

Баффе и Луарнь до конца утверждали, что они невинны. Признанные виновными, они были присуждены къ упомянутому уже выше наказанію.

Въ 1859 г. были открыты истинные виновники преступленія, совершеннаго въ 1854 г., и такимъ образомъ, ясно была доказана невинность несчастныхъ жертвъ описанной нами судебной ошибки.

Настоящие преступники, Мильюръ, Жамбонъ, Оливье и вдова Сенгенъ были представлены въ Финистерскій ассизный судъ. Обвинительный актъ торжественно провозглашалъ невинность Баффе и Луарна, и при запрещеніи закономъ официального ея признанія, указывалъ на гласность и обнаруженіе процесса какъ на средство, хотя отчасти исправить сдѣланную ошибку.

Докладывавшій это дѣло членъ суда выразился по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

«Истинные виновники въ рукахъ правосудія. Ихъ ожидаетъ по справедливости заслуженное наказаніе. Смерть Луарна и Баффе дѣлаетъ невозможнымъ исправленіе судебной ошибки, жертвою которой они были; но честь ихъ будетъ гласно и торжественно возстановлена новыми преніями и новымъ приговоромъ присяжныхъ.»

Зала суда была наполнена публикою, желавшею присутствовать при этомъ важномъ процессѣ.

При открытіи засѣданія, президентъ Одруенъ спросилъ императорскаго прокурора, не сдѣлаетъ ли онъ съ своей стороны какогонибудь замѣчанія; чиновникъ этотъ отвѣчалъ отрицательно, и тогда судъ, не посоветовавшись съ защитниками обвиненныхъ, заключилъ: запретить опубликованіе процесса, потому что въ немъ могли возникнуть обстоятельства, нарушающія общественный порядокъ и нравственность.

Это заключеніе суда лишаетъ насъ возможности передать ходъ процесса и мы должны ограничиться извѣстіемъ, что обвиненные были приговорены къ каторжной работѣ: Мильюръ и вдова Сенгенъ на безсрочное время, Жамбонъ на двадцать, а Оливье на пятнадцать лѣтъ.

Первые три преступника подали жалобу на этотъ приговоръ въ кассационный судъ, которому совѣтникъ Серрюрье представилъ по этому дѣлу слѣдующій докладъ:

«Жалующіяся лица были приговорены за воровство, совершенное въ обитаемомъ жилищѣ скопомъ, ночью, со взломомъ и оружіемъ въ рукахъ, при помощи угрозъ и насилія, причинившаго раны и ушибы».

«Преступленіе это было совершено въ январѣ 1854 г., жертвами его были супруги Гигуресь».

«Изслѣдованіе было произведено самымъ тщательнымъ образомъ и представленные въ апрѣлѣ того же года въ Финистерскій ассизный судъ, Баффе и Луарнъ, были признаны виновными и присуждены къ каторжной работѣ. Оба они были невинны и умерли подѣ дѣйствіемъ приговора, первый въ Брестѣ, а второй въ Кайеннѣ, оставивъ по себѣ доведенныя до нищеты семейства, самое имя коихъ столь жестоко опозорено».

«Протоколъ засѣданія 21 января 1860 г. говоритъ намъ, что судъ, ссылаясь на ст. 17 декрета 17 февраля 1852 г., запретилъ опубликованіе дебатовъ, во вниманіе тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя такое оглашеніе могло бы имѣть для общественнаго порядка и нравственности».

«Правила, изложенныя въ ст. 17 декрета 17-го февраля 1852 года, кажутся совершенно положительными. Тѣмъ не менѣе, можетъ возникнуть вопросъ, безусловно ли входятъ въ кругъ предоставленной судебнымъ палатамъ власти, всѣ вообще воспрещенія обнародывать процессы, воспрещенія столь значительно препятствующія гласности судопроизводства? должны ли эти воспрещенія совершенно ускользать отъ пересмотра верховнаго суда?»

«Въ настоящемъ случаѣ, обращая вниманіе лишь на самое существо дѣла, трудно догадаться, почему въ 1860 г. обнародованіе этаго процесса представляетъ опасности, которыхъ оно не имѣло въ 1854 году, эпохѣ несчастнаго осужденія Баффе и Луарна. Быть можетъ, верховный судъ найдетъ, что подѣ вредными послѣдствіями, о которыхъ упоминаетъ воспретительный приговоръ, Финистерскій судъ понималъ первоначальное об-

виненіе, ошибочность коего, стала бы всѣмъ извѣстна вмѣстѣ съ новымъ осужденіемъ».

«Верховный судъ найдетъ можетъ быть также, что не слѣдовало бы разрѣшать и оставлять въ силѣ подобныхъ запрещеній».

«Ст. 443 кодекса уголовного судопроизводства допускаетъ пересмотръ приговоровъ въ томъ случаѣ, когда два противорѣчащія осужденія были произнесены по одному и тому же преступленію и когда несогласимое различіе ихъ свидѣтельствуетъ о невинности одного изъ осужденныхъ. Но ходатайство о пересмотрѣ судебного рѣшенія не предоставлено лицамъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ; они могутъ домогаться того не иначе, какъ чрезъ министра юстиціи. Текстъ закона слѣдующій «министръ юстиціи поручаетъ генеральному прокурору кассационнаго суда обратить вниманіе сего суда на два противорѣчащія приговора; онъ дѣлаетъ это или вслѣдствіе просьбы обвиненныхъ, или вслѣдствіе донесенія генеральнаго прокурора, или наконецъ непосредственно отъ себя, по обязанности своего званія». Смыслъ этого закона приводитъ насъ къ убѣжденію, что если бы жертвы совершенной въ 1854 г. судебной ошибки, Баффе и Луарнъ были живы въ настоящее время, то верховный судъ, конечно, счелъ бы своею обязанностью отмѣнить рѣшеніе, которое оставляетъ въ силѣ два противорѣчащія приговора и покрываетъ ихъ непроницаемою тайною».

«Безразсудно было бы считать непогрѣшимымъ человѣческій судъ; боязнь уменьшить къ нему довѣріе чрезъ обнародываніе ошибокъ, къ счастью столь рѣдкихъ, что самое оглашеніе ихъ скорѣе составляетъ гарантію, не можетъ оправдать употребленія исключительной власти, предоставленной судамъ декретомъ 1852 г. Вѣчные законы истины и справедливости не терпятъ исключеній и забота объ интересахъ невиннаго, находящагося подъ бременемъ несправедливаго осужденія, есть самая священная изъ обязанностей. Кассационный судъ непременно от-

и были бы запрещеніе опубликовать дебаты уголовного дѣла, если запрещеніе это, направленное только къ сокрытію судебной ошибки, препятствовало бы полному восстановленію чести невиннаго и затрудняло-бы пересмотръ приговоровъ, двукратное исполненіе коихъ возмущаетъ нравственное чувство.

«Правда, Луарнъ и Баффе умерли, а законъ дозволяетъ посмертное восстановленіе чести невинно-осужденнаго лишь въ случаѣ, если онъ былъ судимъ за убійство. Но верховный судъ не забылъ, что въ 1808, 1821, 1822, 1826 и 1854 годахъ этотъ недостатокъ нашего законодательства былъ предметомъ обсужденій законодательныхъ собраній; онъ вспомнилъ также столь часто встрѣчающіяся сожалѣнія о томъ, что официальное признаніе судебной ошибки не допускается и что даже доказанная невинность не даетъ семейству осужденнаго средства восстановить его честь. Но запрещеніе опубликовать дебаты еще болѣе усиливаетъ объясненный выше недостатокъ и совершенно уничтожаетъ возможность исправленія сдѣланной ошибки и нравственнаго удовлетворенія».

«Мы надѣмся, что кассационный судъ не оставитъ безъ вниманія высказанныя нами соображенія и въ такомъ случаѣ, обсужденію его будетъ подлежать вопросъ: не воспользовался ли Финистерскій уголовный судъ предоставленною ему декретомъ 1852 г. властью, безъ всякой законной причины и въ противность духу не только этого декрета, но и основныхъ началъ справедливости, выраженныхъ ст. 443 и послѣдующими кодекса уголовного судопроизводства».

«Обжалованное судебное рѣшеніе вызываетъ еще другое замѣчаніе».

Изъ протокола засѣданій Финистерскаго суда видно, что президентъ, спросивъ генеральнаго прокурора, не имѣетъ ли онъ что нибудь сказать, и по полученіи отрицательнаго отвѣта, немедленно произнесъ заключеніе, воспретившее опубликованіе процесса, не предваривъ о томъ защитниковъ новыхъ

обвиненныхъ и лишивъ ихъ такимъ образомъ возможности представить суду свои возраженія».

«Въ обвинительномъ актѣ генеральный прокуроръ, упоминая о несправедливомъ осужденіи въ 1854 году двухъ невинныхъ, выразился такъ:

«Истинные виновники въ рукахъ правосудія, ихъ ожидаютъ по справедливости заслуженное наказаніе. Смерть Луарна и Баффе дѣлаетъ невозможнымъ исправленіе судебной ошибки, жертвой которой они были; но честь ихъ будетъ гласно и торжественно восстановлена преніями этого дѣла и новымъ приговоромъ присяжныхъ».

«Нѣтъ сомнѣнія, что защитники присоединились бы къ выраженію столь благородныхъ чувствъ и, быть можетъ, убѣдили бы судъ отвергнуть всякую исключительную мѣру и сохранить и въ этомъ дѣлѣ полную гласность, предписываемую нашимъ законодательствомъ. Кассационный судъ обсудить, не было ли предварительное сообщеніе обвиненнымъ намѣренія воспретить обнародованіе преній обязательнымъ для суда, въ особенности при отсутствіи всякаго, въ этомъ отношеніи, замѣчанія со стороны государственнаго обвинителя».

«Мы можемъ привести еще соображеніе въ пользу отмены обжалованнаго приговора. Мы разумѣемъ тѣ рѣшенія кассационнаго суда, коими постановлено, что при составленіи приговоровъ, запрещающихъ гласность процесса и въ случаѣ заявленнаго государственнымъ обвинителемъ требованія этого запрещенія, ничто не обязываетъ президента Ассизовъ спрашивать мнѣнія защитниковъ по сему предмету. Ясно, что при отсутствіи всякаго, въ этомъ отношеніи, требованія генеральнаго прокурора, президентъ долженъ былъ непременно выслушать замѣчанія защитниковъ, прежде чѣмъ приступить къ составленію заключенія».

Вотъ краткое изложеніе доклада члена кассационнаго суда Серрюрье. Онъ, съ большимъ достоинствомъ и съ автори-

тетомъ своего званія, порицалъ запретительный приговоръ Финистерскаго ассизнаго суда и высказалъ чувства всѣхъ одушевленныхъ.

Адвокатъ апелляторовъ Груалль, въ началѣ своей рѣчи указалъ на допущенную, при производствѣ дѣла, неправильность при выборѣ по жребію присяжныхъ, и затѣмъ перешелъ къ запрещенію Финистерскимъ судомъ опубликовывать процессъ. Упомянувъ о произведенномъ этимъ запрещеніемъ тяжеломъ впечатлѣніи, онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

«Невинность Баффе и Луарна теперь открыта; вамъ предстояло бы торжественно признать ихъ невинность, если бы преждевременная смерть этихъ несчастныхъ не сдѣлала невозможнымъ всякое исправленіе этой судебной ошибки. Но самая эта невозможность еще сильнѣе должна была бы убѣдить въ совершенной необходимости гласности процесса, которая одна могла дѣятельно способствовать возстановленію чести умершихъ».

«Быть можетъ кассационный судъ не убѣдится нашими доводами и не сочтетъ себя въ правѣ отмѣнить обжалованное рѣшеніе. Но мы просимъ его видѣть въ нашихъ усиліяхъ исполненіе священнаго долга. Память о несчастныхъ умершихъ мы можемъ почтить лишь выраженіемъ нашего сожалѣнія, и да послужитъ оно утѣшеніемъ ихъ семействамъ, скорби которыхъ мы искренно сочувствуемъ».

Затѣмъ говорилъ генеральный адвокатъ кассационнаго суда Мартине; въ рѣчи своей онъ, подобно прочимъ, заявилъ свое участіе къ судьбѣ семействъ Баффе и Луарна и глубокое сожалѣніе о допущенной судебной ошибкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ убѣжденіе, что ошибка эта не воспрепятствовала правильности веденія процесса, результатомъ коего было осужденіе истинныхъ виновныхъ.

Согласно съ этимъ мнѣніемъ, кассационный судъ отвергнулъ аппеляцію Мильюра, Жамбона и вдовы Сенгенъ.

Описанныя нами пренія кассационнаго суда и несомнѣнно доказанная ими судебная ошибка вызвали двѣ статьи, изъ которыхъ первая разсматриваетъ вопросъ съ теоретической стороны и принадлежитъ Бертену, а вторая, написанная адвокатомъ Сорелемъ, представляетъ историческое изслѣдованіе о судебныхъ ошибкахъ. Мы заимствуемъ ихъ изъ газеты *le Droit*.

О судебныхъ ошибкахъ въ уголовномъ судопроизводствѣ.

Осужденіе невиннаго всегда возбуждаетъ общую и глубокую горестъ; всѣ сочувствуютъ страданіямъ несчастнаго, несправедливо опозореннаго уголовнымъ приговоромъ. Каждому приходитъ въ голову вопросъ, что долженъ былъ почувствовать человѣкъ, искупившій долговременнымъ пребываніемъ въ каторгѣ или казнью на эшафотѣ преступленіе, имъ несовершенное; какъ долженъ былъ онъ страдать при мысли, что онъ, никогда не нарушавшій общественныхъ и нравственныхъ законовъ, оставляетъ однако семейству своему обезчещенное имя.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что содѣйствовать восстановленію чести невинно-осужденнаго чрезъ приведеніе во всеобщую извѣстность обрушившейся надъ нимъ судебной ошибки—есть обязанность каждаго члена общества; но обязанность эта въ особенности лежитъ на судьяхъ, въ рукахъ которыхъ находятся доказательства его невинности.

Долгъ этотъ въ отношеніи Баффе и Луарна былъ исполненъ какъ составителемъ новаго обвинительнаго акта, генеральнымъ прокуроромъ, такъ и совѣтникомъ кассационнаго суда Серрюрье. Но какимъ образомъ могъ онъ быть презрѣнъ и забытъ однимъ изъ французскихъ ассизныхъ судовъ; какъ могъ судъ этотъ, исказивъ смыслъ исключительнаго узаконенія, воспретить опубликованіе процесса и тѣмъ воспрепятствовать полному признанію невинности несправедливо осужденныхъ; какъ могъ онъ пренебречь основными началами закона и совѣсти?

Мы не хотѣли этому вѣрить, но докладъ г. Серрюрье не позволилъ намъ далѣе сомнѣваться въ истинѣ этого прискорбнаго факта. Теперь можно съ достовѣрностью сказать, что запрещеніе огласить дебаты имѣло единственною цѣлью скрыть судебную ошибку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невинность Баффе и Луарна.

Странное заключеніе Финистерскаго ассизнаго суда можетъ объясниться лишь боязнью возбудить чрезъ опубликованіе этихъ дебатовъ споръ, въ которомъ правда, истина и справедливость находятся въ прямомъ противорѣчій съ дѣйствующимъ закономъ.

Происходившія въ Финистерскомъ судѣ пренія огласили бы то, что впрочемъ и безъ того всѣмъ извѣстно: мы говоримъ про невинность Баффе и Луарна, приговоренныхъ въ 1854 г. къ каторжной работѣ и умершихъ подъ дѣйствіемъ приговора. Въ кассационномъ судѣ, адвокатъ, докладчикъ и генеральный адвокатъ въ выраженіяхъ самыхъ точныхъ и сильныхъ провозгласили эту невинность, которая впрочемъ вполне доказана осужденіемъ истинныхъ виновныхъ, а также и странными предосторожностями, принятыми Финистерскимъ судомъ для сохраненія этого дѣла въ тайнѣ.

Невинность Баффе и Луарна доказана такимъ образомъ до очевидности и теперь общественное мнѣніе занято вопросомъ, что будетъ сдѣлано для возстановленія чести этихъ двухъ лицъ? Какъ будетъ снято съ семейства ихъ пятно безчестія на нихъ лежащее? Чувство справедливости, присущее каждому, не допускаетъ оставленія въ силѣ незаслуженнаго осужденія; совѣсть наша возмущается при мысли, что приговоръ, ложность котораго доказана, продолжаетъ считаться справедливымъ, а Баффе и Луарнъ официально признаются за дѣйствительныхъ преступниковъ, между тѣмъ какъ невинность ихъ всѣмъ извѣстна.

Должно однако сознаться, что предположеніе никѣмъ не

принимаемое, отвергаемое всѣми съ негодованіемъ, освящено нашимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Ст. 443 кодекса уголовного судопроизводства допускаетъ право пересмотра въ томъ случаѣ, когда, какъ это было въ дѣлѣ Баффе и Луарна, существуютъ два противорѣчащіе приговора, свидѣтельствующіе о невинности одного или нѣсколькихъ осужденныхъ; но по силѣ этой статьи закона право пересмотра обуславливается жизнью осужденныхъ; если же, или невинный, или виновный, умерли до пересмотра, то пересмотръ этотъ дѣлается невозможнымъ.

Намъ не въ-первый разъ приходится возставать противъ столь несправедливаго узаконенія; но кромѣ насъ отъны его домогались лица, имѣющія право на большій авторитетъ; вопросъ о томъ былъ неоднократно возбуждаемъ въ палатахъ перовъ и депутатовъ, а законодательное собраніе республики, незадолго до распушенія, значительнымъ большинствомъ голосовъ положило измѣнить 443 статью. Къ авторитету этихъ мнѣній слѣдуетъ еще присовокупить рѣчь г. Серрюрье, столь краснорѣчиво и увлекательно выразившаго убѣжденіе свое о жестокости закона, который запрещаетъ возстановленіе чести невинно осужденныхъ.

Мы не надѣемся, что рѣчь г. Серрюрье произведетъ какое нибудь измѣненіе въ законѣ; но тѣмъ не менѣе мы пользуемся этимъ новымъ случаемъ, чтобъ заявить тѣ чувства негодованія, которыя возбуждаетъ въ насъ статья 443. Знаютъ ли ея составители и рѣдкіе, въ настоящее время, защитники, сколько несчастій, бѣдствій и горя она причинила.

И какъ ничтожны представляемые ими аргументы! Они говорятъ, что смерть осужденнаго затруднила бы веденіе процесса. Но отсутствіе обвиненнаго также затрудняетъ ходъ судопроизводства, а между тѣмъ его судятъ и осуждаютъ; ясно, что и пересмотръ несправедливаго приговора столь же возможенъ

Присовокупляютъ сверхъ того, что пересмотръ процесса не долженъ имѣть мѣста, когда осужденный умеръ, потому что къ жизни возвратитъ его нельзя. Разсужденіе болѣе чѣмъ странное! Зло меньшее исправляютъ: осужденнаго выпускаютъ на свободу и тѣмъ самымъ возстановляютъ его честь, когда же это зло неозвратно, когда неправильный приговоръ лишилъ осужденнаго и жизни и чести, то не имѣя возможности возвратитъ ему жизнь, считаютъ уже излишнимъ возстановитъ его доброе имя и смыть безчестіе, отъ котораго страдаетъ его семейство. Но религія, справедливость и нравственность, не учатъ ли онѣ насъ, что необходимость исправленія соразмѣряется съ важностью ошибки и величиною зла.

Статья 443, нарушая эти вѣчныя и непреложныя истины, освящаетъ явную безнравственность. Неужели не настало время исключить изъ нашего кодекса, эти послѣдніе слѣды варварскихъ и безчеловѣчныхъ законовъ стараго времени? Необходимость этой отмѣны съ полною и неоспоримою очевидностью доказывается дѣломъ Баффе и Луарна и общественное мнѣніе настоятельно требуетъ этой отмѣны, при воспоминаніи о столькихъ несчастныхъ, умершихъ на эшафотѣ и въ каторгѣ.

Скрытая причина, останавливающая измѣненіе 443 ст., намъ извѣстна; опасаются, что торжественное признаніе судебной ошибки, имѣвшей послѣдствіемъ смерть невиннаго, ослабитъ преслѣдованіе и наказаніе преступленій. Но неужели хотятъ насъ заставить вѣрить въ непогрѣшимость французскаго суда? Надѣются ли убѣдить насъ, что не было и не будетъ уголовныхъ приговоровъ, осуждающихъ невинныхъ? Скрытая рана все таки существуетъ и всеѣмъ извѣстна. Общественное мнѣніе и до сихъ поръ не забыло дѣло Лезюрка и многихъ другихъ; до сихъ поръ оно волнуется и негодуетъ при этихъ воспоминаніяхъ.

Осужденіе невиннаго есть, безъ сомнѣнія, общественное бѣдствіе, въ особенности когда судебная ошибка имѣла по-

слѣдствіемъ смерть невиннаго; но если такое несчастье допущено, то оно должно быть объявлено и на сколько это возможно, исправлено и вознаграждено. Исполненіе этого долга есть самая священная обязанность и уклониться отъ нея значило бы нарушить самыя основныя начала справедливости.

Составители 443 статьи и члены Финистерскаго ассизнаго суда поступили бы конечно правильнѣе, если бы послѣдовали примѣру Венеціанскаго сената.

Венеціанскій патрицій пораженъ ночью кинжаломъ; недалеко отъ мѣста преступленія живетъ булочникъ, человѣкъ характера тяжелаго и заносчиваго. Подозрѣніе падаетъ на него и его схватываютъ; въ домъ его находятъ ножны, подходящія къ кинжалу, орудію убійства. На основаніи этой улики обвиненнаго приговариваютъ къ казни и онъ умираетъ въ самыхъ страшныхъ мукахъ.

Вскорѣ открываютъ настоящаго убійцу и невинность несчастнаго булочника доказана. Сенатъ тотчасъ же возстановляетъ честь умершаго и учреждаетъ на вѣчное время панихиду за упокой души его. Опеку надъ дѣтьми его республика принимаетъ на себя. Судьи, его приговорившіе, надѣваютъ трауръ, а въ залѣ суда выставляютъ слѣдующую надпись:

«Помните о бѣдномъ булочникѣ!»

Съ тѣхъ поръ, каждый разъ когда судьи вставали съ своихъ мѣстъ, чтобъ начать сужденіе о какомъ либо преступленіи, судебный приставъ указывалъ имъ жезломъ на надпись и громкимъ голосомъ произносилъ:

«Помните о бѣдномъ булочникѣ».

О пересмотрѣ уголовныхъ процессовъ и о судебныхъ ошибкахъ при существованіи французскихъ парламентовъ.

Бѣдственныя послѣдствія судебныхъ ошибокъ не прошли, для нашихъ предковъ, незамѣченными и уже въ XVI столѣ-

ти возбуждали негодование глубокомысленнаго Монтаня. Между тѣмъ въ его время существовало для семействъ большое утѣшеніе: если жизнь не могла быть возвращена несправедливо казненному, то по крайней мѣрѣ честь его могла быть торжественно восстановлена. Въ настоящее же время, кодексъ уголовного судопроизводства допускаетъ подобный обрядъ, лишь въ томъ рѣдкомъ случаѣ, когда мнимая жертва убійства существованіемъ своимъ явно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи преступленія.

Судебныя лѣтописи представляютъ намъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ торжественнаго восстановленія чести казненнаго.

Въ 1409 г. былъ казненъ въ Парижѣ Жанъ Монтаю; въ послѣдствіи процессъ его былъ пересмотрѣнъ, честь его восстановлена, а конфискація имущества отменена.

Въ 1449 г., вслѣдствіе королевскаго повелѣнія, была восстановлена судебнымъ порядкомъ честь знаменитой Іоанны д'Аркъ.

Впрочемъ, это право пересмотра было введено правильнымъ образомъ въ законодательство гораздо позднѣе, а именно въ 1670 г., когда послѣдовало повелѣніе, коимъ дозволялось осужденному, вдовѣ его и дѣтямъ просить у короля рескрипта о пересмотрѣ дѣла. По полученіи такого рескрипта, дѣло обращалось къ вторичному рассмотрѣнію того самаго суда, гдѣ оно производилось первоначально.

Порядокъ, установленный вышеизложеннымъ повелѣніемъ, получилъ вскорѣ послѣ того дѣйствительное примѣненіе, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ сентябрѣ 1687 г. жительствовавшій въ Парижѣ, въ улицѣ Рояль, графъ Монгомери, замѣтилъ, что во время отсутствія его изъ квартиры его похищена значительная сумма денегъ и драгоценныя вещи. Подозрѣнія его остановились на

жившихъ въ одномъ съ нимъ домѣ, д'Англадѣ и женѣ сего послѣдняго. По жалобѣ графа, лица эти были посажены въ тюрьму и, по распоряженію судьи, д'Англадъ былъ подвергнутъ пыткѣ. Затѣмъ, не смотря на заpiresательство обвиненныхъ, судъ приговорилъ д'Англада къ каторжной работѣ на девять лѣтъ, а женѣ его воспретилъ въѣздъ въ Парижъ и округъ его на такой же срокъ и сверхъ того обязалъ ихъ вознаградить Монгомери за сдѣланную у него кражу.

Приговоръ этотъ былъ исполненъ: имущество д'Англада было продано по низкой цѣнѣ, а самъ онъ, истерзанный пыткой, былъ отправленъ въ Марсель и тамъ, въ больницѣ каторжниковъ, вскорѣ скончался; умирая, онъ подтверждалъ свою невинность.

Нѣсколько времени спустя представились ясныя доказательства его невинности. Настоящіе виновники кражи, за которую онъ пострадалъ, были схвачены, приговорены къ смерти и казнены.

Жена д'Англада, испросивъ у королевскаго совѣта разрѣшеніе на пересмотръ дѣла, обратилась въ парламентъ съ просьбою о снятіи съ памяти ея мужа лежащаго на немъ пятна. Парламентъ уничтожилъ обвиненіе, взведенное на д'Англада и жену его, призналъ заключеніе ихъ въ тюрьму, конфискацію и продажу ихъ имущества, *оскорбительными, притязательными и нелпыми*, а графа Монгомери присудилъ къ уплатѣ г-жѣ д'Англадъ той суммы, за которую было продано имущество ея мужа и всѣхъ судебныхъ издержекъ по дѣлу, начатому противъ нихъ по его жалобѣ. Сверхъ того, приговоръ этотъ повелѣно было опубликовать вездѣ, гдѣ окажется необходимымъ.

Почти въ тоже самое время нѣкто Лебрень былъ приговоренъ къ колесованію за убійство г-жи Мазель, у которой онъ находился въ услуженіи. Но еще до приведенія приговора въ исполненіе, осужденный умеръ отъ послѣдствій пытки.

Нѣсколько дней спустя, настоящій виновный быль найденъ и честь Лебрена была восстановлена.

Наконецъ, въ началѣ 18-го столѣтія, мы встрѣчаемъ еще третій примѣръ прискорбной судебной ошибки. Въ 1714 г., служившій въ Сомюрѣ по солянному управленію, Бопре, быль осужденъ къ колесованію за убійство. Невинность его открылась вскорѣ и вдова его начала противъ судей, приговорившихъ ея мужа къ смерти, искъ, которымъ она не только требовала восстановленія чести Бопре, но и денежнаго вознагражденія. Ходатайство ея было уважено. Сомюрскіе судьи должны были выплатить ей 13 т. ливровъ, и сверхъ того ей было предоставлено похоронить тѣло мужа, гдѣ она пожелаетъ.

Въ настоящее время подобный пересмотръ рѣшенныхъ однажды дѣлъ, уже невозможенъ; мы выше сказали, что онъ не допускается дѣйствующимъ французскимъ законодательствомъ. Но ничто не препятствуетъ измѣненію самого текста этого закона, который служитъ непреодолимою преградой семействамъ, свято хранящимъ память о несправедливо осужденномъ, и желающимъ видѣть невинность его торжественно признанною.

Необходимость этого измѣненія, доказываемая самыми неоспоримыми аргументами, получила на дняхъ новое подтвержденіе. Будемъ же надѣяться, что этотъ недостатокъ нашего законодательства вскорѣ устранится и что невинно осужденный, оставаясь всю жизнь подъ бременемъ несправедливаго приговора, по крайней мѣрѣ ляжетъ въ могилу съ убѣжденіемъ, что, рано или поздно, съ памяти его будетъ снято позорное клеймо, неразлучное съ судебнымъ осужденіемъ.

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛЮГРАФІЯ

Матеріальное благосостояніе, ставящее чело́вѣка въ положеніе, въ которомъ онъ полно и совершенно можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ, важно не только въ отношеніи чисто экономическомъ, хозяйственномъ, но значеніе и важность его открывается еще по отношенію къ чело́вѣку, какъ къ гражданину, какъ къ члену общественнаго союза. Живя въ этомъ союзѣ, участвуя во всѣхъ преимуществахъ, вытекающихъ изъ государственной жизни, чело́вѣкъ, какъ извѣстно, имѣетъ права и на немъ лежатъ обязанности. Пользованіе этими правами и исполненіе этихъ обязанностей исчерпываютъ всю общественную жизнь его. Но чтобы жизнь эта была рациональна, чтобы права не были нарушаемы и обязанности строго исполняемы, необходимо, чтобы матеріальныя лишенія не преслѣдовали чело́вѣка, чтобы онъ имѣлъ достаточно средствъ для ихъ удовлетворенія, словомъ, чтобы онъ обладалъ нѣкоторымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, которое отстраняло бы всѣ препятствія къ исполненію имъ высокой роли гражданина и члена общественнаго союза. Такимъ образомъ открывается важное значеніе матеріальнаго благосостоянія для гражданской жизни народа, для пользованія гражданскими правами и исполненія гражданскихъ обязанностей.

Взглянемъ на послѣдствія недостатка средствъ существованія. При такомъ недостаткѣ человѣкъ не только не можетъ пользоваться правами ему принадлежащими, но часто даже нарушаетъ права другихъ лицъ. Это грустное явленіе нарушаетъ гармонію и порядокъ государственной жизни, порождаетъ особую, усиленную дѣятельность администраціи и часто вызываетъ дѣйствіе суда. Конечно, при относительно большемъ обладаніи богатствомъ, страсти и эгоизмъ могутъ имѣть слѣдствіемъ нарушеніе правъ другихъ лицъ, но все таки не въ такой сильной степени, какъ при полной бѣдности, которая, какъ доказано судебной статистикой, есть главная причина преступленій, заставляющая часто развитаго даже человѣка забывать свое нравственное достоинство и уклоняться отъ истиннаго пути.

Независимо отъ того, что недостатокъ матеріальныхъ благъ побуждаетъ человѣка къ нарушенію правъ согражданъ, этотъ недостатокъ препятствуетъ лицу исполнять свои прямыя гражданскія обязанности. Обязанности же могутъ относиться какъ къ правительству, такъ и къ частнымъ лицамъ. Въ первомъ случаѣ онѣ могутъ, между прочимъ, касаться необходимости участія каждаго въ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ, въ платежѣ налоговъ, которыми обязываются граждане. При бѣдности гражданъ въ сборахъ оказываются недоимки, лицо является неисправнымъ плательщикомъ, неисправнымъ исполнителемъ святой своей обязанности содѣйствовать государству въ достиженіи его цѣлей; съ другой стороны государство терпитъ недостатки и по необходимости должно прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, которыя снова требуютъ усиленной дѣятельности администраціи и суда.

Вслѣдствіе всего этого, повторяемъ, матеріальное благосостояніе важно также точно въ юридическомъ, государственномъ бытѣ народа, какъ существенно оно въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, и поэтому мѣры, принимаемыя правительствомъ

къ увеличенію этого благосостоянія, не могутъ быть чужды учрежденіямъ и лицамъ, наблюдающимъ за осуществленіемъ въ общественномъ союзѣ великихъ началъ правды и справедливости.

Мы позволили себѣ высказать эти простыя и очевидныя истины для болѣе яснаго обозначенія вліянія новой правительственной мѣры, предпринятой относительно экономическаго развитія Россіи. Мы разумѣемъ учрежденіе земскихъ банковъ, какъ для водворенія въ Россіи поземельнаго кредита, такъ и для примѣненія его къ выкупу земель и повинностей крестьянъ. Наука признаетъ кредитъ за великую силу, творящую чудеса въ промышленной жизни, примиряющую трудъ и капиталъ. Это значеніе кредита дѣлаетъ его правильную организацію въ нашемъ отечествѣ чрезвычайно важною, и нельзя не признать благодѣтельныхъ послѣдствій, которыми будетъ сопровождаться учрежденіе земскихъ банковъ по отношенію къ благосостоянію народа.

Современная задача нашего хозяйства — отстранить непомирную дороговизну, возникшую въ послѣднее время на всѣ предметы необходимаго потребленія. Достичь этого можно только развитіемъ сельской промышленности, которая приращена и свойственна намъ и успѣхи которой могутъ отстранить конкуренцію, возникающую для нашихъ сельскихъ произведеній со стороны Америки и Австраліи. Въ этомъ дѣлѣ кредитъ несомнѣнно можетъ оказать значительную пользу.

Финансовыя затрудненія, которыя могли бы возникнуть отъ настоящей системы государственныхъ кредитныхъ учреждений, убѣдили правительство въ необходимости прекратить ихъ операціи по поземельному кредиту и обратиться къ совершенно новымъ для насъ началамъ устройства земскихъ банковъ. Въ этихъ видахъ правительство 10 іюля 1859 г. учредило комиссію, для начертанія проекта устройства земскихъ банковъ, изъ лицъ специально знаемыхъ съ положеніемъ вопроса о поземельномъ кредитѣ и съ нуждами разныхъ частей имперіи.

Членами этой комиссіи были слѣдующія лица: В. А. Арцымовичъ, Н. Х. Бунге, И. В. Вернадскій, К. К. Гротъ, А. П. Заблоцкій Десятовскій, О. О. Кобеко, А. И. Кошелевъ, А. Д. Кригеръ, Е. И. Ламанскій, Н. А. Милютинъ, М. Х. Рейтернъ, М. К. Цеймернъ и князь В. А. Черкасскій. Комиссіа открыла свои дѣйствія 25 августа 1859 г. и по обсужденіи возложенной на нее задачи, начертала планъ своихъ работъ. Для составленія самаго проэкта комиссіа избрала, вмѣстѣ съ предсѣдательствующимъ Ю. А. Гагемейстеромъ и управляющимъ дѣлами В. П. Безобразовымъ, членовъ: А. И. Кошелева, М. Х. Рейтерна и князя В. А. Черкаскаго. Составленный этими лицами проэктъ былъ рассмотрѣнъ, дополненъ и окончательно утвержденъ общимъ собраніемъ членовъ комиссіи. Послѣ сего комиссіа подвергла обсужденію вопросъ объ административныхъ и финансовыхъ мѣрахъ, подлежащихъ правительству для облегченія устройства земскихъ банковъ и перехода отъ прежней системы къ новой. Вопросъ этотъ былъ также предварительно рассмотрѣнъ въ особой комиссіи, составленной изъ членовъ: В. И. Безобразова, И. В. Вернадскаго, Ю. А. Гагемейстера, Н. А. Милютина, М. Х. Рейтерна и князя В. А. Черкаскаго. Предположенія ихъ были окончательно рассмотрѣны въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ, и затѣмъ комиссіа, окончивъ всѣ части предстоявшихъ ей работъ, закрыла свои засѣданія 30 января 1860 г.

При окончаніи своихъ занятій, имѣя въ виду съ одной стороны, что для успѣха учрежденія у насъ земскихъ банковъ на началахъ частнаго кредита необходимо возможно большее и повсемѣстное распространеніе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, совершенно у насъ новомъ, и съ другой стороны, что степень примѣнимости многихъ предположеній комиссіи можетъ быть уяснена лишь обсужденіемъ ихъ въ ученой литературѣ, комиссіа признала ближайшимъ средствомъ къ до-

стиженію этихъ цѣлей распубликованіе ея работъ, до окончательнаго утвержденія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Министръ финансовъ, раздѣляя вполне такое мнѣніе комиссіи, всеподданнѣйше испрашивалъ на приведеніе его въ исполненіе Высочайшее разрѣшеніе, которое и послѣдовало 11 декабря 1859 г.

Изданные нынѣ въ свѣтъ «Труды комиссіи» продаются по дешевой цѣнѣ 1 р. 50 коп. Книга эта содержитъ въ себѣ: 1.) объяснительную записку комиссіи, гдѣ изложены: общія начала, принятыя ею въ проектируемомъ положеніи, предположенія о тѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, которыя необходимы для перехода отъ старой банковской системы къ новой, общее заключеніе о нынѣшнемъ положеніи поземельнаго кредита въ имперіи и о мѣрахъ содѣйствія его успѣхамъ, и наконецъ проектъ основаній для открытія ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ при приказахъ общественнаго призрѣнія, 2) проектъ положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ или земскихъ банкахъ и 3) приложения къ объяснительной запискѣ и проекту.

Общій выводъ изъ соображеній комиссіи по возложенному на нее дѣлу представляется въ слѣдующемъ видѣ: система частныхъ и совершенно самостоятельныхъ земскихъ банковъ представляется, по убѣжденію комиссіи, самымъ лучшимъ и самымъ желаннымъ разрѣшеніемъ задачи поземельнаго кредита въ имперіи; но въ видахъ возможно болѣе свободнаго развитія частныхъ кредитныхъ учреждений не воспрещается учрежденіе акціонерныхъ земскихъ банковъ, безъ дарованія имъ однако какихъ бы то ни было монополій и привилегій. Имѣя въ виду совершенную настоятельность кредита для недвижимой собственности въ имперіи и тѣ затрудненія, которыя могутъ произойти отъ слишкомъ медленнаго образованія частныхъ земскихъ банковъ, комиссія признаетъ полезнымъ принять нѣкоторыя переходныя мѣры. Здѣсь самую

естественною переходною мѣрою представляется открытіе, при приказахъ общественнаго призрѣнія, центровъ для учрежденія землевладѣльческихъ кредитныхъ товариществъ. Но въ основаніе такой переходной системы ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, необходимо, по мнѣнію комиссіи, положить начало круговаго ручательства заложенныхъ имѣній, по вышущеннымъ кредитнымъ бумагамъ (или закладнымъ листамъ). Управление дѣлами по ссудамъ, устроенное первоначально съ содѣйствіемъ и подъ контролемъ правительства, будетъ постепенно переходить въ руки самихъ заемщиковъ-землевладѣльцевъ. Но на всѣ эти переходныя мѣры и возникающую изъ нихъ систему кредита никакъ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на мѣру и систему постоянныя и рациональныя; напротивъ того, вникая въ цѣль этихъ мѣръ и самую сущность такой системы, нельзя не убѣдиться, что подобное положеніе поземельнаго кредита, опирающагося на обезпеченіе казны, есть положеніе временное и нисколько не рациональное, вынуждаемое лишь чрезвычайными обстоятельствами времени и государственною необходимостію. Потребность въ болѣе обширныхъ размѣрахъ ссудъ, на переходное время ограниченныхъ самою крайнею необходимостію, и желаніе получить самостоятельность въ управленіи будутъ побуждать заемщиковъ къ преобразованію земскихъ кредитныхъ отдѣленій приказовъ въ земскія кредитныя общества на началахъ, въ проектѣ положенія установленныхъ. Такимъ образомъ предлагаемыя переходныя мѣры не только не воспрепятствуютъ утвержденію поземельнаго кредита въ Россіи на началахъ рациональныхъ, но даже будутъ тому способствовать постепеннымъ превращеніемъ временныхъ кредитныхъ отдѣленій въ постоянныя кредитныя общества. При такомъ взглядѣ на дѣло, разрѣшеніе открывать ссуды при приказахъ общественнаго призрѣнія слѣдовало бы, по мнѣнію комиссіи, давать лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказалось бы совершенно невозможнымъ образованіе самостоятельныхъ земскихъ кредитныхъ обществъ или вообще частныхъ земскихъ банковъ. Наконецъ переходныя мѣ-

ры не только не должны препятствовать возникновенію независимыхъ частныхъ земскихъ банковъ, но къ учрежденію послѣднихъ необходимо нынѣ же употребить всѣ зависящія отъ правительства способы содѣйствія. Такими мѣрами, содѣйствующими непосредственному переходу отъ государственныхъ кредитныхъ установленийъ къ частнымъ земскимъ банкамъ, представляются слѣдующія: 1) учрежденіе гипотечныхъ книгъ для недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, при чемъ необходимы: а) отсутствіе въ гипотечной системѣ всякихъ привилегированныхъ или тайныхъ гипотечныхъ правъ и б) полная гласность гипотечныхъ книгъ; 2) — улучшение порядка взысканія долговъ по беспорнымъ дѣламъ вообще и по закладнымъ обязательствамъ въ особенности и 3) ссуды подъ залогъ кредитныхъ бумагъ земскихъ банковъ.

Таковы главные и общіе выводы изъ объяснительной записки комиссіи. Всѣ эти начала не только отличаются послѣдовательностію, но и носятъ на себѣ характеръ практичности. Трудъ комиссіи—важный и достойный трудъ, за который общество обязано членамъ ея глубокою признательностію. Они положили основаніе дѣлу государственной важности, знаменательному по благимъ послѣдствіямъ, которыя оно обнаружитъ на хозяйственное развитіе Россіи. Члены комиссіи употребили всѣ зависящія отъ нихъ средства, призвали на помощь силу науки, обратили вниманіе на условія современнаго положенія Россіи,—и потому представленный ими проектъ составляетъ шагъ впередъ на пути развитія производительныхъ силъ нашего отечества.

Сообщивъ читателямъ нашимъ о выходѣ въ свѣтъ «трудовъ комиссіи для устройства земскихъ банковъ», мы обращаемъ полное вниманіе ихъ какъ на новость въ Россіи той важной мѣры, надъ которою трудилась комиссія, такъ и на новость самаго способа, которымъ просвѣщенное правительство вознамѣрилось привести ее въ дѣйствіе. Не довольствуясь по-

рученіемъ этого важнаго дѣла собранію лицъ, спеціально зна-
комыхъ съ предметомъ, оно обращается ко всѣмъ образован-
нымъ гражданамъ, вызывая ихъ сочувствіе и содѣйствіе къ осу-
ществленію этой замѣчательной государственной мѣры. Станемъ
же надѣяться, что общество не будетъ глухо къ сдѣланному
ему вызову, что оно принесетъ посильную дань на общее бла-
го и увидитъ въ новой мѣрѣ новое доказательство неусыннымъ
попеченіямъ правительства о благосостояніи страны.

Д. М.

Отдѣлъ II. Судебная практика.

A. Русская.

Изложене рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ которыхъ разрѣшаемы были вопросы:

- I. О срокахъ для предъявленія споровъ по купчимъ крѣпостямъ въ отношеніи пространства владѣнія и объема земельной собственности. 92.
- II. О срокахъ для предъявленія исковъ къ опекунамъ въ случаѣ несвоевременнаго представленія опекунской отчетности. 96.
- III. О дѣйствительности неформальной росписки, не отвергаемой должникомъ. 105.
- IV. О порядкѣ предъявленія споровъ о законности рожденія дѣтей. 107.
- V. Объ отвѣтственности поручителей по векселямъ. 112.
- VI. О дѣйствительности безсрочныхъ заемныхъ писемъ. 121.

B. иностранная.

- I. Процессъ по иску дѣвѣицы Августины Z къ г-ну X по заемному письму. 125.
- II. Дѣло объ ограбленіи супруговъ Гигуресъ.—Неправильное присужденіе двухъ подсудимыхъ Баффе и Луарна къ каменной работѣ.—Судебныя ошибки. 140.

Отдѣлъ III. Библиографія.

Извѣстіе объ изданной отъ Министерства Финансовъ книгѣ «труды комисіи для устройства земскихъ банковъ. . 157.

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть руб. сер.*, а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь руб. пятьдесятъ копѣекъ сер.*, 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 года (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года,) *три руб. сер.* безъ доставки, съ доставкою же *три руб. семьдесятъ пять коп.* сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. П. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 23 Марта 1860 года.
Цензоръ *Обертъ.*